

Августъ Стриндбергъ.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.

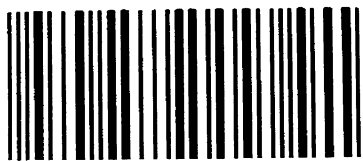
ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

КОЛДУНЬЯ. ОТЕЦЪ. НАДЪ
ОБЛАКАМИ. ЗАРНИЦЫ.
ИСТОРИЯ ОДНОГО СУПРУ-
ЖЕСТВА.

МОСКВА—1909.

2007085847

ТИПО-ЛИТ. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА МОСКВА,
ЧИСТЫЕ ПРУДЫ, МЫЛЬНИКОВЪ ПЕР., СОБ. ДОМЪ.

ТЕЛЕФОНЫ: 18-35. 53-95.

Колдунья.

Переводъ А. Владиміровой.

I.

Отец Теклы Дегенеръ былъ унтеръ-офицеромъ городской сторожевой команды Стокгольма, которой ввѣрена внутренняя охрана города, а также конвойная и сторожевая служба въ тюрьмѣ. Эта команда никакимъ престижемъ не пользовалась. Мундиръ стражниковъ былъ все тотъ же со временъ тридцатилѣтней войны и возбуждалъ насмѣшки уличныхъ мальчишекъ. Нахожденіе Дегенера въ этомъ незавидномъ состояніи накладывало на него извѣстную печать, а невозможность выйти изъ этого положенія убивала въ немъ всякое желаніе перемѣнить родъ занятій. Кромѣ того, постоянное соприкосновеніе съ преступниками омрачало его взглядъ на жизнь. Онъ, такимъ образомъ, сталъ замкнутъ, мраченъ и предался пьянству.

Мать Теклы была прежде служанкой, а послѣ замужества получила мѣсто привратницы, что обеспечивало ей самостоятельное положеніе, но въ то же время дѣлало ея жизнь очень тяжелой. Мужъ, который долженъ былъ каждую ночь нести свою службу, приходилъ только не надолго днемъ, пилъ пиво и водку, а Теклу въ это время мать всегда высылала вонъ. Связь между супругами была весьма слабая. Домъ находился на улицѣ «Чернаго Монаха», наискось отъ нѣмецкой церкви, въ самомъ, пожалуй, мрачномъ мѣстѣ стараго города. Это было старое потемнѣвшее

зданіе съ маленькими тусклыми оконцами, черезъ которыя, казалось, плохо долженъ былъ проникать свѣтъ. Домъ представлялся таинственнымъ и некрасивымъ, и надо было удивляться тому, что хозяину пришла мысль держать привратницу. Однако это имѣло основаніе. Домъ имѣлъ весьма многочисленныхъ обитателей, и нѣкоторая охрана была необходима; затѣмъ квартиранты были такого рода люди, которымъ швейцаръ при домѣ служилъ какъ бы вывѣской, рекламой. Въ первомъ этажѣ находилась гостиница, обычное пристанище финляндскихъ матросовъ. На дворъ выходила контора ростовщика, а надъ ней—пріютъ для дѣвочекъ. Мѣсто привратницы не могли слѣдовательно считать легкой службой: не проходило десяти минутъ во всѣ двадцать четыре часа, чтобы дверь не отворялась, а отворенной оставаться она не должна была никогда. Жизнь привратницы была, слѣдовательно, жизнью не только заключеннаго, но еще и преступника, осужденнаго на вѣчную пытку. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ еще существовало правило будить по нѣсколько разъ въ ночь заключенныхъ во время сна, чтобы ихъ этой пыткой особаго рода довести до сознанія. Такъ и привратница во всѣ сутки не была ни на минуту застрахована отъ звонка. Была ли она въ ожиданіи ребенка — она должна была постоянно тянуть за веревку. Стояла ли у плиты, она должна была отойти и слышать, какъ кипящее молоко выливалось изъ горшка, ложилась ли она въ постель и все вокругъ нее замолкало, глаза закрывались, успокаивались натянутые нервы, но вдругъ раздавался звонокъ, и она опять должна была напрягать свои мускулы и тянуть за веревку. Веревка стала ея новымъ членомъ, какъ бы выросшимъ незамѣтно у правой руки. Вся жизнь ея, все существованіе вертѣлось вокругъ звонка. Она лишилась своей воли, всякой инициативы, и ея дѣя-

тельность получала наружный импульсъ отъ звонка, который былъ проявленіемъ чужой воли и приводилъ въ движеніе ея правую руку. Въ первый годъ, когда она еще была беременна дочерью, это дѣйствовало на ея нервы, но потомъ она привыкла. Она только сознавала, что жизнь ея тѣсно связана съ веревкой, за которую она тянетъ. Устанетъ она тянуть веревку, тогда лишится ѣды, питья; надоѣстъ ей узкая комнатка съ окошечкомъ, выходящимъ къ воротамъ, и она знала, что передъ ней откроется свобода... но на мостовой.

Въ этой маленькой комнатѣ явилась на свѣтъ Божій Текла; въ это время дверь съ шумомъ затворялась, звонокъ звенѣлъ и моряки дрались у воротъ и пыряли другъ друга ножами. Это былъ страшно крикливый ребенокъ. Она могла кричать полчаса не переставая, пока не закашляется, тогда она теряла голосъ и лежала, какъ трупикъ. Она, казалось, родилась съ ясно выраженнымъ протестомъ противъ двери и звонка, не могла цѣлыхъ пять лѣтъ привыкнуть къ звонкамъ, а когда, наконецъ, привыкла, то слышала звонокъ даже тогда, когда его и не было. Когда она сидѣла въ школѣ или была у отца, ей слышались звонокъ, щелканье задвижки и шумъ двери. Мать думала успокоить ее нѣсколькими каплями водки, что успокоительно дѣйствовало лично на нее, но это дочери не помогало.

Когда Теклѣ минуло четыре года, ее стали выпускать къ воротамъ и на дворъ. Этотъ послѣдній напоминалъ собою колодецъ съ рядомъ небольшихъ домиковъ съ одной стороны и съ другой стороны съ большимъ сорнымъ ящикомъ, изъ котораго всегда сочилась вонючая черная струя. Лѣтомъ всегда вокругъ сорнаго ящика кружился рой мухъ; изъ оконъ подваловъ выползали большія коричневые крысы, чтобы въ сору найти себѣ морковь, картофельную

кожу или суконный лоскутокъ; иногда воробушекъ рѣшался спуститься съ крыши, чтобы захватить шерстинку для своего гнѣзда. Въ воротахъ была игральная Теклы, возлѣ сточнаго камня, куда выливались ведра съ помоями и гдѣ по стѣнѣ маршировали большіе длинноногіе пауки. Никто не былъ золъ или непривѣтливъ съ ней, и всякій, проходя въ ворота, находилъ для ребенка ласковое слово, потому что она была дочерью страшной для всѣхъ привратницы. Всѣхъ милѣй были съ нею дѣвочки, живущія наверху со стороны двора. Онѣ давали ей часто марципаны и приглашали ее въ свою комнату, гдѣ висѣли у оконъ тонкія занавѣски и гдѣ пахло розовой водой. Мать не очень долубливала эти посѣщенія, хотя все же для нея было отдыхомъ на время освободиться отъ присмотра за дѣвочкой; къ тому же она знала, что та все же въ домѣ.

На улицу выйти она никогда не могла, потому что мать никогда не бывала свободной и никогда не выходила. Солнца она никогда не видала, хотя иногда, когда, сидя на дворѣ, она перегибала голову назадъ и глядѣла по направленію края крыши, она видѣла, что тамъ наверху свѣтло и проглядываетъ что-то голубое. Когда же наступала зима и въ воротахъ замерзала вода, тогда она была на весь день заперта въ узкой комнатѣ, гдѣ бывало такъ темно, что еще до обѣда зажигался огонь, и гдѣ постоянно пахло перегорѣлымъ молокомъ, жаренымъ саломъ или пивомъ. Окно, выходившее на улицу, было заклеено бумагой, но Текла продѣлала себѣ скважинку, въ которую могла выглядывать. По другую сторону улицы она видѣла лишь край большого, темнаго зданія съ очень высокими заостренными окнами. Спросивъ однажды у матери, кто тамъ живетъ, она узнала, что это домъ Божій; изъ этого она вывела заключеніе, что Богъ долженъ быть очень высокаго роста,

такъ какъ ему нужны такая высокая крыша и такія высокія окна. Единственной ея радостью было посѣщеніе отца. Это былъ высокій, свѣтлорусый, блѣдный мужчина, одѣтый въ необычно красивое платье. Пуговицы у него были золотыя, и на нихъ было изображеніе старика, котораго она почему то называла святымъ Эрикомъ. Шпага такъ важно бряцала, когда отецъ ставилъ ее въ уголь шкафа. Но всего больше ей нравилась каска, когда отецъ клалъ ее на столъ возлѣ кружки съ пивомъ, и она сіяла и блестѣла какъ золото, а большой султанъ, возвышавшійся надъ каской, казался ей настоящей черной кошкой.

Большею частью родители говорили въ полголоса, но иногда до Теклы доходили жесткія, рѣзкія слова и тогда овладѣвалъ ею страхъ. Но отецъ всегда замолкалъ первый и вынималъ изъ кармана засаленный кошелекъ, изъ котораго передавалъ матери нѣсколько серебряныхъ монетъ; послѣ этого онъ вставалъ и уходилъ.

Текла видѣла, что обитатели дома съ большимъ почтеніемъ кланялись ея отцу, и она привыкла къ мысли, что онъ человѣкъ сильный и знатный; это вмѣстѣ съ сознаниемъ того авторитета, которымъ пользовалась въ домѣ мать, сдѣлало то, что она считала себя не принадлежащей къ людямъ низшаго происхожденія.

Она росла безъ братьевъ и сестеръ, безъ подругъ, и никого у нея не было, съ кѣмъ бы она могла себя сравнить и соприкасаясь съ кѣмъ она могла бы отшлифовать свою натуру. Но вотъ она достигла возраста, когда надо было итти въ школу. Вслѣдствіе того, что отецъ ея принадлежалъ къ старинной нѣмецкой семьѣ и что они были приписаны къ нѣмецкому приходу, ее отдали въ приходскую школу для дѣвочекъ. Когда ее приняли въ школу, то матери пришлось отпроситься, и она повела дочь въ

школу. Теклу вызвали, а у матери спросили, на какой должности отецъ. Когда та отвѣтила: «унтеръ-офицеръ сторожевой команды» на лицѣ учителя промелькнула еле замѣтная улыбка, а находившіеся въ залѣ дѣти и родители засмѣялись при этомъ такъ громко, что Текла это замѣтила. Выйдя на улицу, дѣвочка спросила у матери, отчего смѣялись, но мать ничего не отвѣчала. Въ школѣ же она скоро узнала, почему возбудила насмѣшки, узнала также, что принадлежитъ къ низшему классу общества, изъ котораго родители стремятся вытянуть ее посредствомъ воспитанія. Она однако скоро замѣтила, что у многихъ другихъ дѣтей бѣлыя лица и руки, а впослѣдствіе она научилась у другихъ дѣвочекъ пить уксусъ и мыть руки теплой водой, чтобы онѣ и у нее стали бѣлѣй. Она стала апатичной, потеряла сонъ, стала впечатлительной, такъ что въ общемъ она рѣдко чувствовала себя совсѣмъ здоровой. Преувеличенная забота матери о ней тоже приучила дѣвочку считать себя безпомощной и больной, ожидающей поддержки отъ другихъ. По этому ея собственная самодѣятельность все слабѣла.

Такъ прошло дѣтство до конфирмаціи. Тутъ вдругъ стали ей внушать, что всѣ люди равны. Она видѣла, что собирались вмѣстѣ дѣти всѣхъ классовъ населенія, которымъ всѣмъ преподавались одни и тѣ же правила, будто жизнь для всѣхъ будетъ одинаковая, и это скоро стало для нея сладостнымъ убѣжденіемъ. Священникъ, добрый, сострадательный старецъ, казалось, самъ вѣрилъ, что всѣ дѣти Одного Отца, и онъ не дѣлалъ никакого различія между дѣтьми бѣдныхъ и богатыхъ.

Вечеромъ, послѣ окончательнаго экзамена, онъ собралъ всѣхъ дѣтей въ залъ, чтобы преподать имъ послѣднія жизненные правила и какъ съ несовершеннолѣтними проститься

съ ними раньше, чѣмъ они сдѣлаются причастными Таинству и разбредутся по бѣлу свѣту.

Было душно въ темномъ, тѣсномъ залѣ, со стѣнъ котораго выглядывали изъ темныхъ рамъ строгія лица; топи-лась кафельная печь, а мѣдная лампа бросала на блѣдныя лица свой слабый свѣтъ. Учитель описалъ имъ взволнованнымъ голосомъ серьезность жизни; онъ просилъ ихъ ему повѣрить, такъ какъ онъ жизнь зналъ хорошо, и убѣждалъ ихъ не возлагать надежду истиннаго блаженства на такую шаткую почву, какъ та, на которой воздвигается то мимолетное счастье, которое даетъ людямъ свѣтъ.

Въ это мгновеніе они всѣ вѣрили ему. Сынъ командира полка вѣрилъ ему, когда онъ говорилъ, что даже самый высокопоставленный можетъ упасть и кончить жизнь всѣми отверженнымъ; дочь богача комерсанта вѣрила ему, когда онъ говорилъ, что видѣлъ дочь богатыхъ родителей, окончившую жизнь нищей. Тутъ, въ этотъ послѣдній часъ, въ этой залѣ, гдѣ они отдѣлены отъ свѣта и всѣ какъ дѣти одного Отца стоятъ передъ Богомъ, они должны забыть, что тамъ въ мрачномъ, гнусномъ свѣтѣ люди судятъ другъ друга иначе, на иномъ, болѣе низкомъ основаніи. И пусть, когда они на слѣдующее утро пріобщатся всѣ вмѣстѣ Таинству всеобщей любви, пусть тогда они не забудутъ, что уже никогда всѣ не будутъ сидѣть за однимъ столомъ; пусть знаютъ, что быть можетъ на пиршествахъ другого рода одни будутъ прислуживать другимъ, но что теперь они изъ одной и той же Чаши пьютъ напитокъ всеобщаго братства, какъ Іисусъ пилъ и ѣлъ съ самыми жалкими и ничтожными людьми. Дѣти!—закончилъ свою рѣчь старикъ,—покажите теперь передъ Богомъ вашему старому, быть можетъ, единственному другу, что вы на мгновеніе можете отбросить мірскія мысли и чувства, что

вы признаете себя братьями и сестрами единой великой семьи, какъ нашъ Спаситель гмотрѣлъ на человѣчество, какъ Онъ самъ спустился къ самымъ униженнымъ, тогда, какъ мѣсто Его, какъ Учителя, было бы среди старцевъ въ синагогѣ. Откройте сердца ваши безъ страха и сомнѣнiя, и пусть я на мгновенiе увижу картину, о которой въ душѣ мечталъ,—что дѣти людей могутъ здѣсь на землѣ быть похожими на ангеловъ.

Онъ сошелъ съ своего мѣста и заперъ на задвижку дверь, а дѣти въ сильномъ возбужденiи ожидали, что произойдетъ.

— Теперь, — продолжалъ учитель, — теперь я раскрылъ передъ вами жизнь съ ея ложью, преступленiями и несправедливостью, и теперь мы одни стоимъ передъ Сыномъ человѣческимъ, пришедшимъ, чтобы низвергнуть вознесенныхъ въ высь и поднять попранное ногами. Пусть воспрянутъ наши сердца въ тихой молитвѣ, и когда вы почувствуете, какъ душа ваша очищается и возвышается, обнимите другъ друга, какъ дѣти одного Отца должны всѣ обниматься безъ лжи и обмана! Пусть увижу я какъ ты, богатый юноша, котораго за дверью ждуть блескъ, и почести, примешь въ свои объятiя твоего трудящагося брата! Пусть увижу я тебя, дочь знатнаго вельможи, на груди, быть можетъ, будущей твоей служанки! А ты, униженный сынъ бѣдныхъ родителей, отогрѣй свое остывшее сердце на груди брата, которому ты до сихъ поръ завидывалъ, излѣчи въ объятiяхъ брата твои раны, которыя ты тщательно скрывалъ! Любите другъ друга, какъ я васъ любилъ! Дайте одинъ другому братскiе умиротворяющiе поцѣлуи теперь, въ это именно мгновенiе, теперь, раньше, чѣмъ отворится дверь и ворвется жизнь со всей ея распрей, завистью и злобой, потому что тогда—о Боже! почему?—разойдутся ваши серд-

ца, и тутъ, юноши и дѣвицы... поэтому теперь, именно теперь! Аминь!

Юноши и дѣвушки, раздѣленные во время рѣчи учителя на двѣ группы и глядѣвшіе робко другъ на друга, теперь въ полномъ экстазѣ, со слезами на глазахъ пошли другъ къ другу на встрѣчу и рыдая бросились въ объятія одинъ къ другому. Казалось, что сразу упали всѣ различія, положенія, происхожденія, состоянія и пола, и эти рыдающія дѣти, взволнованные необычными чувствами, глядѣли до вѣрчиво и любовно другъ на друга. Не замѣчались грубыя лица, озябшія руки и плохія платья; стерлось съ лица голодное и завистливое выраженіе; исчезла гордость, и не было видно презрѣнія.

Съ своего мѣста глядѣлъ учитель на вызванное имъ бурное движеніе; взволнованный при видѣ сбывшейся мечты, онъ протянулъ къ нимъ руки.

— Да будетъ миръ надъ вами!—вотъ единственное, что онъ могъ высказать, а тѣмъ временемъ радостныя слезы восторга блестѣли въ его большихъ, темныхъ глазахъ.

Какъ бы разбуженные отъ сна, вернулись дѣти на свои мѣста. Еще временами слышались отрывистыя восклицанія, какъ это бываетъ всегда послѣ того, какъ дѣти выплакались, и опустивъ глаза, какъ бы стыдясь чего-то, дѣти сѣли на скамейки и не рѣшались взглянуть другъ на друга.

Въ это самое мгновеніе, кто-то дернулъ снаружи за ручку двери. Учитель многозначительно взглянулъ на дверь, хотѣлъ что-то сказать, но смогъ лишь улыбнуться и сошелъ съ мѣста, чтобы впустить сторожа, пришедшаго затопить печь.

Трудно было послѣ этого снова подняться до экзальтаціи, и всѣ сразу опустились, какъ бы на землю. Нѣкоторые изъ дѣтей начали даже смѣяться.

— Да, теперь мы смѣемся, сказалъ учитель, мы смѣем-

ся надъ нашимъ ребячествомъ, когда внѣшній міръ врывается въ двери. Мы не разъ будемъ смѣяться надъ нашей слабостью, нашими грезами и нашими лучшими надеждами. Но кто знаетъ, не слѣдовало ли намъ вмѣсто того плакать? Кто знаетъ?

Въ комнатѣ стало жарко; паръ шелъ отъ холодныхъ оконныхъ рамъ, и лампа слегка коптила. Дѣти казались сонными, и то одинъ, то другой зѣвалъ. Сторожъ шумѣлъ своею кочергой. Наступило общая усталость, и пасторъ вскорѣ закрылъ собраніе послѣ краткой молитвы, послѣдовавшей за небольшой проповѣдью на евангельскій текстъ: «Аще не обратитесь и не будете какъ дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное».

Когда дѣти затѣмъ одѣвались въ передней, они избѣгали глядѣть другъ на друга; и опять въ нихъ ожило сильное впечатлѣніе пережитаго, такъ что говорить объ этомъ они не могли.

На Теклу это произвело глубокое впечатлѣніе, такое глубокое, что она, еще возвращаясь домой черезъ кладбище, шла, какъ въ полу-снѣ. Апрѣльскій вечеръ погрузился въ темноту, и поднялся теплый южный вѣтеръ, раскачивающій еще голыя вѣтви липъ, межъ которыхъ виднѣлись звѣзды, сіявшія какъ блестки на вѣткахъ деревьевъ.

Она шла тихими шагами и держала обѣими руками передъ лицомъ муфту, какъ будто это была красивая, только что написанная картина, которую она боялась запачкать. Иногда она подымала руки кверху, какъ бы желая разглядѣть картину, а когда она затѣмъ на мгновеніе закрывала глаза, то ей мерещился среди толпы людей темно-волосый, прекрасный юноша, шедшій къ ней на встрѣчу съ распростертыми объятіями; она обнимаетъ его своими круглыми руками, прижимаетъ лицо къ его лицу такъ, что

она видитъ лишь прядь волосъ и пару глазъ, вливающихъ огонь въ ея глаза; ея ротъ вдыхаетъ теплое дуновеніе изъ его усть. Она держитъ его въ своихъ объятіяхъ и чувствуетъ, какъ дрожащія руки ея согрѣваются отъ его прикосновенія; щека ея склоняется къ бѣлой сорочкѣ голландскаго полотна, бѣлой, какъ одежда Искупителя, по словамъ проповѣдника, а посреди груди блеснула ярко красная капля крови, холодная и жесткая, придавила ея високъ; и тогда ей стало почти до крику больно; но боль эта ей сладостна, и она крѣпче прижимается къ жесткому камню, такъ что виску еще больнѣй. Затѣмъ она слышитъ голосъ учителя: «Да будетъ миръ надъ вами» говоритъ онъ. Руки опускаются, она какъ бы пробуждается, видитъ красноватый блескъ лампы надъ головой юноши, какъ свѣтъ Духа Святого надъ головой юношей въ Еммаусѣ; видитъ темныя лица, глядящія изъ висѣвшихъ по стѣнамъ рамъ, а потомъ входитъ сторожъ и затворяетъ за собою дверь. Она останавливается у кладбищенскихъ воротъ и снова призываетъ видѣніе того же лица. Ноги ея такъ дрожатъ, что ей приходится схватиться за калитку. Въ это время раздается на базарѣ звукъ рожка; звонитъ непрерывно звонокъ гдѣ-то на суднѣ; собаки лаятъ; дѣти кричатъ, а тамъ по узкой улицѣ поднимается еще слабая стукотня; она усиливается, растетъ, приближается, и что-то катитъ большое, красное, какъ огонь; оно совсѣмъ близко отъ нея, и видитъ она четыре большіе лошади; огонь блещетъ изъ ихъ глазъ, и мимо нея проносится красная, какъ кровь, карета съ людьми въ золотыхъ шляпахъ; карету со всѣхъ сторонъ обвиваютъ черныя змѣи, а звонокъ на суднѣ все звонитъ, рожокъ дудитъ, собаки лаятъ, а отблескъ кареты льется кругомъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спрашиваетъ мать, вышедшая на встрѣчу къ Теклѣ, увидѣвъ что она стоитъ мертвенно

блѣдная и ухватилась обѣими руками за прутья желѣзной калитки.

— Видѣла ли ты?—спросила дѣвочка.

— Конечно, я видѣла пожарную команду; вѣдь горять русскія лавки. Но ты больна, Текла! Не больна ли ты?

— Да, кажется.

— Ну, иди же ради Бога домой.

И мать повела дочь въ узенькую комнатку.

Текла всю ночь не могла сомкнуть глазъ; она лежала въ полу-дремотѣ и все вспоминала слова пастора и необычайную сцену, которой она была свидѣтельницей. Всѣ люди братья и равны передъ Богомъ:—какъ это пріятно узнать! Но почему же они также не равны передъ людьми? Почему они не равны передъ людьми? Почему они не равны даже передъ проповѣдникомъ въ церкви, гдѣ богатымъ предоставлены лучшія мѣста со стульями, а гдѣ бѣдные стоятъ въ проходѣ? На это она отвѣта не находила. Почему передъ тѣмъ, какъ имъ всѣмъ расцѣловаться, мальчикамъ и дѣвочкамъ, пасторъ заперъ наружную дверь? Развѣ эти братскіе поцѣлуи предосудительны, что ихъ никто не долженъ былъ видѣть? Вѣроятно это было нехорошо, такъ какъ ей не хотѣлось объ этомъ рассказывать матери. Нѣсколько разъ среди ночи, когда мать просыпалась отъ звонка, ей неудержимо хотѣлось все рассказать матери, громко, откровенно заявить: «онъ поцѣловалъ меня, смуглый мальчикъ!» но она каждый разъ удерживалась отъ этого, боясь, что какъ только она объ этомъ заговоритъ, исчезнетъ вся ея радость. Это, конечно, было тайной между ими и пасторомъ, такъ какъ дверь была заперта. И она схоронила ее въ своемъ сердцѣ.

Время, назначенное для конфирмаціи наступило въ одно прекрасное солнечное апрѣльское утро, когда прилетѣли

уже скворцы и начали вить гнѣзда подъ крышей церковнаго купола. Колокола такъ звонко звѣнѣли въ ясномъ весеннемъ воздухѣ, когда Текла въ бѣломъ платьѣ съ непокрытой головой шла съ отцомъ и матерью въ церковь. Отецъ былъ въ полной парадной формѣ, въ мундирѣ и съ красной щеточкой на каскѣ; на матери было черное платье, обшитое лисьимъ мѣхомъ. Старая мрачная церковь показала Теклѣ сіяющей свѣтомъ и, когда она ступила черезъ каменный портикъ, у нея было впечатлѣніе, что она идетъ въ гости къ Богу, для Котораго всѣ люди братья.

Солнце отражается блескомъ на люстрѣ, на позолотѣ церковной кафедры и алтаря, а обновленныя трубы органа свѣтятся серебромъ. Всѣ разодѣты по праздничному, и женщины въ свѣтлыхъ весеннихъ нарядахъ. Возлѣ алтаря заняли мѣста будущіе причастники; мальчики въ черномъ, дѣвочки—въ бѣломъ; всѣ блѣдны, возбуждены, взволнованы отъ мысли о близости начала для нихъ серьезной жизни и о шагѣ впередъ къ возмужалости.

Органъ играетъ, священникъ говоритъ, смуглый юноша смотритъ прямо въ глаза Теклы, такъ что въ концѣ концовъ ей надоѣло отворачивать свои взгляды, она останавливаетъ ихъ на немъ, и такъ они и остаются. Ей кажется, что они одни сидятъ здѣсь и ведутъ между собой бесѣду; они говорятъ о сказкахъ, о школѣ, о рождественскихъ ѣлкахъ, о томъ, что слышали, о томъ, о чемъ днемъ думали и о томъ, что имъ ночью грезилось. А когда кончилась проповѣдь, то у нея было впечатлѣніе, что они знакомы давно. Она наизусть знала его лобъ, его волосы, его маленькіе, черные еле пробивающіеся усики, его короткій подбородокъ; ей знакомъ узелъ его тонкаго бѣлаго галстука и его башмаки, и она черезъ всю церковь чувствуетъ его ландышевые духи.

Вотъ подошло время имъ подходить къ алтарю, Текла думаетъ о союзѣ любви съ братьями одного общаго Отца. Возлѣ нея дѣвочка въ шелковомъ платьѣ и съ черными буклями; та тихонько ущипнула ее въ бокъ, такъ какъ Текла нечаянно, опускаясь на колѣни, встала на край ея платья. Но на этомъ праздникѣ дружбы школьные дѣти поютъ унылый церковный гимнъ, а органъ звучитъ плачевно, грустно, какъ будто онъ призываетъ все горе и страданіе міра на этихъ дѣтей, повѣрившихъ, что ихъ ожидаетъ радость.

Все окончено. Родители привѣтствуютъ своихъ дѣтей, а дѣти расходятся, довольные, что все кончено.

* * *

Конфирмація имѣла на дальнѣйшее развитіе Теклы вліяніе, которое сохранилось и въ далекомъ будущемъ. Однако, это какъ нельзя болѣе противорѣчило дѣйствительной будничной жизни. Классовое различіе не могло быть уничтожено. Вчерашній товарищъ завтра становился хозяиномъ. Эти прекрасныя слова о братствѣ среди человечества, не могли никакъ убѣдить большихъ и сильныхъ; родители никогда не могли бы чувствовать себя однихъ лѣтъ съ дѣтьми, такъ какъ они фактически неоспоримо имѣютъ надъ ними перевѣсъ въ смыслѣ опытности и возраста. Но вѣрить этимъ ученіямъ было утѣшеніемъ для слабыхъ, и Теклѣ такъ хотѣлось вѣрить, что тѣ дѣвочки съ бѣлой кожей и въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ—ея сестры; тогда какъ она очень неохотно, прямо съ ужасомъ, думала, что падшія женщины, живущія на дворѣ, ей подобны и равны, несмотря на то, что Иисусъ и Марію Магдалину признавалъ за сестру Свою.

До сихъ поръ лежало на обязанности Теклы въ полдень

носить обѣдъ отцу. Это всегда было для нея пыткой, потому что коричневый горшечекъ всегда возбуждалъ нежелательное для нея вниманіе прохожихъ, и она видѣла, что носили ѣду только сторожа. Послѣ же торжества, которое вывело ее изъ дѣтства, она пришла къ ясному сознанию, что это хожденіе въ казарму что-то совершенно постыдное; и вотъ она ищетъ тихіе улицы и переулки, которые довели бы ее незамѣтно до казармы. Она отыскала такія улицы, но онѣ темны, узки и грязны и на нихъ она встрѣчаетъ лишь бѣдныхъ и плохо одѣтыхъ людей, которые смотрятъ на нее безъ презрѣнія. Худо однако то, что ей приходится проходить черезъ клочекъ базара, недалеко отъ ратуши. Она рада была бы сквозь землю провалиться, готова была бы натянуть капоръ на лицо, стать невидимкой, какъ въ сказкахъ, и кончается тѣмъ, что она дойдя до базарной площади робко опускаетъ глаза, такъ что она видитъ лишь круглые камни мостовой подъ ногами. Каждый разъ, когда она выходитъ изъ темной улицы и передъ ней открывается свѣтлая площадь, ее бросаетъ въ потъ, и ею овладѣваетъ страхъ; на нее это производило такое же впечатлѣніе, какъ если бы она была обязана переплыть озеро или по канату пройти черезъ пропасть. Этотъ переходъ по площади для нея такъ непріятенъ, что даже по воскресеньямъ въ этотъ часъ ею овладѣваетъ страхъ, хотя въ эти дни она избавлена отъ службы.

Когда она входитъ въ казарму къ отцу, фельдфебель обыкновенно беретъ ее за подбородокъ и спрашиваетъ, какъ дѣла? Это онъ продѣлываетъ уже много лѣтъ подъ рядъ, но теперь, когда однажды онъ сдѣлалъ это, отецъ сказалъ ему рѣзко:

— Оставь эти ласки!

— Что?—возразилъ товарищъ,—вѣдь это же наша Текла.

— Мнѣ это не нравится,—проворчалъ снова отецъ.—Неужели ты не видишь, что у дѣвушки теперь длинное платье.

Текла поняла, что она уже не ребенокъ, и ея положеніе казалось ей еще щекотливѣе.

Однажды, идя къ отцу и пройдя всю открытую ею маленькую улицу Петери-Аполло, которая на нѣсколько шаговъ сокращала ей переходъ по площади, ей пришлось перейти на улицу Свіалагордъ. Только что передъ этимъ скололи съ мостовой ледъ, и онъ лежалъ еще тамъ и двигался подъ ногами вродѣ морскихъ волнъ. Опустивъ, какъ всегда, глаза, она быстро и легко перепрыгиваетъ по кусочкамъ льда, какъ вдругъ нечаянно сталкивается съ молодымъ человѣкомъ; при этомъ, не рѣшаясь поднять глаза, она видитъ только одни его высокіе сапоги. Ударъ отъ столкновенія былъ настолько силенъ, что горшки въ корзинкѣ звякнули и вѣроятно разбились, такъ какъ на улицѣ запахло гороховымъ супомъ. Теклѣ стало такъ стыдно, что слезы брызнули изъ глазъ; однако она почувствовала, какъ рука одѣтая въ перчатку, дотронулась до нея, чтобы поддержать ее, и она услышала мягкій, полный участія голосъ: «Pardon.»—послышалось ей. Она подняла глаза и узнала смуглаго юношу, который, приподнявъ шляпу, уже переходилъ на другую сторону улицы. Вся дрожь и въ слезахъ вошла она въ казарму къ отцу, который началъ ее, какъ могъ, утѣшать и увѣрялъ, что на этотъ разъ охотно побѣждаетъ въ трактирѣ.

Вернувшись домой, Текла почувствовала себя нездоровой.

Она сѣла на табуретку, и уставившись въ одну точку, не говорила ни слова. Несмотря на то, что она была голодна, она ничего не ѣла. Терзать свое тѣло доставляло ей наслажденіе, и жизнь казалась ей ненавистной, какъ темная

враждебная сила, которая въ нее внѣдрилась и которую она желала бы уничтожить, лишая ее питанія.

Она до самаго вечера осталась сидѣть на томъ же стулѣ. Мать то и дѣло спрашивала ее о томъ, какъ она себя чувствуетъ. Къ вечеру Текла поѣла съ аппетитомъ и легла спать. На слѣдующее утро она проснулась съ головной болью и до десяти часовъ лежала въ кровати.

— Думаешь ли ты сегодня встать?—спросила мать, желавшая, чтобы дочь по обыкновенію вымела полъ.

— Я не знаю, смогу ли я встать,—отвѣчала Текла.

— Что съ тобой? Ты выглядишь, какъ будто у тебя перемежающаяся лихорадка.

— Перемежающаяся лихорадка? Я не знаю, что чувствуется при перемежающейся лихорадкѣ. Какъ она проявляется? Бываетъ ли ознобъ?

— Нѣтъ, ознобъ не всегда бываетъ, а дѣлается жаръ, и это повторяется каждый день.

Текла еще съ полчаса тихо пролежала въ постели и не сводила глазъ со стрѣлки висѣвшихъ на стѣнѣ часовъ, которая медленно двигалась къ одиннадцати. Она то задерживала дыханіе до того, что кровь бросалась ей въ голову и натягивала одѣяла выше рта; то дышала усиленно до того, что пульсъ начиналъ ускоренно биться. Тогда она слабымъ голосомъ позвала мать.

— Мама,—сказала она почти шопотомъ,—пощупай, нѣтъ ли у меня перемежающейся лихорадки.

Мать положила руки на лобъ дочери и нашла его очень горячимъ.

Текла осталась лежать и глядѣла, какъ мать приготовляла обѣдъ. Она раздула огонь въ печи и разрѣзала на двѣ части соленую рыбу, которую она еще съ вечера положила въ холодную воду. Затѣмъ она налила воды въ

горшокъ и опустила туда рыбу. Вскорѣ по узенькой комнаткѣ распространился неприятный запахъ рыбы, и Текла, не выносившая этого запаха, натянула одѣяло до самыхъ глазъ. Разгорѣвшійся въ печкѣ огонь сильно грѣлъ постель, и Теклѣ стало жарко; она лежа глядѣла какъ кипитъ вода въ горшкѣ.

Мать принесла корзинку, въ которой всегда отправляла обѣдъ мужу, и слегка ворча вынула оттуда осколки разбитаго горшка.

— Я пойду, куплю новый горшокъ,—сказала она.—На, держи веревку отъ двери и смотри за огнемъ. Я вернусь сію минуту.

Говоря это, она набросила на плечи платокъ и вышла.

Оставшись одна, Текла встала съ кровати и расправила члены. Она подошла къ окну и выглянула въ скважину. Солнце свѣтило, на церковномъ дворѣ кричали галки, по небу плыли бѣлыя облака. Ее влекло изъ душной комнаты и нагрѣтой постели. Ей неудержимо захотѣлось уйти далеко, въ освѣщенную солнцемъ даль, подышать морскимъ воздухомъ, поглядѣть на распускающіеся деревья, но увидавъ на столѣ коричневую корзину, она поняла, что она безъ нея, безъ этого сковывающаго ее рабскаго ярма, выйти не можетъ; она пришла въ совершенное бѣшенство, бросилась снова на кровать и погрузилась въ одѣяло; казалось, что ей хочется потонуть, задохнуться и никогда больше не видать свѣта Божьяго. Но вотъ раздается звонокъ; онъ возвращаетъ ее къ дѣйствительности, и она тянетъ за веревку. Дверь отворяется, и входитъ мать.

Часы показываютъ двѣнадцать. Рядомъ съ рыбой кипитъ и супъ съ капустой. Мать взглядываетъ на часы.

— Ну, Текла,—спрашиваетъ она,—думаешь ли ты, что сможешь сегодня итти съ обѣдомъ къ отцу?

— Нѣтъ, мама; какъ можешь ты даже объ этомъ спрашивать? Я вся горю, какъ раскаленная печь. Пощупай!

Мать, снова опустивъ руку на голову дочери, приходитъ къ заключенію, что у нея жаръ.

— Придется послать Маренъ, — говоритъ она, — но ей надо будетъ за это заплатить.

Сверху приходитъ на зовъ матери Маренъ, и въ то время, какъ укладывается обѣдъ въ корзинку, Текла забирается глубоко подъ одѣяло. Когда же хлопнула за старухой дверь, Текла вздохнула свободно и скоро спокойно заснула. Сонъ длится часъ.

Проснувшись она чувствуетъ сильный запахъ рыбы и на вопросъ матери о томъ, какъ она себя чувствуетъ, отвѣчаетъ, что ей кажется лучше.

— Да, да, — говоритъ старуха. — Это несомнѣнно перемежающаяся лихорадка, и надо тебѣ быть осторожнѣй. Если бы хватило у тебя силъ, тебѣ бы слѣдовало выйти теперъ.

Текла считаетъ, что у нея силъ не хватитъ выйти, но въ концѣ концовъ она поддается уговору матери и одѣвается.

Въ весеннемъ платьѣ, со свѣтлымъ фартукомъ и новымъ шарфомъ на головѣ, выходитъ она изъ дому. Солнце стоитъ еще высоко на небѣ, и улицы полны народа. Она спускается внизъ по улицѣ и доходитъ до ярко освѣщенной солнцемъ базарной площади безъ намека на страхъ и не думая даже опускать глаза. Воздухъ такъ живительно дѣйствуетъ на нее, всѣ прохожіе такъ видимо довольны, что прошла длинная зима и городъ такъ красивъ. Легко ей итти, когда нѣтъ на рукахъ тяжелой корзины. А взгляды встрѣчныхъ прохожихъ кажутся ей дружественными или, по крайней мѣрѣ, далеко не столь презрительными.

Вернувшись домой, она объявляетъ, что чувствуетъ

себя хорошо, но что кто знаетъ, какъ будетъ завтра, если дѣйствительно она схватила перемежающуюся лихорадку.

На слѣдующее утро Текла опять больна и остается лежать до послѣ обѣда, потомъ, поспавъ немного, она встаетъ и идетъ гулять. Теперь можно сказать вполне увѣренно, что у Теклы повторяющаяся каждый день перемежающаяся лихорадка, то же самое подтвердилъ и врачъ, когда ему передали, какъ проявляется болѣзнь, и онъ объявилъ, что временно нельзя рассчитывать на помощь Теклы по хозяйству.

* *
* *

Текла, вѣроятно просто ничтожная дѣвочка, стала подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ домашнихъ условій и воспитанія слабой натурой. Въ раннемъ дѣтствѣ сознаніе низменнаго положенія отца причинило ей разочарованіе и огорченіе. Затѣмъ въ церковной школѣ она приобрѣла надежду, что проповѣдуемое всеобщее равенство, поможетъ ей въ жизни. И наконецъ она убѣдилась, что ея положеніе отымаетъ у нея эту надежду. Ей стало ясно, что нѣтъ у нея силъ превозмочь это огорченіе, а не виноваться родителямъ, открыто порвать съ ними она также не рѣшалась. Инстинктъ и обстоятельства натолкнули ее на выходъ, не дѣлающій ей чести: она стала притворяться больной.

Освобожденная отъ всякой работы, она теперь имѣла полную возможность дѣлать, что вздумается. Ежедневныя прогулки по городу помогали ей дѣлать надъ людьми цѣлый рядъ наблюденій, которыми она умѣла пользоваться. Она научилась тому, какъ знатныя дамы кланяются, какъ обмахиваются вѣромъ, какъ при ходьбѣ ставятъ ноги. Она скоро замѣтила, что онѣ не ходятъ, какъ бѣдныя женщины. Она поняла, насколько далеко назадъ должна

сидѣть на головѣ большая фетровая шляпа, какъ высоко можно поднимать юбку, насколько глубоко отвѣшивать поклоны. Скоро она постигла всѣ малѣйшіе оттѣнки, избрѣтенные высшими классами, чтобы между собой узнавать своихъ и чтобы держать въ почтительномъ отдаленіи членовъ низшихъ классовъ, стремящихся втереться къ нимъ. Она скоро изучила всѣ эти маленькія хитрости, которыя, какъ ежедневный пароль въ лагерѣ, должны были постоянно обновляться, чтобы не стать достояніемъ врага. Это все она легко схватывала и отлично примѣняла на дѣлѣ, но гораздо труднѣй ей было итти за перемѣнчивой модой. Сегодня она одѣта была по модѣ и достигала этимъ полного сходства съ богатыми, а черезъ три мѣсяца она уже оказывалась отсталой и смахивала на служанку. Борются въ этомъ отношеніи было очень трудно. Тѣмъ временемъ открыла она большой элегантный модный магазинъ Маркуса Людекъ. Приглядѣвшись, она скоро узнала, что тайна въ дѣлѣ туалетовъ лежитъ въ покроѣ лифа, въ складкахъ юбки, и вотъ она сидитъ весь вечеръ поретъ лифъ, выпускаетъ складки или закладываетъ ихъ. Она постигла секретъ цвѣтовъ и умѣетъ выбирать такіе, которые бы не бросались въ глаза и не привлекали бы вниманіе зрителя на качество матеріи. Подражаніе прически было не столь драгоцѣнно. Но что ей трудно давалось, это игра лица, спокойное, увѣренное выраженіе, присущее людямъ съ независимымъ положеніемъ. Достаточно было одного пристально брошеннаго на нее на улицѣ взгляда, и она смущалась, какъ бы уличенная въ обманѣ, и чувствовала себя переодѣтой.

Мать скоро замѣтила перемѣну въ Теклѣ, во всемъ ея существѣ, но дѣвушка такъ умѣла найти всему подходящее объясненіе, что та замолкала быстро и не безъ нѣкото-

раго удовольствія видѣла, какъ дочь развивается и принимаетъ болѣе благородную форму, чѣмъ та, которую она ей могла придать. Отецъ чувствовалъ нѣкоторое безпокойство.

— Обратила ли ты вниманіе на Теклу?—спросилъ онъ однажды жену, сидя за кружкой пива.

— Да, она собирается выйти,—отвѣчала мать.

— Не въ этомъ дѣло. Она начинаетъ подражать хорошимъ манерамъ. Это часто доводитъ до вертепа.

— Съ какой стати? Думаешь ты развѣ, что я за ней не слѣжу?—возразила мать, огорченная, его рѣзкими словами.

— Да, видишь ли, старуха, была бы надежда ей хорошо выйти замужъ, но этого нѣтъ. И въ такомъ случаѣ лучше оставаться честно въ своемъ кругѣ.

— Что ты можешь знать объ ея замужествѣ? Развѣ не выходили дѣвушки еще бѣднѣй ея за благородныхъ?

Дальше Теклѣ ничего не удалось подслушать, но и этого было достаточно.

Внушивъ какъ-то матери, что неудобно молоденькой, хорошо одѣтой дѣвушкѣ нести простую корзину съ объдомъ, такъ какъ она этимъ подвергаетъ себя грубымъ насмѣшкамъ кучеровъ и дворниковъ, она какъ-то отправилась на свою обычную прогулку на базарную площадь и мимо ратуши. На томъ же приблизительно мѣстѣ, гдѣ она въ тотъ злопамятный день встрѣтила смуглаго юношу и послѣ этого заболѣла, она опять увидѣла его. Онъ равнодушно поклонился ей и прошелъ дальше. Текла же повернула назадъ по улицѣ Свіалагордъ, перешла на противоположный тротуаръ и увидѣла, какъ онъ повернулъ въ Кинестагатанъ.

На слѣдующій день она въ тотъ же часъ снова отправ-

ляется на улицу Свіалагордъ и была очень удивлена, встрѣтивъ опять молодого человѣка. Онъ тоже кажется удивленнымъ, кланяется сконфуженно и слегка краснѣетъ.

На слѣдующій день она опять встрѣчаетъ его. Она еще издали увидѣла его, узнала его шляпу, слегка надвинутую на лобъ и бросающую поэтому тѣнь на его глаза, кажущіеся вслѣдствіе этого больше и принимающіе мечтательное выраженіе. Она еще издали притянула на себя его взглядъ и удержала его до того, какъ онъ поклонился. На' этотъ разъ, когда онъ поклонился, лицо его выразило неудовольствіе, какъ будто бы онъ вспомнилъ, что эту дѣвушку, съ которой никогда не заговаривалъ, онъ когда-то обнялъ и поцѣловалъ.

Когда на слѣдующій день Текла опять увидѣла его, она вспомнила въ свою очередь, что этотъ молодой человѣкъ ее поцѣловалъ, и она почувствовала, что блѣднѣетъ. Въ это время она замѣчаетъ, что его лицо выражаетъ волненіе и что правая нога сдѣлала быстрое движеніе въ сторону, какъ будто онъ хотѣлъ спуститься съ тротуара и подойти къ ней.

Она скрылась на шесть дней, но послѣ этого пришла опять на то же мѣсто. Издали видитъ она его мягкую шляпу, затѣмъ глаза, которые ловятъ ея взглядъ. Вдругъ въ это самое мгновеніе между ею и имъ проѣзжаетъ по улицѣ ломовой извозчикъ съ винными бочками, и между хомутомъ и уздечкой промелькнули его глаза, радостно ее привѣтствующіе, какъ послѣ разлуки.

* * *

Наступило лѣто, душное и жаркое, и Текла уже не видится съ своимъ другомъ, такъ какъ онъ переѣхалъ на дачу. Пустота въ ея жизни, и ей кажется, что стало со-

всѣмъ темно съ тѣхъ поръ, какъ пришло солнце и унесло ея единственную радость. Цѣлые часы пролеживала она одна на кладбищѣ, думала, передумывала, стараясь привести въ порядокъ свои мысли.

Что надо ей было отъ этого молодого человѣка,—спрашивала она себя. Предположимъ онъ заговоритъ съ ней, придетъ къ ней въ комнатку, когда она будетъ одна и скажетъ ей: «Видишь, я пришелъ; что тебѣ отъ меня надо? я вижу по твоимъ глазамъ, что ты чего-то отъ меня хочешь». Что могла она отвѣтить? и что ей съ нимъ дѣлать? Ничего не могла бы она ему отвѣтить, потому что это было такой тайной, что она лучше согласилась бы умереть, чѣмъ отвѣтить, даже если бы на мгновение могла бы догадаться о томъ, что именно она могла бы отвѣтить. Что-бы она съ нимъ стала дѣлать? Ничего! Цѣловать его она не хотѣла; ни обнять его, ни просить, чтобы позволено ей было за него работать, для него жить—она не могла. Чего же она отъ него хотѣла? Она хотѣла бы, чтобы онъ къ ней пришелъ, чтобы онъ просилъ позволенія поцѣловать ея глаза, обнять ее, чисто, невинно, какъ первый разъ въ церкви; онъ долженъ былъ просить позволенія жить для нея, для нея трудиться, ее утѣшать, ею быть занятымъ всецѣло. Что же она отъ него хотѣла? Она желала, чтобы онъ просилъ позволенія дать ей что-нибудь! Она, слѣдовательно, отъ него чего-то домогалась? О нѣтъ. Домогаться, просить? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ долженъ былъ прійти и просить, молить о разрѣшеніи дать... Тутъ останавливались ея мысли и недовольная этими гадкими мыслями, такъ ясно выраженными, она уходила прочь отъ той скамьи, отъ того дерева, которыя могли понять, что говорили эти мысли. Глядя прямо передъ собой, какъ бы стараясь ни о чемъ не думать, шла она по улицамъ и

дошла до улицы Свіалагордъ. Тутъ были ей знакомы каждая вывѣска, каждое окно. Вотъ висятъ у часового мастера солнечные часы; они указывали время, когда онъ долженъ былъ прійти. Вотъ вывѣска жестянника, гдѣ обыкновенно появлялась его шляпа; а тутъ бондарь, напротивъ трактирчика, проходя мимо котораго онъ въ послѣдній разъ поклонился. Текла идетъ все дальше, какъ будто она думаетъ его встрѣтить, она оглядывается направо; чувствуетъ горячую потребность его увидѣть, желаетъ, чтобы онъ пришелъ именно теперь, хочетъ, чтобы онъ пришелъ, требуетъ этого, такъ какъ онъ прійти долженъ или она тутъ же бросится на землю и умретъ. Вотъ... вотъ его глаза, полузакрытые шляпой, и онъ увидѣлъ ее, но взглянулъ холодно, вопрошающе, какъ чужой; его лицо измѣнилось; выросли баки; она глядитъ на незнакомаго юношу, который нерѣшительно кланяется, неувѣренный, знаетъ ли онъ эту дѣвушку, или нѣтъ.

Текла возвращается домой счастливая, что хотя бы на мгновеніе въ воображеніи видѣла его. На слѣдующій день она опять идетъ туда же и снова вызываетъ его «колдовствомъ», какъ она это называла.

Такъ проходитъ для Теклы жаркое, душное лѣто, и въ головѣ ея создаются полусознательные и вполне сознательные планы безъ того, чтобы она хотя одинъ исполнила. Въ постоянной самооборонѣ противъ разума матери, часто подсказывающаго ей, что такая праздная жизнь не можетъ быть дочери на пользу, она довела свою энергію и краснорѣчіе до того, что мать всегда въ концѣ концовъ сдается.

— Да,—говоритъ та,—ты можешь мнѣ лицо на изнанку вывернуть.

Отецъ начинаетъ удивляться ея способностямъ и чѣмъ болѣе онъ удивляется, тѣмъ болѣе онъ дѣлается близорукимъ.

— Что-то есть особенное въ этой дѣвушкѣ,—говорить онъ, склоняя голову.

Текла же дошла до того, что теперь ей удастся пользоваться для своихъ нарядовъ сбереженіями родителей. Мать иногда спрашиваетъ, не желаетъ ли она на эти деньги вмѣсто того, чтобы покупать тряпки научиться чему нибудь полезному?

— Къ чему мнѣ учиться?—возражаетъ Текла.—Я долго жить не буду.

Мать приходитъ въ отчаяніе, думаетъ, что это правда, и дѣлаетъ все, чего желаетъ дочь, лишь бы не сократить ея дней.

Каждое воскресенье Текла ходитъ въ церковь. На первыхъ порахъ послѣ конфирмаціи, ей казалось неуютно то, что она уже не могла садиться на хорахъ, какъ было во времена подготовленія къ конфирмаціи, и она чувствовала себя уже не той, когда слушала проповѣдника. Она уже не была изъ числа главныхъ лицъ и не возбуждала ничьего вниманія. Она должна была присутствовать при службѣ, стоя въ проходѣ, тогда какъ другіе сидѣли на своихъ абонированныхъ стульяхъ. Теперь же, когда всѣ разѣхались по домамъ и въ имѣнія, стулья оказывались пустыми и, такъ какъ вообще молящихся въ церкви было мало, Текла могла всегда имѣть хорошее мѣсто. Ей казалось, что она живетъ другою жизнью въ тотъ часъ, который она проводила сидя на церковномъ стулѣ и читая знатную фамилію, прибитую къ столику передъ сидѣньемъ. На стулѣ лежали подушки съ вышитыми вензелями, въ ногахъ были скамеечки или подушки для ногъ. На столикахъ лежали молитвенники въ изящной оправѣ.

Когда народу въ церкви бывало особенно мало и пасторъ по привычкѣ обращался по направленію мѣстъ для

богатыхъ, Теклѣ казалось, что онъ говоритъ ей одной, и слабымъ движеніемъ головы она показывала, что слушаетъ и понимаетъ его. Онъ и она, одни, знали тайну Бога богатыхъ, которая для тѣхъ, что тамъ стоятъ сзади, никогда не откроется. Она такъ глубоко вѣрила въ свое воображаемое величіе, что чувствовала нѣкоторое состраданіе къ тѣмъ робкимъ, нерѣшившимся пройти туда, куда она прошла.

Такъ, наконецъ, прошло лѣто, и Текла съ тайной радостью привѣтствовала первый осенній дождь. На кладбищѣ скоро закружились вокругъ могильныхъ памятниковъ пожелтѣвшіе листья, и стало настолько холодно, что уже нельзя было сидѣть на воздухѣ.—Теперь онъ скоро долженъ прійти,—думала она — и онъ пришелъ. Она послѣ трехъ мѣсяцевъ видитъ его снова, но лицо его измѣнилось. Онъ не только загорѣлъ и пополнѣлъ, но черты его лица приняли другое выраженіе. Онъ выглядитъ счастливѣе. Счастливѣе, послѣ этихъ трехъ ужасныхъ мѣсяцевъ! Онъ, значитъ, не страдалъ безъ нея! Онъ видѣлъ солнце и море, но его глаза сливались еще и съ другими и они и теперь еще сіяютъ отраженіемъ тѣхъ глазъ. Онъ несомнѣнно любилъ другую!

Текла вернувшись домой, ложится въ постель и не встаетъ восемь дней. Затѣмъ она покидаетъ кровать, какъ ни въ чемъ не бывало, но сильная и рѣшительная. Она каждый день въ одно и то же время отправляется на улицу Свіалагордъ, какъ на службу, и ходитъ туда всю зиму, до наступленія весны.

* * *

Настало утро Троицына дня. Солнце освѣщало Грауменсхольмъ, у подножья котораго красовалась цѣлая флотилія яхтъ. По праздничному разодѣтые толпы спѣшили

съ горы, чтобы ѣхать кататься въ Меларъ. Парни съ розами на шляпахъ, горожане съ корзинами съ провизіей, прикащики съ дудками, женщины въ ярко зеленыхъ чепцахъ и бисерныхъ вѣнкахъ, дѣвушки въ красныхъ юбкахъ, дѣти съ мячами и обручами, шотландскіе деревенскіе парни, цеховые и подмастеріи съ развѣвающимися флагами, все это пестрой толпой двигалось къ пристани. На колокольнѣ церкви Грауменсхольма часы пробили девять, и сразу во всѣхъ городскихъ и пригородныхъ церквахъ зазвонили. Пахнетъ душливымъ запахомъ пота, табачнаго дыма и одуряющей черемухи надъ движущейся массой, стремящейся изъ темныхъ мастерскихъ, сырыхъ лавокъ, угарныхъ кухонь, затхлыхъ дѣтскихъ; подышать морскимъ воздухомъ и прокачаться на увѣшенныхъ флагами и украшенныхъ зеленью яхтахъ.

Среди всѣхъ выдѣляется яхта «Злой левъ», выкрашенная въ голубой цвѣтъ, съ мачтами совершенно увѣшанными флагами и штандартами и съ шатромъ изъ свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ на палубѣ. Эта яхта почти вся наполнена членами какого-то общества, снявшаго это судно для праздничной поѣздки. Господа съ большими шелковыми бѣлыми и красными перевязями и значками бѣгаютъ и хлопчутъ, устраивая дамамъ мѣста; музыка уже играетъ на кормѣ. Яхта отходитъ въ сопровожденіи десяти другихъ, на которыхъ тоже играетъ музыка.

На палубѣ сидитъ на половину оглушенная Текла съ матерью, пока отецъ чѣмъ-то занятъ въ каютѣ. Она сдѣлала обзоръ всѣмъ туфлямъ и платьямъ другихъ дѣвушекъ и женщинъ и пришла къ заключенію, что находится въ обществѣ, которое ею не можетъ интересоваться. Она блѣдна, а свѣтъ проглядывающій сквозь молодя березовые вѣтки, даетъ всему зеленоватую окраску, благодаря которой у нея

нѣсколько болѣзненный видъ. Большіе темные глаза съ расширенными зрачками остановились на красной гвоздикѣ, воткнутой въ зелень. Она производитъ впечатлѣніе, будто не знаетъ, что ей дѣлать среди этихъ чужихъ людей, а поѣхала она съ родителями только, чтобы не остаться одной дома и чтобы имѣть случай надѣть свое новое платье. Мать молча сидитъ возлѣ нея; она испугана, что попала изъ своей норы на яркій свѣтъ.

Теперь на всѣхъ парусахъ яхта вышла въ фіордъ, и сквозь зеленыя вѣтви виднѣются зеленые берега съ бѣлыми домиками, лодочныя пристани, украшенныя флагами, парники и тополевыя аллеи, красные шалаши и бѣлые заборы, зеленыя поля и ярко-желтые луга. Свѣжія волны плещутъ о бортъ судна, а ярко голубое небо стоитъ надъ сушей и водой.

Текла глядѣла на мелькающія картины, морской воздухъ освѣжалъ ея виски, а колеблющійся ритмъ музыки привелъ ее въ тихое гармоническое настроеніе, придавшее ея лицу выраженіе мира и довольства. Вдругъ она услышала возлѣ себя незнакомый голосъ. Она взглянула и увидѣла смуглаго юношу съ перевязью черезъ плечо, предлагающаго ей бутоньерку.

— Вы ли это?—воскликнулъ онъ удивленно.—Надо же было намъ еще разъ въ жизни встрѣтиться! Я иногда думалъ на улицѣ при встрѣчахъ съ вами остановиться, но не рѣшался. Позвольте мнѣ представиться вашей матушкѣ.

И онъ низко поклонился матери.

— Робертъ Клементъ! сказалъ онъ. Мы съ вашей дочкой были вмѣстѣ конфирмантами въ церкви Св. Гертруды.

Текла не проронила ни слова, мать тоже не находила, что сказать.

Робертъ быстро роздалъ оставшіяся у него бутоньерки и вернулся къ обѣимъ женщинамъ.

— Быть можетъ, фрэканъ, вы пожелаете подняться на мостикъ и полюбоваться видомъ. Мы теперь какъ разъ проходимъ вдоль живописныхъ береговъ Бокгольмзунда.

Текла молча взглянула на мать, та одобрительно кивнула головой.

Робертъ пошелъ впередъ, за нимъ Текла. Она находила, что выражается онъ изысканно, но что голосъ его не тотъ, который она ожидала. Что-то теплое было въ томъ, что онъ вспомнилъ про то, какъ они вмѣстѣ готовились къ конфирмаціи. Этимъ воспоминаніемъ онъ установилъ между ними какую-то связь.

— Вы, надѣюсь, не найдете меня слишкомъ назойливымъ?—началъ онъ, когда они достигли мостика.

— Какъ можете вы такъ говорить? Вѣдь мы вмѣстѣ пережили конфирмацію.

Она, казалось, вновь открыла чудесную силу слова «конфирмація» и снова чувствовала на немъ и на себѣ дѣйствіе этой силы.

Онъ принесъ ей стулъ и сталъ указывать на красивые виды.

— Случалось ли вамъ уже бывать въ Меларѣ?

— Никогда,—отвѣтила Текла, и это какъ будто обрадовало Роберта.

— Видите это озеро,—продолжалъ онъ.—Оно больше Боденскаго и на немъ насчитываютъ тысячу триста острововъ. Подумайте, тысячу триста!

— Ахъ!—воскликнула Текла, удивляясь познаніямъ Роберта.

— А это вотъ Бокгольмзундъ. Не восхитительны ли эти небольшіе круглые холмики, плавающіе на водѣ и покрытые зеленью до самой воды. Видите эти ольховыя рощи, онѣ начинаются у самага моря, гдѣ растеть камышь!

Текла находила все очень красивымъ, но ей хотѣлось, чтобы онъ говорилъ о другомъ, о ней, о себѣ самомъ. Онъ же казался весь поглощеннымъ природой, или говорилъ съ ней только, чтобы не увлечься и не говорить о другомъ, о чемъ они не смѣли заикнуться! Слова его были дѣланныя; онъ искалъ самыя сильныя выраженія, какъ бы желая направить вниманіе слушательницы на постороннее, самъ скрывая свою душу.

Текла увлеклась его настроеніемъ и приходила въ восторгъ отъ деревенской церкви, отъ водяной мельницы, отъ проходящей яхты, и скоро они соединились въ одинъ общій восторгъ. Они слились въ одно созвучье и стоило одному ударить по струнѣ, какъ звучалъ полный аккордъ на губахъ, и въ глазахъ другого.

Черезъ нѣкоторое время Робертъ спросилъ, не привести ли ему на мостикъ мать. Текла это намѣреніе его одобрила, онъ ушелъ и вернулся въ сопровожденіи старухи, при чемъ принесъ сиропу и апельсинъ. Опять наступила полная гармонія въ ихъ настроеніи подъ благосклоннымъ и одобряющимъ взглядомъ матери. Онъ говорилъ объ охотѣ и о французской труппѣ, о новомъ стеклянномъ заводѣ, о послѣдней дуэли, о финансовой комиссіи, и все, что онъ ни говорилъ, дѣйствовало на Теклу успокоительно. Ей нечего было отвѣчать ему и даже вникать во все, что онъ говорилъ; его слова, какъ сладкая музыка, дѣйствовали лишь на ея слухъ.

Наконецъ, пробилъ полдень, и яхта вошла въ бухту, гдѣ на берегу долженъ состояться праздникъ. Робертъ оставилъ на время обѣихъ женщинъ, такъ какъ въ настоящее время его положеніе члена общества накладывало на него нѣкоторыя обязанности по организаціи праздника, но просилъ разрѣшеніе потомъ опять присоединиться къ нимъ, говоря,

что въ каютѣ онъ уже успѣлъ познакомиться съ отцомъ Теклы.

Съ берега оркестръ привѣтствовалъ яхту, а съ вершины холма взвилась ракета, и раздался вслѣдъ за этимъ ружейный залпъ. Оркестръ игралъ маршъ, и при крикахъ ура! огромной толпы поселянъ яхта причалила къ пристани графа, владѣльца усадьбы. Гуляющіе спустились на берегъ и, предшествуемое флагами, шествіе двинулось къ дому владѣльца, гдѣ вышедшаго на балконъ графа привѣтствовала музыка; предсѣдатель общества поблагодарилъ его за гостепріимство и за разрѣшеніе пользоваться на этотъ день его паркомъ. Графъ съ балкона благодарилъ съ доброжелательной улыбкой на лицѣ, и это непріятно подѣйствовало на Теклу, такъ какъ это ей показалось пренебрежительнымъ.

Оттуда шествіе направилось къ вершинѣ горы, гдѣ былъ водруженъ шестъ со знакомъ общества и прочитана пасторомъ краткая молитва. Затѣмъ трубачи дали сигналъ къ обѣду.

Подъ тѣнью вѣковыхъ липъ были накрыты столы. Текла никогда еще не видала ничего великолѣпнѣе и на время забыла непріятное ей соеѣдство замка и графа. Робертъ сидѣлъ напротивъ нея рядомъ съ отцомъ, который, видимо, былъ плѣненъ обхожденіемъ молодого человѣка. Стучали ножи, звенѣли стаканы, шумъ стоялъ необычайный. То провозглашался тостъ, то раздавался тушъ или слышался залпъ. Текла чувствуетъ, что вино дѣйствуетъ на ея кровь и подымается въ голову, и она впадаетъ въ какое-то полусознательное блаженное состояніе. Робертъ, считавшій своей обязанностью бесѣдовать и съ сосѣдями съ другой стороны, чувствовалъ на себѣ постоянно взглядъ Теклы, и онъ былъ принужденъ обернуться къ ней, говорить только для нея;

она теперь слышала и ясно понимала все, что онъ говорилъ; всякое его слово находило отголосокъ въ ея душѣ.

Кончился обѣдъ, и всѣ разошлись по парку. Робертъ пошелъ съ Теклой. Родители сѣли на скамейку и оставили юношей однихъ. Они спустились къ озеру и блуждали подъ тополями; углубились въ безконечные аллеи парка, посидѣли въ бесѣдкѣ, которую покрылъ каприфоліумъ и, наконецъ, поднялись на самую вершину горы.

— Удивительно,—сказалъ Робертъ, воодушевленный выпитымъ виномъ и прогулкой вдвоемъ,—мнѣ все кажется, что мы старые знакомые.

Онъ такимъ образомъ впервые заговорилъ на эту тему и оставилъ посторонніе предметы.

— Да, вѣдь мы дѣйствительно давно знакомы.

Она такимъ образомъ напомнила ему ихъ первое знакомство въ церкви; искра вспыхнувшая отъ перваго поцѣлуя, теперь разгорѣлась вновь; она жгла ее.

— То былъ чудный вечеръ!—воскликнулъ въ раздумьѣ Робертъ.—Его я никогда не забуду.

— Не думаете ли вы,—сказала Текла, чувствувавшая, что искру необходимо раздуть,—не думаете-ли вы, что души людей родственны между собой.

— Я думаю,—возразилъ Робертъ, глубоко задумавшись,—что есть родственныя души: наши, напримѣръ. Когда я съ вами говорю, я чувствую, что вы вполне понимаете меня, что у васъ другой мысли, кромѣ моей, нѣтъ, такъ какъ иначе вы бы мнѣ противорѣчили, и была бы разорвана наша связь, не было бы между нами той симпатіи; это я не могъ бы не чувствовать.

— Да,—отвѣчала Текла, опустивъ глаза въ землю,—мнѣ кажется, что каждое ваше слово есть выраженіе моей мысли. Не странно ли это?

Разговоръ ихъ принялъ скоро таинственный, почти мистическій оттѣнокъ. Они не видѣли уже другъ друга; шли рядомъ, какъ бы замаскированные, и уносились въ область чувства и фантазіи. Голоса родителей вернули ихъ къ дѣйствительности, а трубачи оповѣстили, что на площадкѣ начинаются танцы.

— Танцуете ли вы?—спросилъ Робертъ.

— Да, но плохо,—отвѣтила Текла.

— Однако, смѣло рассчитывайте на менуэтъ?

— Да, и съ удовольствіемъ, такъ какъ иначе я бы осталась сидѣть.

— Вы? сидѣть? Нѣтъ! Этого быть не можетъ!

— Почему, не можетъ быть? Если дѣвушка некрасива,— у нея нѣтъ кавалеровъ.

— Некрасива? Думаете ли вы въ самомъ дѣлѣ, что вы некрасивы?

— Я это знаю отлично.

— Вы шутите?

— Не замѣтили вы развѣ, какой у меня некрасивый носъ?

— Не замѣчалъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы первый не находите меня некрасивой.

Танцы уже начались, когда молодая парочка вступила въ ряды танцующихъ. Робертъ обхватилъ Теклу за талію.

— Это я не въ первый разъ,—сказалъ онъ тихо,—держу васъ въ своихъ рукахъ.

Текла слегка вздрогнула, но ничего не отвѣчала.

— Вы танцуете отлично,—замѣтилъ Робертъ.

Музыка сливалась съ ихъ рѣчами и составляла аккордъ къ ихъ голосамъ, поющимъ соло. Робертъ дѣлался болѣе смѣлымъ и уже о постороннемъ не говорилъ.

— Помните ли вы, что я васъ поцѣловаль въ церкви?— спросилъ онъ, наконецъ.—Помните вы это?

Музыка аккомпанировала его горячимъ словамъ и заглушила отвѣтъ Теклы; только видно было какъ ея губы поблѣднѣли и что-то прошептали.

Они танцовали какъ безумные, какъ бы одурманивая себя, какъ бы желая дѣйствительностью заглушить воспоминаніе и, наконецъ, остановились почти безъ дыханія.

Онъ теперь говорилъ о ея глазахъ, ея волосахъ, рукахъ и наконецъ о ножкѣ, а она слушала его, какъ пьяная. Ей казалось, что она дѣлается красивой, больше, что его нервы придаютъ ей больше силы, что ея кровь оживляется его кровью, что она дышитъ его легкими, говоритъ его устами. Порою ей казалось, что она погибла, исчезла, уничтожена, и она хотѣла бы освободить свою душу, которую онъ втянулъ въ себя; но было такъ сладостно быть не самой собой, предпринять какъ бы переходъ въ душу другого, повиноваться волѣ другого, а самой тѣмъ временемъ быть погруженной въ тихое оцѣпененіе. Онъ такъ именно долженъ былъ притти и освободить ее отъ всякаго труда думать, говорить, дѣйствовать; онъ долженъ былъ быть ея искупителемъ, который возьметъ на себя всѣ ея грѣхи и печали. Ахъ, до чего сладостно чувствовать, что живешь, не испытывая бремени жизни!

Наступилъ вечеръ. Цвѣты и травы покрылись росой. Солнце сѣло и бросало еще лишь розоватый отблескъ на бухту и острова; фіордъ сталъ голубовато-стального цвѣта; какъ клочки упавшаго неба.

Яхта снова наполнилась пассажирами и отчалила. Текла сидѣла на палубѣ, на ногахъ ея былъ распростертъ дорожный плащъ Роберта. Рядомъ съ ней не переставая говорить

Робертъ, наклоняясь къ ней и глядя ей прямо въ глаза. Мать спала въ каютѣ, а отецъ былъ на носу.

Робертъ, спиной къ розовымъ фіордамъ и островамъ, глядѣлъ только въ глаза Теклы. Онъ пожиралъ ее своими взглядами, обнималъ ее своими словами, дышалъ на нее своимъ горячимъ дыханіемъ, какъ бы желая растопить холодный снѣгъ. Онъ хотѣлъ всецѣло овладѣть ею, но Текла все отклонялась.

Наконецъ, ему удалось поймать ее.

— Почему вы каждый день ходили на улицу Свіалагордъ?—спросилъ онъ вдругъ дерзко съ отвагой, дѣлающей героевъ.

— Потому что... я не знаю... я не могла иначе.

— Вы иначе не могли? Не потому ли чтобы...

— Васъ встрѣчать!

Слово было произнесено. Онъ вскочилъ и сорвалъ съ головы шляпу, какъ бы желая остудить разгоряченную голову.

— Это правда? Правда ли, что вы любите меня?

— Это правда,—отвѣтила Текла.

Искра взорвалась и зажглась. Робертъ провелъ остальные часы до конца поѣздки въ томъ, что спрашивалъ, вѣрно ли это, такъ маловѣроятнымъ казалось ему его счастье, такъ казалось несбыточной сказка, будто она его любить.

* * *

Часы показываютъ отъ двухъ до трехъ утра. Текла сидитъ возлѣ кровати умирающей матери въ маленькой комнатѣ, расположенной по ту сторону воротъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи ушелъ докторъ и объявилъ, что надежды нѣтъ, а въ часъ ушелъ на дежурство отецъ. Онъ простился съ женой и расплакался.

Ночникъ догораетъ и начинаетъ шипѣть и коптить. Текла подливаетъ масла, вставляетъ новый фитилекъ и снова садится на прежнее мѣсто. Взоры ея уставлены въ одну точку, на маленькій огонекъ, освѣщающій въ темной комнатѣ только небольшой уголокъ и бросающій лишь маленькій свѣтлый кругъ на потолокъ. Она видитъ только на комодѣ ночникъ и лузырки съ лекарствами: изъ стакана съ водой торчитъ ложка; половинка лимона издали кажется чуть ли не съ тыкву. Вообще всѣ предметы принимаютъ при тускломъ освѣщеніи причудливыя формы и размѣры, и это дѣйствуетъ на усталое отъ безсонныхъ ночей воображеніе Теклы. Она лишилась способности думать, а какія-то мысли сами по себѣ, помимо ея воли, рождаются въ ея головѣ, какъ незаконныя дѣти, которыхъ, родившая ихъ мать не хочетъ признать, но и не можетъ отъ нихъ отрѣчься.

Бѣлая сигнатурка, — приходитъ вдругъ ей въ голову мысль, — привязанная къ горлышку чернаго пузырька говоритъ: ты видишь, какъ красиво будетъ выглядывать бѣлый фартукъ на черномъ траурномъ платьѣ! Ты пойдешь по улицѣ съ длинными бѣлыми хорошо выглаженными завязками отъ фартука и съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ: встрѣчные будутъ оглядываться на тебя и непременно скажутъ въ полголоса: бѣдная дѣвушка, она въ глубокомъ траурѣ! А тамъ придетъ женихъ и увидитъ тебя въ твоёмъ траурѣ; онъ будетъ глядѣть на тебя съ особымъ благоговѣніемъ, какъ будто ты, перенеся потерю, приобрѣла новыя качества. Просидѣвъ у тебя съ полчаса, онъ примется цѣловать твои заплаканные глаза, обойметъ тебя, прижметъ къ себѣ и прошепчетъ: «это платье идетъ къ тебѣ, Текла».

Мать задвигалась подъ простыней, и это на Теклу произвело то же впечатлѣніе, какъ шорохъ кустовъ въ лѣсу на вздрогнувшего путника.

Прочь! прочь! эти ужасныя мысли, которыя находятъ на нее, слабую, безсильную съ ними бороться. Она просить Бога о томъ, чтобы мать осталась жива, просить Бога помочь ей самой пожелать, чтобы мать осталась жива. Но она этого пожелать не можетъ. Почему ей желать матери продленія этого жалкаго существованія, которое прежде было менѣе жалкое, чѣмъ теперь, когда ей пришло счастье. Развѣ она не видѣла, какъ страдалъ Робертъ, когда онъ навѣщалъ невѣсту въ этомъ темномъ домѣ сомнительной репутаціи. Развѣ, она не замѣтила, какъ на обрученіи у будущей свояченицы втихомолку подсмѣивались надъ ея матерью. Нѣтъ, это она замѣтила, точно также, какъ она видѣла горе и отчаяніе матери, когда, вернувшись въ жалкую свою комнатку, она сѣла, расплакалась и на всѣ вопросы дочери отвѣтила только: «Туда ты пойдешь, Текла, но я уже туда никогда больше не вернусь». А какъ будетъ, когда она выйдетъ замужъ? Не придется ли Роберту при каждомъ посѣщеніи матери притворяться участливымъ и почтительнымъ сыномъ? Не будетъ ли всякое необдуманное слово обидой и всякій задумчивый взглядъ причиною ссоры? Да, пусть будетъ, что будетъ, и въ этомъ милосердіе Божіе.

Мать простонала, и раза два приподнялось одѣяло. Нить мыслей оборвалась, но узлы остались неразвязанными. И стоило лишь снова воцариться тишинѣ, какъ вопросы снова поднялись въ ея воображеніи. Справедливо ли или нѣтъ? Права ли она или нѣтъ, желая матери смерти? Противорѣчія были такъ жестоки, а голова такъ утомлена, что настало лишь притупеніе. Ни то и ни другое,—отвѣтила она мысленно. Также ты въ этомъ права и не права, какъ ты не блондинка и не брюнетка. Такъ сложились обстоятельства, и иначе быть не можетъ. Значить, все равно! Какая свѣт-

лая, успокоительная мысль: все равно! Все равно, права или не права, большой или маленькой, жизнь или смерть, все... все... все равно! Дикая лань останавливается въ своемъ бѣгѣ, сердце бьется менѣе сильно, легкія вдыхаютъ воздухъ все рѣже, мускулы ослабѣваютъ, мысли улетаютъ, скрываются, становится темно, тихо, кажется, что близится все уничтожающая сила, душа перестаетъ чувствовать, тѣло уже ничего не ощущаетъ, разумъ ничего не воспринимаетъ.

Когда Текла проснулась, сидя на стулѣ, она увидѣла ночникъ, пузырьки, лимонъ и ложку, освѣщенными красноватымъ полусвѣтомъ, но наверху на стѣнѣ она ясно увидѣла два сердца въ свѣтлоголубомъ освѣщеніи. Ей почудилось, что пробили часы на колокольнѣ, а съ улицы до нея донесся звукъ метлы дворника по каменной мостовой; за окномъ чирикалъ воробей; доносились послѣдніе звуки зори съ кораблей. Настало утро, и денной свѣтъ вливался сквозь скважины ставней. Придя окончательно въ себя, она вспоминаетъ мать и тихо кладетъ руку на морщинистый лобъ. Онъ еле тепелъ; она прикладываетъ лѣвое ухо къ груди, но ничего не слышитъ. Она беретъ карманное зеркало и подноситъ его ко рту больной;—зеркало остается яснымъ. Она ей приподнимаетъ слегка вѣки... Мать умерла!

Послѣ нѣсколькихъ дней и ночей наступило ожидаемое; что было предсказано—совершилось; что должно было случиться—случилось. Пріобрѣталась увѣренность; прошли безпокойство, тревога, и наступила тишина.

Текла растворила ставни и вынула двѣ чистыхъ простыни, которыя она гвоздями прикрѣпила къ верху оконъ. Стало бѣло все въ комнатѣ, какъ при выпаденіи перваго снѣга, и всѣ предметы какъ бы окутались туманомъ. Затѣмъ переодѣлась въ свое черное платье, сняла золотыя

серьги. Каждый разъ, проходя мимо зеркала, висѣвшаго на стѣнѣ, видѣла она свою черную фигуру на фонѣ бѣлыхъ простынь и ей было жутко одной. Она отворила наружную дверь и почувствовала себя болѣе увѣренной, но ей надо было услышать человѣческой голось. Смерть оставила въ ея жизни пустое мѣсто, и его надо было заполнить. Смерть чего-то ее лишила, и она хотѣла бы вернуть утраченное, но съ нѣкоторой выгодой: она хотѣла бы заботу превратить въ радость и потерю въ небольшую для себя выгоду, чтобы смерть не была для нея злой.

Шесть часовъ утра, и новая привратница отворила свою дверь, собираясь на базаръ. Видя, что на противоположной сторонѣ дверь отворена, она стучится въ нее.

На порогѣ показывается Текла, блѣдная, одѣтая въ черное.

— Господи Иисусе! скончалась?—спросила старуха.

— Скончалась.

— Да будетъ воля Божья!—воскликаетъ старуха и входитъ въ комнату.

Ты вѣдь рада получить мѣсто, пронеслось въ гибкомъ воображеніи Теклы.

Затѣмъ приходятъ изъ гостиницы моряки, дѣвицы изъ своей квартиры; ростовщикъ дѣлаетъ краткій обзоръ имуществу. Всѣ почтительны, всѣ выражаютъ Теклѣ сочувствіе, которое та выслушиваетъ, какъ должное.

Въ семь часовъ приходитъ отецъ и протягиваетъ Теклѣ руку.

— Умерла?—спрашиваетъ онъ.

Онъ подходитъ къ кровати и прижимаетъ вѣки, затѣмъ въ раздумьѣ смотритъ на жену.

— Предстоятъ намъ хлопоты,—говоритъ онъ, наконецъ,—и это будетъ намъ дорого стоить.

— Какъ жестоко,—думаетъ Текла,—немедленно говорить о тратахъ. Она не думаетъ, чтобы въ эту минуту у отца была бы только одна эта мысль, которую онъ высказалъ, а и другія, о которыхъ отецъ не можетъ дочери сказать, но которыя онъ могъ бы шепнуть своей женѣ! Нѣжные мысли безъ выраженія, сердечное воспоминаніе безъ имени, такое сильное горе, которое понятно тому, кто все потерялъ. Если бы она могла на одно мгновение отрѣшиться отъ своихъ личныхъ чувствъ, она могла бы понять, что было бы для нея, если бы она потеряла своего Роберта. Но близорукая къ душѣ другого, она не сознаетъ, что отецъ смотритъ на свою потерю совѣмъ при другомъ освѣщеніи.

Робертъ приходитъ въ восемь часовъ и, отпросившись изъ магазина, гдѣ служить, до десяти часовъ дѣлаетъ съ Теклой необходимыя покупки.

Они купили полосатой бѣлой съ чернымъ матеріи, были у священника, у гробовщика, заказали рейнскаго вина и вина Мумма.

Три дня подъ рядъ принимаетъ Текла посѣтителей въ маленькой комнатѣ, а затѣмъ двери отворяются настежь и съ улицы стремится народъ поглазѣть на гробъ. Потомъ у воротъ и на улицѣ разбрасываются еловыя вѣтки; звонятъ колокола церкви святой Гертруды; приходитъ священникъ, приходятъ носильщики; шесть стражниковъ, товарищей отца, поднимаютъ гробъ и выносятъ его на черные дроги; толпа народа раздвигается, чтобы пропустить священника и Теклу, которые садятся въ карету, мягко покачивающуюся на рессорахъ; шествіе движется къ кладбищу, а входная дверь темнаго дома съ его темными воспоминаніями запирается; и дѣвушка черезъ смерть покидаетъ сорный ящикъ и крысъ, пьяныхъ матросовъ и ро-

стовщика, дѣтство и родительскій домъ и вступаетъ въ новую жизнь.

II.

Молодая женщина сидитъ въ собственной своей квартирѣ на набережной, которую солнце всегда озаряетъ своимъ свѣтомъ. Цвѣтъ ея лица сталъ значительно свѣжее. Обѣ небольшія комнатки и кухня блестятъ новой обстановкой и утварью, а она сама почувствовала себя королевой, когда служанка стала исполнять всю ея прежнюю домашнюю работу. Когда же по утрамъ она отправляется за покупками на базаръ и служанка несетъ за ней корзину для провизіи, она сознаетъ, что возвысилась, что стала особой и что достигла нѣкоторой власти. А когда возвращается домой мужъ, довольный, благодарный, то она чувствовала себя настолько безгранично счастливой, что нерѣдко плакала.

Мужъ былъ веселый малый, никогда не приносившій съ собой домой своихъ заботъ и хлопотъ. Онъ пѣлъ ей веселыя пѣсни, такъ что она часто смѣялась, чего прежде въ ея жизни не бывало; а иногда онъ приводилъ съ собой товарищей, и тогда всѣ вмѣстѣ пѣли и играли; всегда же подобныя сборища кончались изъясненіемъ благоговѣнія передъ молодой женщиной, которая въ ихъ кругу считалась солнцемъ, и сама того не замѣчая, свѣтила имъ и обогрѣвала ихъ.

Но дни, проведенные въ одиночествѣ и безъ работы, казались ей длинными, какъ иногда кажутся длинными праздники Рождества или Пасхи, когда, въ концѣ концовъ, приходишь до того, что дѣйствительно ждешь не до-

ждешься будень. Ея счастье было такъ безгранично, что утомило Теклу, и часто уходила она надолго гулять, ища новыхъ впечатлѣній; при этомъ она особенно часто подымалась до нѣмецкой церкви. Она подолгу сидѣла на кладбищѣ и уносилась воспоминаніями къ тому времени, когда жаждала счастья, теперь достигнутаго. Сравнивая достигнутое счастье съ тѣмъ, къ которому она тогда стремилась, она начинала грустить, потому что теперь ничего не было такого, о чемъ бы она мечтала. Однажды, выйдя изъ кладбища, она пошла провѣдать новую привратницу; она посидѣла у нея въ узкой комнаткѣ, чувствовала запахъ солевой рыбы, пересчитала всѣ пятна на желтыхъ обояхъ, испытывала прежнія нервныя вздрагиванія при каждомъ звонкѣ и при стукѣ затворяющейся входной двери. Вернувшись послѣ этого домой, она испытала снова счастье перваго времени, ожививъ впечатлѣніе новой свѣтлой жизни темными воспоминаніями прошлаго. Она почувствовала себя вдвойнѣ счастливой и втройнѣ благодарной тому, кто спасъ ее отъ нищеты и униженія.

* * *

Однажды Текла отправилась къ огороднику, чтобы купить къ обѣду овощей, такъ какъ мужъ пригласилъ друзей ко дню ея рожденія. Вернувшись домой, она была крайне удивлена, найдя отца сидящимъ въ кухнѣ передъ бутылкой.

— Доброе утро, дитя мое,—привѣтствовалъ ее отецъ и попробовалъ приподняться.

Текла въ эту минуту увидала, что онъ пьянъ.

— Я вспомнилъ,—продолжалъ съ большимъ трудомъ старикъ,—что сегодня день твоего рожденія, и останусь у тебя, если ты ничего противъ этого не имѣешь.

Текла замѣтила, что отецъ одѣтъ въ штатское платье и какъ-то осунулся. Ожидая всего самаго худшаго и вообще не зная, что сразу отвѣтить на его вопросъ, она попросила его подождать, пока она переодѣнется.

Придя въ спальню, она бросилась на кровать и расплакалась отъ обиды на судьбу, которая именно въ этотъ день разстраивала ея радость. Она любила оставленное за собой прошлое лишь какъ возбуждающее средство, чтобы съ большей силой сознавать и оцѣнивать свое настоящее, но вернуть это прошлое въ лицѣ отца въ свой же домъ она не хотѣла ни за что.

Время быстро проходило, минута за минутой, и она поняла, что ей необходимо вернуться къ гостю въ кухню, если она не желала подвергаться риску, что онъ пройдетъ въ залъ и тамъ будетъ ждать прихода гостей. Она быстро вытерла слезы и направилась въ кухню, но отворивъ дверь, она еле-еле удержалась на ногахъ: у стола все еще сидѣлъ ея отецъ совершенно пьяный и сжималъ въ своихъ объятіяхъ служанку.

Все почтеніе дочери къ отцу улетучилось моментально, и ею овладѣло безграничное омерзеніе. Но она сразу не могла выразить словами своихъ чувствъ; отецъ первый заговорилъ съ ней.

— Ну, что же Текла,—сказалъ онъ сонливо,—ты идешь по своимъ дѣламъ и не приглашаешь меня даже войти къ тебѣ въ домъ? Мнѣ надо бы съ тобой переговорить. Видите ли, я вышелъ въ отставку и хотѣлъ спросить у твоего мужа, не найдется ли у него какойнибудь письменной работы.

— Я знаю навѣрное, что такой работы у него нѣтъ,—отвѣчала Текла, довольная тѣмъ, что сразу, безъ обиняковъ, можетъ отрицательно отвѣтить на его просьбу.

Старикъ взялъ въ руки бутылку и взглянулъ на плиту, гдѣ изъ горшка торчала голова дикаго кабана.

— Вотъ какъ!—пробормоталъ онъ и снова замолчалъ, выжидая, что скажетъ еще дочь.

Текла думала о томъ, что пора бы накрывать на столъ и что черезъ полчаса начнутъ сходиться гости. Наконецъ, она приняла твердое рѣшеніе.

— Вотъ, отецъ,—сказала она,—возьми этотъ талеръ и выпей въ кабацкѣ за мое здоровье. А завтра, если придешь опять къ намъ, можешь переговорить съ мужемъ.

Старикъ взялъ между пальцами талеръ, и казалось, что онъ прицѣливается, что бы его забросить подальше. Но вдругъ онъ плюнулъ на него, опустилъ въ карманъ, нахлобучилъ на голову свою шапку и всталъ.

— Ты, Текла, не приглашаешь меня войти. Ты права, такъ какъ, видишь ли, одинаковыя дѣти всего лучше играютъ вмѣстѣ (ахъ! вѣдь ужъ когда нибудь это должно же было проявиться), но когда-то ты была моей Теклой, моей дѣвочкой, видишь ли, и я легко этого забыть не могу. Не забуду этого никогда. Ты ждешь къ обѣду гостей; я вижу это и потому ухожу... Да, я ухожу!

Текла, стоявшая все это время ни жива, ни мертва, не могла удержать вздоха облегченія, и это для отца не прошло незамѣченнымъ; онъ, видимо, вдругъ измѣнилъ свое рѣшеніе и нетвердой поступью направился въ залъ.

— Такъ,—сказалъ онъ вдругъ, злобно оскаливъ зубы,—ты думала цѣною талера избавиться отъ меня и хотѣла, чтобы я шелъ одинъ пить въ кабачекъ, когда я здѣсь могу быть въ такомъ хорошемъ обществѣ!

Онъ, шатаясь, вошелъ въ залъ и опустился въ кресло.

— Накрывай на столъ! Я тоже хочу повеселиться! У тебя я видѣлъ въ горшкѣ кабана, а на блюдѣ артишоки.

— Отецъ!—первала его внѣ себя Текла—ты выпилъ и позволилъ себѣ вольность по отношенію служанки. Прошу тебя уйти раньше, чѣмъ вернется Клементъ! Подумай, что это не мой домъ, а его, и что ты права не имѣешь нарушать его семейное спокойствіе. Приходи завтра, и я обѣщаюсь тебѣ, что сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы тебѣ помочь!

— Такъ, такъ, дѣвочка моя, ты хочешь сказать мнѣ доброе словечко. Ну говори же, я тебя слушаю.

Видя, что нѣтъ возможности избѣгнуть неприятности, и не будучи въ силахъ храбро перенести ее, Текла рѣшила временно покинуть домъ. Набросивъ на себя накидку, спустилась она со слезами на глазахъ по лѣстницѣ и вышла на улицу.

Въ головѣ у нея была одна лишь опредѣленная мысль: разъ ей не удалось удалить изъ дома посягателя на ея спокойствіе, то она не хотѣла, по крайней мѣрѣ, присутствовать при томъ, какъ онъ нанесетъ свой ударъ. Она все остальное забыла и безъ оглядки спѣшила по улицамъ, какъ бы убѣгая отъ неблагоприятнаго, злого рока, преслѣдующаго ее лично и настагающаго ее теперь въ самый день ея рожденья, теперь, когда она высвободилась изъ мрака нищеты, отъ рока, сулившаго снова свергнуть ее въ прежнее жалкое положеніе.

Она перешла по сѣверному мосту, прошла весь пригородный базаръ и дошла до королевскаго сада, ворота котораго были отворены. Она вошла; тамъ дѣти играли, радуясь весеннему солнцу; она сѣла на скамейку. Прежде всего мысль ея остановилась на работѣ садовниковъ, которые сажали цвѣты въ клумбы и пересаживали ихъ въ новые цвѣточные горшки. Все привлекало ея вниманіе, и каждый малѣйшій пустиакъ занималъ ее, какъ будто она желала прогнать

непріятность, ожидавшую ее. Вдругъ съ колокольні святого Якова раздался похоронный звонъ; она, сидя на мѣстѣ, стала считать удары колокола, но отъ каждаго удара она вздрагивала, и душу ея наполняло тяжелое предчувствіе.

Появилась вдругъ цѣлая толпа придворныхъ слугъ; одни принесли и разставили посреди аллеи столъ и накрыли его скатертью; другіе принесли блюда, тарелки, графины, стаканы. Текла съ любопытствомъ глядѣла на приготовленія къ королевскому обѣду и въ ту же секунду вспомнила объ ожидавшемъ обѣдѣ дома, представила себѣ возвращеніе мужа, приходъ гостей, ненакрытый столъ, инцидентъ съ пьянымъ отцомъ и слышала вопросы объ исчезнувшей хозяйкѣ. Она хотѣла встать и идти домой, но не рѣшалась двинуться. Мысль о томъ, что ей предстоитъ, мучила ее; боязнь скандала, котораго она не могла предотвратить, приковывала ее къ скамейкѣ, и раздираемая чувствомъ долга и малодушіемъ, она все же осталась сидѣть, обращая взоры то направо, то налево, какъ будто ей трудно было рѣшить въ какую сторону глядѣть.

Внезапно сторожъ прекратилъ ея оцѣпененіе, спросивъ ее грубо, по какому праву она вошла въ королевскій садъ. Она оправдывалась тѣмъ, что ворота были отперты, но ей немедленно было приказано выйти вонъ. Въ сопровожденіи сторожа направилась она недовольная къ выходу; когда же она увидѣла другихъ женщинъ, немногимъ лучше ея одѣтыхъ, гуляющихъ безпрепятственно по аллеѣ, нюхающихъ цвѣты, наступающихъ на траву, то почувствовала уколъ въ сердце, такъ какъ она, казалось, одна подвергалась изгнанію, а увидѣвъ направленные на нее насмѣшливые взгляды, она почувствовала гнѣвъ, ненависть, зависть къ тѣмъ, которые неизвѣстно почему пользовались преимуществами, которыхъ она, почему-то, не имѣла.

Выйдя за ворота, которыя за нею съ шумомъ затворились, она пошла, не зная куда, стараясь только выбирать менѣ людныя улицы, гдѣ бы ее не преслѣдовали посторонніе взгляды. Она такимъ образомъ спустилась къ бухтѣ, къ мѣсту впаденія рѣчки и замѣтила двигающуюся къ мосту Голля кучку народа. Обрадованная тѣмъ, что вниманіе ея можетъ быть отвлечено постороннимъ предметомъ, она послѣдовала за народомъ, остановившимся въ началѣ моста, оцѣпленнаго стражниками. Протискавшись сквозь толпу, она увидѣла на мосту посреди стражниковъ группу, состоящую изъ священниковъ и судей, которые, казалось, совѣщались. Она скоро замѣтила, что всеобщее вниманіе было обращено на одѣтую въ бѣлое женщину, съ связанными за спиною руками, которую за веревку держалъ палачъ, а два плотника тѣмъ временемъ поднимали передъ ней перила моста.

— Текла, видишь ли ты колдунью съ того мѣста, гдѣ ты стоишь? Если да, то пусти меня къ себѣ,—сказалъ за ея спиной женскій голосъ.

Обернувшись, Текла узнала Эббу, дочь графа, съ которой онѣ нѣкогда подружились, готовясь вмѣстѣ къ конфирмаціи. Польщенная тѣмъ, что Эбба узнала ее, и обрадованная тѣмъ, что она обратилась къ ней съ просьбой, Текла вдругъ страшно захотѣла сыграть роль покровительницы и, когда передъ ней прошелъ случайно одинъ изъ стражниковъ, она слегка потянула его за мундиръ, поздоровалась съ нимъ и попросила его поставить ихъ съ другой въ середину кольца стражниковъ. Это было немедленно исполнено, такъ какъ стражникъ ее помнилъ со времени ея посѣщеній отца въ казармѣ.

Совѣщаніе видимо окончилось, и судья прочелъ какую-то бумагу.

Текла ничего не разслыхала, но она не могла оторвать взоровъ отъ молодой женщины, присужденной къ потопленію. Одѣтая въ бѣлую сорочку, обрисовывающую чудную фигуру, съ распущенными черными волосами, падающими на плечи и на спину, она поражала своей блѣдностью и красотой; два пылающихъ глаза были побѣдоносно обращены на толпу народа, и улыбка играла на ея устахъ. Она, казалось, хотѣла имъ сказать, что какъ ни какъ, а она на цѣлую голову выше ихъ и что казнь, предстоящая ей, ничто иное, какъ единоборство между ею и Всемогущимъ, и что если она и потонетъ, то все же она утѣшаетъ себя тѣмъ, что вступила съ Нимъ въ борьбу.

Текла позавидовала положенію этой женщины. Весеннее солнце освѣщало красивое лицо колдуньи, ея бѣлую сорочку. Палачъ толкнулъ ее въ воду, которая маленькими круглыми волнами замкнулась скоро надъ ея волосами, которые еще плавали какъ водоросли на поверхности воды когда бѣлая фигура уже исчезла въ глубинѣ.

Въ эту минуту поднялся ропотъ въ толпѣ, она какъ потокъ бросилась впередъ, прорвала цѣпь стражниковъ и навалилась на перила моста, которыя переломились. Въ это мгновеніе Текла увидѣла, какъ Эбба сшибленная съ ногъ толпой съ отчаяннымъ крикомъ упала въ воду. Не раздумывая и почувствовавъ какое-то безумное желаніе сыграть роль въ этой драмѣ, она бѣгомъ спускается на берегъ, бросается въ воду, тянетъ подругу къ берегу за платье, затѣмъ сама, оглушенная криками толпы на мосту, плескомъ воды, бряцаніемъ оружія стражниковъ, вытасивъ подругу на берегъ, падаетъ рядомъ съ ней безъ сознанія.

* * *

Придя въ себя и раскрывъ глаза, Текла увидѣла, что лежитъ на кровати въ незнакомой комнатѣ. Когда она

пришла въ такое состояніе, что могла кое-что различать, она въ ногахъ увидѣла двѣ ангельскія головки, поддерживающія пологъ кровати изъ бархата, вышитаго серебромъ; дальше она увидѣла кресло орѣховаго дерева съ рѣзнымъ графскимъ гербомъ на спинкѣ, за нимъ шкафъ чернаго дерева съ инкрустаціями. Черезъ опущенную занавѣску окна просвѣчивалъ свѣтлооранжевый свѣтъ, образовавшій на полу, благодаря хрустальному бокалу, стоящему на окнѣ, кругъ, окрашенный во всѣ цвѣта радуги.

Текла понемногу припоминала все пережитое за послѣдніе часы: непріятность съ отцомъ, бѣгство изъ дома, уходъ изъ королевскаго сада, неожиданное появленіе Эббы, колдунья, волненіе толпы, паденіе Эббы и ея личное поведеніе при опасности грозившей подругѣ. Мысль объ ожидавшихъ ее гостяхъ и о безпокойствѣ мужа такъ сильно взволновала ее, что она вскочила съ кровати на полъ. Замѣтивъ, что она одѣта въ чужое платье, она взглянула въ зеркало и увидѣла, что на ней шелковая юбка и бархатная рубашечка, а на ногахъ изящные туфельки. Она нѣкоторое время простояла передъ зеркаломъ, любуясь своей молодой фигурой, никогда раньше не казавшейся ей такой привлекательной. Она расправила складки юбки и привела въ порядокъ распущенные волосы. Въ эту минуту за ея спиной раздался веселый смѣхъ, двѣ ручки обняли ея шею, и на щекѣ своей она почувствовала поцѣлуй.

— Видишь, злая, ты должна была очнуться! Я была въ этомъ увѣрена!—проговорила Эбба.—А если бы ты не пришла въ себя, я бы, кажется, умерла съ горя.

— Милостивая Государыня,—послышался позади обнявшихъ подругъ, голосъ графа,—позвольте мнѣ принести отъ глубины растроганнаго сердца благодарность отца за храброе и самоотверженное ваше поведеніе, благодаря которо-

му, вы спасли вдовцу его единственное дитя, его послѣднюю радость на землѣ.

Искренно взволнованный маститый старецъ нагнулся и поцѣловалъ у Теклы руку; она же, пораженная этой высокой милостью, не могла вымолвить ни слова.

— Я очень сожалѣю,—продолжалъ затѣмъ графъ,—что мое положеніе въ арміи вынуждаетъ меня завтра же покинуть городъ. Дочь моя проводитъ меня до Елфенаббенъ; когда же она вернется и поселится въ Сандемарфъ, я надѣюсь, что вы сдѣлаете ей удовольствіе и погостите у нея.

Текла поблагодарила и прошептала какія-то непонятныя слова.

— А такъ какъ я теперь вижу, что силы ваши восстановлены,—продолжалъ графъ,—и думаю, что вашъ мужъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ васъ, я велѣлъ заложить карету, которая довезетъ васъ до дома.

Графъ предложилъ руку все еще страшно смущенной Теклѣ и повелъ ее черезъ цѣлую анфіладу комнатъ, одна роскошнѣй другой. Дойдя по передней, онъ набросилъ ей на плечи элегантную накидку и просилъ позволенія прислать ей ея платья на слѣдующій день.

Обнявшись съ Эббой, повторявшей приглашеніе отца, она затѣмъ очутилась въ закрытой каретѣ, которая, мягко раскачиваясь на рессорахъ, помчала ее по улицамъ. Текла могла лишь думать о необычайной милости судьбы, которая только нѣсколько часовъ тому назадъ становилась противъ нея, а теперь такъ возвеличила ее и спасла ее отъ необходимости выслушивать дома упреки за неисполненіе обязанностей. Карета остановилась у дверей дома. Боясь все же за пріемъ, она послала слугу, провожавшаго ее, къ Клементу съ тѣмъ, чтобы онъ ему рассказалъ обо

всемъ случившемся и просилъ его спуститься и помочь женѣ подняться по лѣстницѣ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ прибѣжалъ Клементъ; онъ обнялъ жену, покрылъ поцѣлуями ея руки, благодарилъ Бога за то, что Тотъ вернулъ ему ее; онъ, не считая ее въ опасности, все же былъ очень обезпокоенъ ея исчезновеніемъ. Потомъ онъ сообщилъ, какъ они съ гостями накрыли столъ и все ожидали ея появленія, думая, что она лишь задержалась въ какой-нибудь лавкѣ. Служанка передала ей, что немедленно по ея уходѣ всталъ и вышелъ изъ дома отецъ—и это успокоило окончательно Теклу.

Насталъ такой праздникъ, о которомъ она никогда и во снѣ не мечтала. Она во всѣхъ отношеніяхъ была героиней дня, и ея болѣзненное самолюбіе было вполнѣ удовлетворено, такъ какъ весь обѣдъ рѣчь шла лишь о ней. Когда же она стала рассказывать о графѣ, о томъ, что онъ говорилъ и что обѣщала Эбба, слушатели ея молча внимали ея рассказамъ. Одинъ молодой виноторговецъ вспомнилъ, что какъ-то продалъ вина графу Шлиппенбаху и что самъ ходилъ къ нему со счетомъ; оба съ Теклой въ одинъ голосъ рассказывали о дворцѣ графа, о мраморной лѣстницѣ, о статуяхъ и картинахъ въ передней и о гербѣ надъ воротами. Она такъ предавалась этимъ описаніямъ до тѣхъ поръ, пока Клементъ, наконецъ, не началъ зѣвать; онъ снова наполнилъ бокалы и предложилъ спѣть хоромъ, въ чемъ ему отказала Текла, говоря, что очень устала.

Вскорѣ раздался наружный звонокъ и вошелъ камердинеръ графа фонъ Шлиппенбаха. Онъ просилъ Теклу отъ имени графа и его дочери принять въ день рожденія, въ видѣ незначительнаго воспоминанія, подарокъ, и, поставивъ на столъ серебряный подносъ съ цвѣтами и фруктами, онъ, низко поклонившись, вышелъ.

Все общество принялось съ удовольствіемъ осматривать роскошный подарокъ. Посреди цвѣтовъ возвышалась всѣмъ знакомая бѣлая лилія, а вокругъ нея какія-то вѣтки глянцовитыхъ темно-зеленыхъ листьевъ и бѣлыхъ сильно пахнущихъ цвѣтовъ; затѣмъ въ букетѣ были еще голландскіе тюльпаны и жасминъ. Цвѣты окружала гора апельсинъ, кизилія, гранатовъ, айвы; не всѣмъ знакомы были всѣ эти фрукты, такъ что осмотръ ихъ вызвалъ всякія предположенія, пока, наконецъ, находившійся среди гостей архитекторъ не назвалъ всѣ плоды по имени, такъ какъ ему они были знакомы по орнаментамъ дворца Де-Ла-Гарди.

Наконецъ Клементъ открываетъ въ самой бѣлой лиліи брилліантовое кольцо, привязанное серебряной ниткой къ чашечкѣ цвѣтка. Золотыхъ дѣлъ мастеръ, находящійся тутъ же, знатокъ этого дѣла, оцѣниваетъ кольцо въ двѣсти дукатовъ.

Опять зашелъ разговоръ о графѣ, и опять пришлось Клементу поддаться общему теченію и въ воображеніи перенестись во дворецъ графа.

Онъ снова попробовалъ отдалить эту казавшуюся ему скучной тему и опять предложилъ пѣть; но, какъ и первый разъ, его предложеніе успѣха не имѣло. Ему стало грустно, что не одни его мысли и чувства отражаются въ глазахъ жены, а что въ нихъ свѣтится что-то постороннее, и онъ не разъ старался привлечь ея вниманіе.

Но Текла была такъ счастлива и чувствовала себя на такой высотѣ, что внизъ спуститься не могла, а старалась напротивъ втянуть къ себѣ мужа. Она объявила ему, что, быть можетъ, графъ сдѣлается его покупателемъ, и ей, такимъ образомъ, уже казалось, что входъ Клемента въ домъ графа—дѣло рѣшеное. Весь вечеръ, такимъ образомъ, разговоръ продержался на графѣ, его городскомъ дворцѣ и

имѣніи Сандемаръ, а когда разошлись гости, Текла пошла къ себѣ мечтать о потерянномъ и вновь обрѣтенномъ раѣ.

* * *

Въ одно ясное майское утро дорожная карета графа остановилась у подъѣзда дома Теклы. Клементъ послѣднее время не былъ вполнѣ доволенъ жизнью: ужъ очень шумѣла и волновалась по дому его молодая жена. Она заказала себѣ новые туалеты; она ѣздила въ домъ графа; разъ отдавала ей визитъ и Эбба. Клементъ въ это время дома не было, такъ что ему пришлось удовольствоваться ея разсказами объ оказанной ему чести. Онъ вообще такъ много слышалъ о графѣ и его дочери по утрамъ, днемъ и по вечерамъ, что онъ по своей скромности начиналъ чувствовать себя не очень уютно дома. Вотъ почему онъ теперь отпускалъ жену съ нѣкоторымъ облегченіемъ, хотя и не безъ тревоги. Ихъ счастье было такъ кратко, и ему становилось стыдно при мысли, что теперь онъ ждетъ ея отѣзда, какъ отдыха. Поэтому, желая избѣгнуть грусти при разлукѣ, онъ простился быстро и ушелъ въ свою лавку раньше, чѣмъ за Теклой подъѣхала карета. Кромѣ того ему не хотѣлось быть представленнымъ Эббѣ, такъ какъ онъ считалъ себя слишкомъ ничтожнымъ, чтобы быть съ ней знакомымъ.

Текла же жила все это время въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи и потому она не могла удѣлять много вниманія мужу, ставшему за послѣднее время нѣсколько угрюмымъ. Когда же теперь пришелъ лакей и доложилъ, что карета ждетъ у подъѣзда, она съ нѣкоторымъ облегченіемъ покинула свою квартиру, приведенную въ беспорядокъ ея сборами въ дорогу. Проѣзжая по набережной и мимо порта, гдѣ стояли увѣшанные флагами и окруженные

стоями ласточекъ сотни судовъ, она испытывала чувство, будто опять передъ нею открывается еще новая жизнь.

Они поѣхали по Сѣверному мосту, черезъ пригородный базаръ, по Блазигольмъ и на островъ Балмундъ, откуда яхта должна была доставить Теклу въ Сандемаръ, имѣніе графа. Когда они, проѣхавъ королевскій паркъ, доѣхали до большого фіорда, Текла расплакалась, тронутая величіемъ вида.

При благопріятномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ развернулись паруса яхты, и скоро она поплыла среди другихъ яхтъ, торговыхъ и военныхъ судовъ, направляющихся къ городу.

Молодые дамы усѣлись на палубѣ подъ тентомъ въ обществѣ молодого девятнадцатилѣтняго барона, лишившагося родителей и оканчивающаго свое воспитаніе въ домѣ графа.

Весенній вѣтерокъ тихо надувалъ паруса и приносилъ съ берега пріятный запахъ клевера, а молодой баронъ занималъ дамъ веселой болтовней, перемѣшивая иногда свои рѣчи цитатами италіанскихъ поэтовъ, которыхъ Текла не понимала, но которыя дѣйствовали на ея слухъ, какъ музыка. Никогда еще не видала она такихъ изысканныхъ манеръ, такой элегантнои наружности, какъ у молодого человѣка. Когда же онъ послѣ того, какъ были поданы на палубу фрукты и вино, взялъ свою лютню и началъ пѣть, Теклѣ казалось, что она далеко уносится отъ земли.

Теклѣ казалось, что молодой человѣкъ на пути стать возлюбленнымъ Эббы и потому она взирала на всѣ его шуточки взорами человѣка все понимающаго и во все посвященнаго, дѣлая видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Когда же баронъ Магнусъ (такъ звали молодого человѣка) произнесъ по адресу геройскаго поведенія Теклы хвалебную рѣчь, говоря, что весь міръ ей обязанъ тѣмъ, что Эбба

продолжаетъ всёхъ вокругъ себя радовать красотой и молодостью, она почувствовала себя покровительницей молодой парочки, хотя съ грустью сознала, что, слѣдовательно, она причислена къ старымъ, потерявшимъ уже всякую надежду на счастливую любовь. Когда затѣмъ она заговорила о своихъ годахъ и своей опытности, молодые люди рѣшили прозвать ея дорогой тещей, что возвышало надъ ними Теклу и способствовало въ то же время установленію между ними самыхъ простыхъ отношеній.

Яхта тѣмъ временемъ скользила по фіорду къ Баксгольму, затѣмъ измѣнила курсъ. Возлѣ Диргамма они встрѣтили королевскую эскадру, только что снявшуюся съ якоря и направляющуюся къ Стокгольму. Къ вечеру показался на горизонтѣ Сандемаръ.

Теклѣ въ томъ видѣ какъ онъ представился теперь при вечернемъ освѣщеніи солнца, онъ показался волшебнымъ замкомъ. Снизу, съ песчанаго берега украшеннаго пристанью, мостиками для лодокъ, павильономъ и купальней, начинался, поднимаясь кверху, паркъ темныхъ буковыхъ и тисовыхъ деревьевъ, среди которыхъ возвышались статуи боговъ нимфъ, героевъ и драконовъ. Мѣстами развѣтывались цвѣточные клумбы съ нарцисами, гіацинтами, тюльпанами. На заднемъ планѣ возвышался замокъ съ башней, флагштокомъ, вымпеломъ, флюгеремъ и зубцами; за ними шли сады, а вдали за садами выстроились домъ управляющаго, конюшни и всевозможныя хозяйственныя постройки. Весь берегъ окаймляли темные сосновые лѣса, растущіе на поросшихъ мохомъ скалахъ, покрывающихъ берегъ до самаго моря. На фіордѣ высились мачты военного судна Даларё, охраняющаго военную гавань Элфснаббенъ, служившей сборнымъ пунктомъ для флота во время маневровъ.

Дальше продолжить свои наблюденія Текла уже не могла,

такъ какъ раздался сигнальный свистокъ, собаки залаяли, и яхта причалила къ пристани. Баронъ Магнусъ помогъ ей пройти по сходямъ, а затѣмъ ее приняла въ свои объятія старая гофмейстерина, вышедшая навстрѣчу Эббы и ея пріятельницы.

* * *

Прошло три дня и три ночи, когда въ одно прекрасное утро Текла съ восходомъ солнца проснулась въ отведенной ей комнатѣ въ Сандемарѣ. Она видѣла тяжелые сны объ отцѣ и о колдуньѣ въ Блазигольмѣ, и поэтому быстро вскочила съ кровати, чтобы разсѣять дурныя мысли. Открывъ окно, увидавъ морской фіордъ, паркъ съ его деревьями, одѣтыми въ пышную свѣжую зелень, цвѣты, покрытые росой, и услыхавъ пѣніе птицъ, она сразу успокоилась, снова легла въ постель и стала думать о проведенныхъ такъ счастливо трехъ дняхъ. Ни о чемъ не думая и не заботясь, шла она къ роскошно накрытому столу, какъ на пиръ; она на парусахъ каталась по морю; ѣздила въ лѣсъ на охоту по зайцамъ и большимъ птицамъ; была на скотномъ дворѣ и птичникѣ, осматривала собачьи своры; играла въ тенить въ паркѣ; рвала цвѣты въ цвѣтникахъ, а чаще всего сидѣла въ бесѣдкѣ возлѣ пруда, съ плавающими на немъ лебедями, и слушала, какъ молодые люди смѣялись, пѣли и опять смѣялись. Жизнь протекала для нея такъ свѣтло, что ей все казалось, что она слышитъ церковный звонъ колоколовъ, такъ какъ всѣ эти дни казались ей похожими на праздники. Она сама, да и всѣ здѣсь, вѣдь, одѣты были по праздничному, комнаты украшены по праздничному, дорожки въ саду подметены по праздничному, и каждый день подавался праздничный обѣдъ, и не было слышно уличнаго грохота, шума людскихъ голосовъ.

Однако наканунѣ вечеромъ пробѣжала маленькая тучка и чуть-чуть заслонила солнце. Эбба, несомнѣнно увлеченная молодымъ барономъ, иногда приходила въ дурное расположение духа и тогда злилась на него и мучила его, какъ мучаютъ муху, безъ причины. Наканунѣ вечеромъ она бросила въ прудъ одинъ изъ его незначительныхъ подарковъ, поднесенныхъ имъ съ такой неподдѣльной радостью, а когда послѣ того, какъ она нѣкоторое время насмѣхалась надъ нимъ, Эбба удалилась, Текла замѣтила, какъ на глазахъ молодого человѣка появились слезы. Она съ участіемъ спросила его о причинѣ горя; тогда онъ бросился передъ ней на земь, положилъ голову на колѣни и открылъ ей свое сердце. Онъ думаетъ, говорилъ онъ, что Эбба никогда его не полюбитъ, такъ какъ мать его была иностранка и не знатнаго происхожденія.

Тутъ нашлась неожиданно связь между обоими отпрысками незнатныхъ родовъ, и купеческая жена, дочь стражника, стала утѣшать сына простой иностранки, ласкала его прекрасную голову съ черными вьющимися кудрями, а взволнованный юноша покрывалъ ея руки поцѣлуями, называлъ сестрой и просилъ ея быть его другомъ. Затѣмъ пока не взошла луна, они все гуляли въ паркѣ, пока, наконецъ, Эбба не позвала ихъ домой. Она была весь остатокъ вечера опять очень любезной.

Текла чувствовала послѣ этого, что она стала кѣмъ-то больше, чѣмъ спасительницей жизни, которую старались по мѣрѣ возможности отблагодарить. Она случайно оказалась брошенной въ самую жизнь этихъ людей, случайно приняла участіе въ треніи колеса, приводимаго въ движеніе судьбою, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то нарушились ея прежнія, личныя связи. Ей это прежде представилось со страшной очевидностью, когда въ это утро горничная принесла

ей письмо, пришедшее по почтѣ, въ которомъ она сейчасъ же признала письмо отъ мужа.

Послѣ того, какъ она уѣхала изъ дому, у нея не было ни единой мысли о немъ, никакого стремленія вернуться къ себѣ. Читая теперь его нѣжныя изліянія и просьбы о возвращеніи домой, она приняла первые, какъ упреки, а просьбы показались ей приказаніями. На нее это письмо произвело впечатлѣніе, будто чужая, жесткая рука хотѣла вырвать ее съ неба и низвергнуть на землю. Она удивилась, что такъ скоро по выходѣ замужъ она могла получить такое впечатлѣніе отъ своего мужа, и спрашивая себя, любить ли она дѣйствительно этого человѣка, она мысленно отвѣтила отрицательно. Однако лѣтомъ, когда онъ уѣзжалъ, ей умереть хотѣлось, она любила его.

Чтобы освободить себя отъ колебаній и упрековъ, она сейчасъ же сѣла отвѣчать на письмо, твердо рѣшивъ отклонить требованіе мужа вернуться ранѣе намѣченной недѣли; она объясняла это тѣмъ, что не можетъ не сдержать даннаго обѣщанія въ особенности при настоящихъ осложненныхъ обстоятельствахъ.

Когда она отправила письмо, ей показалось, что она заплатила или, по крайней мѣрѣ, вычеркнула долгъ. Одѣвшись, она со спокойнымъ сердцемъ пошла гулять въ паркъ.

Утро выпало прохладное, и роса еще лежала на цвѣтахъ. Фіордъ разстилался темно-синій, и волны плескались о борта рыбацкихъ лодокъ, въ которыхъ лежали уже цѣлыя горы килекъ.

Текла почувствовала неудержимое стремленіе выйти изъ огороженнаго мѣста, на волю. Вхвать одна въ лодочкѣ по морю она не рѣшалась, а по близости не было никого, кто бы могъ покатать ее. Но выйти изъ парка ей захо-

тѣлось во что бы то ни стало, и, увидѣвъ отворенную калитку, она пошла вдоль берега.

Ей сразу показалось, что дышится свободнѣе, а бѣлый мягкій песокъ такъ нѣжно скрипѣлъ подъ ея ногами; по почернѣвшимъ сосновымъ игламъ ступала она, какъ по мягкому ковру; сосновый лѣсъ издавалъ такой сильный и пріятный запахъ и такъ скрывалъ ее отъ любопытныхъ взоровъ. Она распустила черезчуръ стягивающій ее корсетъ, такъ какъ непривычныя для нея кости его не мало заставляли ее страдать, и снявъ съ головы шляпку, шла все дальше вдоль берега, веселая, тихо напѣвая пѣсни. Вдругъ прекратился песокъ и почва стала каменистой, но камни были такіе гладкіе, что это обстоятельство не помѣшало ей продолжать прогулку въ томъ же направленіи. Однако скоро стали попадаться большіе острые камни, цѣлыя скалы; пока не устала, она перепрыгивала съ одной скалы на другую. Ей не хотѣлось углубляться въ лѣсъ, потому что ей дѣлалось страшно, какъ только она не имѣла передъ глазами яснаго тихаго моря. Все же пришлось ей отдалиться отъ берега, когда камни стали еще острѣй, и въ особенности, когда межъ камней промелькнулъ хвостъ змѣи.

Сначала шла тропинка по мѣстамъ, покрытымъ сосновыми иглами и поросшими сухой травой, достигавшей почти до колѣнъ, такъ что она, думая о змѣяхъ, содрогалась и старалась, какъ заяцъ, прыгать съ кочки на кочку. Кровь ударяла въ виски, грудь усиленно подымалась, пока, наконецъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, она не достигла болѣе широкой дороги, на которую она твердо ступила. По положенію солнца на небѣ, она приблизительно могла разсчитать, въ какомъ направленіи замокъ, и увидавъ, что дорожка повернула направо, она поняла, что она доведетъ ее до дому. Густой лѣсъ началъ рѣдѣть, и между стволами деревьевъ

она скоро увидѣла голубой столбъ дыма. Гдѣ-то по близости черный дятель съ краснымъ затылкомъ стучалъ по соснѣ; взволнованная молодая женщина вздрогнула, и ею сразу овладѣли мрачныя мысли.

Тропинка въ этомъ мѣстѣ превратилась въ проѣзжую дорогу и вела къ хижинѣ, вмазанной въ скалу. Когда Текла приблизилась къ маленькой двери, состоящей лишь изъ нѣсколькихъ досокъ, она замѣтила, что внутри защелка висѣла на петлѣ, изъ чего она заключила, что въ домѣ никого не было. Тогда она осмотрѣла кругомъ странную хижину и замѣтила прикрѣпленный надъ дверью козлиный рогъ и прибитую посреди порога подкову. Въ углу, въ чашкѣ, росъ любистокъ, показавшійся ей страшно вонючимъ, когда она нагнулась, чтобы понюхать его; позади этого противнаго растенія лежалъ свернувшись ежъ и спать.

Все здѣсь казалось Теклѣ страннымъ и внушало ей чувство особаго страха. Она только что собралась было идти дальше, какъ изъ внутренности хижины донеслись до нея человѣческіе голоса. Любопытство на мгновеніе пересилило страхъ, и она приблизила лицо къ двери, чтобы увидѣть въ щелку, что дѣлалось внутри, какъ вдругъ она вздрогнула, чуть не вскрикнула и быстро спряталась за уголь.

Тихо ступая, вошла Текла снова въ лѣсъ, чтобы отыскать дорожку, которая довела бы ее домой. То, что она только что увидѣла въ хижинѣ, потрясло ее до глубины души, въ особенности потому, что она никакъ не могла объяснить себѣ присутствія Эббы у этой таинственной старухи, которая не могла быть никѣмъ инымъ, какъ колдуньей, судя по внѣшнимъ атрибутамъ, вывѣшеннымъ ею на подобіе вывѣски.

По обычной ассоціаціи идей вспомнила она теперь слу-

чай на мосту у Блазигольма, участіе Эббы къ судьбѣ колдуньи и только теперь удивилась тому, какъ она раньше не подумала объяснить себѣ, какъ попала знатная барышня въ толпу простонародья, глядящаго на такое страшное зрѣлище. Оба сходные случая сливались теперь въ ея воображеніи, и одно становилось объясненіемъ другого; оба соединялись въ одно и порождали страшное подозрѣніе, разросшееся скоро до полной достовѣрности: Эбба—колдунья.

Затѣмъ она стала думать о томъ, что изъ этого можетъ произойти и рѣшила, что лично для нея послѣдствія могутъ быть весьма печальныя. Если допустить, что все выйдетъ наружу, что въ настоящее время весьма возможно, то Текла лишилась бы рая и снова была бы низвергнута въ преисподнюю. Какъ молнія ее ослѣпило воспоминаніе о томъ, какія гордыя, надмѣнныя слова, она написала мужу, стараясь дать ему понять, что она не стремится къ совмѣстной жизни съ нимъ.

Придя въ волненіе отъ воспоминанія объ этомъ рѣзкомъ письмѣ, она ускорила шаги, желая скорѣй вернуться домой и, если еще не поздно, задержать письмо.

Опять началъ рѣдѣть лѣсъ, и она достигла садовой калитки, не встрѣтивъ ни души. Она привела немного въ порядокъ свое платье, вытерла о траву запыленные башмаки и быстрыми шагами направилась къ замку.

Первое, что она сдѣлала, это отыскала горничную, которой передала утромъ письмо, но та объяснила ей, что оно уже ушло на яхтѣ.

Затѣмъ съ чувствомъ тревоги на душѣ, она прошла по ряду комнатъ; встрѣчающіеся ей служанки и лакеи низко кланялись; очутившись въ этихъ массивныхъ стѣнахъ, непроницаемыхъ для холода, видя буфеты, уставленные блю-

дами и кувшинами, которымъ видимо не грозило остаться когда-нибудь пустыми, она почувствовала спокойствіе, которое испытываютъ богачи; всѣ мысли о грозящихъ неприятностяхъ покинули ее.

Сама того не замѣчая, вошла она въ бібліотеку. Фолианты бѣлаго пергаментѣ, in-quarto въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ, брошюрки и диссертациі на турецкой бумагѣ, кипы рукописей украшали стѣны обширной комнаты, на потолокъ которой висѣла саламандра. На дубовомъ столѣ посреди комнаты стояли астролябія и глобусъ.

Текла обошла всѣ полки и шкафы, машинально трогая книги и инструменты, разсѣянная, какъ бы отсутствующая, погруженная въ мысли, на которыя она получить отвѣта не могла. Вдругъ она остановилась передъ какой-то полкой, взяла въ руки какой-то in-quarto въ сафьяновомъ переплетѣ съ металлическими застѣжками и тутъ же замѣтила, что за этой книгой торчала другая, маленькая, по виду походящая на альманахъ. Это возбудило ея любопытство, и она вытащила книжку, очевидно намѣренно спрятанную за болѣе громоздкой. Она прежде заинтересовалась обложкой, на которой красной краской былъ нарисованъ гербъ Пресвятой Дѣвы Маріи, два скрещенныхъ треугольника и гвозди съ креста Іисуса, или три прямыхъ линіи и три скрещенныхъ. Затѣмъ открыла она книжку и прочла слѣдующія слова, написанныя чернилами: «Книга черной магіи или Клирианусъ—тайна толкованій, примѣтъ, чаръ и вѣрное и краткое истолкованіе поѣздокъ въ Блокебергъ и на гору Троль, въ коемъ ясно описано, какъ Ботиль изъ Линденберга былъ введенъ въ Блокебергъ и что онъ тамъ увидѣлъ и услышалъ».

Текла остолбенѣла и могла только поставить на прежнее мѣсто большую, вынутую ею книгу; маленькую же она

держала въ рукахъ и не сводила глазъ съ исписанныхъ страницъ. Неожиданность была слишкомъ велика, кровь хлынула ей въ голову, и она съ трудомъ могла читать. Съ книгой въ рукахъ опустилась она въ большое кресло и обвела глазами всѣ полки, стараясь ни о чемъ не думать, чтобы успокоиться и прійти въ себя. Однако одна мысль все же неудержимо вылилась изъ ея воображенія и заглушила всѣ остальные, рождающіяся въ ея мозгу. Почему могла она угадать, что эта книжка скрыта была за той, большой? И почему среди сотенъ другихъ книгъ, рука ея направилась именно къ ней?

Тутъ начало работать воображеніе, и она представила себѣ, что ей данъ даръ пророчества, котораго не имѣютъ обыкновенные люди. Она вспомнила объ удивительной способности привлечь къ себѣ именно того молодого человѣка, котораго она намѣтила; вспоминала, какъ ужасное желаніе отдѣлаться отъ матери, исполнилось, какъ разъ во время; вспомнила о счастливой случайности, приведшей ее на мостъ Блазигольмъ къ колдунѣ, когда она спасла жизнь Эббѣ—сомнѣнья нѣтъ, она принадлежитъ къ избраннымъ, къ лицамъ, одареннымъ двойнымъ зрѣніемъ, и находится подъ вліяніемъ высшей власти. Но какой именно?

Она опустила глаза на книгу, снова испугалась и вскочила, чтобы поставить книгу на мѣсто. Но вдругъ оказалось, что она никакъ не можетъ найти книгу въ темномъ переплетѣ, съ металлическими застежками. Она была вполнѣ увѣрена, что она стояла вотъ здѣсь, на полкѣ, но теперь тамъ была другая книга. Или то была не та полка? Нѣтъ, нѣтъ, именно эта полка.

Вдругъ въ сосѣдней залѣ раздались шаги и, не зная, куда ей поставить опасную книжку, она сунула ее себѣ въ карманъ, въ ту самую минуту, какъ въ бібліотеку вошла Эбба.

Съ сіяющими глазами и яркимъ румянцемъ на лицѣ подошла Эбба къ пріятельницѣ, поцѣловала ее въ лобъ и справилась о состояніи ея здоровья. Замѣтивъ ея блѣдность и возбужденность, она предложила идти вмѣстѣ въ купальню и освѣжиться.

Взявъ съ собою простыни, гребни и губки, пошли обѣ пріятельницы черезъ паркъ къ берегу. Теклѣ было трудно начать какой-нибудь разговоръ, такъ она боялась выдать тайну; страшная книга жгла ее; наконецъ Эббѣ стало тягостно молчаніе; она остановилась, положила руки на плечи пріятельницы и спросила самымъ откровеннымъ образомъ:

— Угадай, гдѣ я сегодня была?

Текла еще больше поблѣднѣла.

— Нѣтъ, моя милая, какъ я могу это угадать,—сказала она, не понимая, была ли она замѣчена у хижины, или нѣтъ.

— Ну, такъ я не скажу!—заявила Эбба.

— Скажи, милая.

Эбба задумалась.

— Только потомъ будутъ мнѣ отъ этого непріятности,—прошептала она сама себѣ сквозь зубы и прыгнула на мостки купальни.

Придя въ роскошно отдѣланную купальню, уставленную бамбуковой мебелью, онѣ стали раздѣваться.

Несмотря на то, что женщина, говорятъ, рѣдко понимаетъ женскую красоту, Текла не могла не любоваться поразительной фігурой Эббы. Ея глазамъ представилась маленькая, розоватая ножка, мягкая и гибкая, какъ дѣтская рука, съ круглыми, бѣлыми, какъ перламутръ, ногтями, безъ малѣйшей морщины или затвердѣнія; увлеченная этой красотой человѣческаго тѣла, она невольно склонилась къ полу и, страдая отъ мысли, что она этимъ про-

явить свое низменное происхождение, она поцѣловала маленькую ногу.

— Что ты дѣлаешь, сумасшедшая!—воскликнула Эбба.

— Я цѣлую ногу моего ангела!—отвѣтила Текла съ ноткой истинной привязанности и принялась снова одѣваться.

— Но развѣ ты не хочешь купаться?

— Нѣтъ,—отвѣчала Текла,—я боюсь холодной воды.

Въ дѣйствительности же она не хотѣла обнажить свое тѣло въ присутствіи пріятельницы, такъ какъ она хорошо знала, насколько, вслѣдствіе работы, плохой обуви и неряшливости, грубы ея ноги.

Эбба стояла вся обнаженная на ступенькахъ купальни, скрестивъ руки на грудь.

Вдругъ, перенесшись воспоминаніями къ подобному же положенію, она крикнула, бросаясь въ воду:

— Ну посмотримъ, не колдунья ли я?

Прозрачная вода раздѣлилась и сомкнулась надъ ослѣпительно бѣлымъ тѣломъ; коричневые волосы растрепались надъ волнами, подобно пучку сорванныхъ водорослей. Она легла на спину и держалась на водѣ, какъ щепка.

У Теклы сердце сжалось; ей казалось, что снова повторяется сцена на мосту, и это впечатлѣніе усилило предшествующія ощущенія.

Но видя эту молодую дѣвушку во всей великолѣпной красотѣ ея наготы, эту тихую улыбку, этотъ чистый взоръ, направленный съ поверхности воды прямо къ голубому Божьему небу, она не могла не спросить себя, можетъ ли походить на это испорченный человѣкъ, предавшійся злему духу?

— Ты видишь, что я колдунья!—крикнула Эбба, лежа на спинѣ, еле замѣтно двигая по водѣ рукой.

Тучка закрыла въ это мгновеніе солнце, и тонкое бѣлое тѣло въ бассейнѣ стало мертвенно блѣдное въ зеленоватой водѣ. Высоко надъ купальней рѣзко крикнула птица. Въ это же мгновеніе раздался звонокъ къ завтраку. Текла уже давно была напугана, но теперь зловѣщія примѣты и предсказанія еще больше взволновали ее и, не помня себя отъ ужаса, она громко начала читать молитву къ Иисусу Христу.

Испуганная Эбба поторопилась выйти изъ воды къ пріятельницѣ, предполагая, что съ той дѣлается дурно.

* * *

Настало утро, и Робертъ Клементъ приказалъ отворить окна лавки и вывѣсить объявленіе, гласившее, что здѣсь продаются всѣ сорта винъ, начиная съ рейнскаго и Аликанта и кончая Мумъ и шампанскимъ. Будучи уже цѣлыхъ двѣ недѣли соломеннымъ вдовцомъ, онъ находился въ необыкновенно дурномъ расположеніи духа, тѣмъ болѣе, что на ласковое письмо, посланное имъ недѣлю тому назадъ, онъ получилъ лишь церемонный, почти наставительный отвѣтъ, раздражившій его сначала. Когда же улеглось раздраженіе, настала тоска, подѣйствовавшая на его душевное настроеніе: онъ то ругался и чуть ли не скрежеталъ зубами, то вздыхалъ и плакалъ, какъ женщина. Каждый день относилъ онъ на почту ласковое, нѣжное посланіе и получилъ только разъ отвѣтъ, притомъ такого сорта, что онъ съ утра, не смотря на свойственную ему трезвость, выпилъ стаканъ шампанскаго, что не успокоило его, а, напротивъ усилило его слезливое и раздраженное настроеніе.

Робертъ Клементъ могъ безъ сомнѣнія считаться красивымъ молодымъ человѣкомъ и казался интереснымъ въ

глазахъ дочери привратницы, но онъ былъ прежде всего купцомъ, торгашемъ до мозга костей. Если онъ женился и обзавелся хозяйствомъ, то это было несомнѣнно сдѣлано съ надеждой, что ему воздается за его даяніе, т. е. что у него за это будетъ собственная жена и свой домъ. Вышло же, что послѣ весьма кратковременнаго счастья, домъ его снова опустѣлъ и жизнь приняла тотъ-же унылый оттѣнокъ, какъ въ прошлыя времена его холостого положенія. Оди-ноко онъ сидѣлъ за столомъ по возвращеніи изъ лавки, одиноко лежалъ въ постели, одиноко бродилъ по воскресеньямъ. Его недовольство, слѣдовательно, все росло; уставъ просить, онъ рѣшился требовать возвращенія жены домой и получилъ на это отвѣтъ. Полученное накануне письмо, которое онъ все еще носилъ въ карманѣ, очень длинное такъ мало походило на жену, какую она была до ея отъ-ѣзда, что онъ боялся, какъ бы они не оказались совсѣмъ чужими, когда встрѣтятся. Она въ письмѣ своемъ стала на самую высокую точку зрѣнія, какую только можно себѣ представить, напоминала ученіе пастора въ церкви о томъ, что передъ Богомъ, но не передъ свѣтомъ, всѣ люди равны, коснулась соединенія душъ на небѣ и сочетанія тѣлеснаго на землѣ и, въ концѣ концовъ, она четыре страницы посвятила любви Эббы и барона Магнуса, описывая въ самыхъ яркихъ краскахъ его привлекательную внѣшность и душев-ныя свойства, не упустивъ и упомянуть объ участіи, кото-рое она принимала въ радостяхъ и огорченіяхъ влюблен-ныхъ.

Это послѣднее всего больше взволновало Роберта и внушило ему большое беспокойство за благополучіе его семейнаго счастья, такъ что ему прямо стало необходимо съ кѣмъ-нибудь объ этомъ по душѣ переговорить. Хотя онъ въ первое же время постарался доказать тѣстю, что

онъ бракомъ сочетался не съ нимъ вовсе, а что почтитель предложениемъ только его дочь, однако тотъ не прекращалъ своихъ посѣщеній къ дочери, выбирая лишь тѣ часы, когда, за отсутствиемъ мужа, легче чувствовалось старику. Теперь же, когда дочь уѣхала, старикъ не показывался, и Роберту, желавшему съ нимъ переговорить, было даже очень трудно его отыскать. Наконецъ, разсылному при лавкѣ удалось его разыскать, и старикъ обѣщался зайти въ лавку, гдѣ ожидалъ его Робертъ.

Войдя въ лавку, тестъ показался Роберту весьма опустившимся; поздоровавшись, онъ грузно усѣлся на стулъ возлѣ прилавка.

— Да, тещюшка,—началъ Робертъ, послѣ того какъ налилъ и предложилъ гостю стаканъ аликанта,—дѣло въ томъ... что Текла...

— Что мнѣ за дѣло до Теклы? Ты на ней женатъ, а не я, и послѣ того, что между нами произошло...

— Да, я это знаю,—перебилъ Робертъ.—Но тутъ совсѣмъ особый случай, и только вмѣшательство родительской власти въ силахъ вернуть домой жену, забывающую свой долгъ.

Старикъ выпилъ залпомъ полъ стакана вина, вытеръ себѣ ротъ и видимо сталъ сговорчивѣе.

— Такъ, значитъ она не хочетъ возвращаться? Стала благородной—о да! такую она была и раньше. Въ такомъ случаѣ, я согласенъ итти за ней.

— Если вы это сдѣлаете, тещюшка, то совершите доброе дѣло; я не скоро забуду.

— Пойду сію же минуту—отвѣтилъ старикъ,—если ты дашь мнѣ денегъ на дорогу. Двѣ съ половиной мили въ одинъ день пройду. И если я не справлюсь съ плутовкой, то ты можешь меня обругать старымъ горшкомъ.—А хорошее у тебя вино, право!

Робертъ не хотѣлъ излишними словами дать остыть огню въ старикѣ, напротивъ онъ разжегъ его вторымъ стаканомъ Аликанта и нѣсколькими блестящими талерами и пожелалъ ему добраго пути.

Старикъ взялъ въ руки свою палку, осушилъ стаканъ до послѣдняго глотка, пожалъ Роберту руку и вышелъ.

* * *

Въ одинъ прелестный вечеръ, когда солнце садилось за шхерами, Текла сидѣла въ гротѣ возлѣ пруда и наблюдала за тѣмъ, какъ бѣлыя чайки летали и налету окунались въ зеркальную поверхность воды, отражавшей розоватое вечернее небо. Видно было, что тяжело ей на душѣ; нога безпрестанно ударялась о песокъ; будто она хотѣла кого то раздавить; это доказывало ея внутреннее безпокойство.

За послѣдніе дни ничего заслуживающаго вниманія въ замкѣ не произошло, но полное бездѣліе давало Теклѣ возможность обдумать свое положеніе, и въ полной тишинѣ, когда улеглось восторженное впечатлѣніе первыхъ дней, она стала примѣчать многое такое, на что раньше не обращала вниманія. Она замѣтила между прочимъ, что Эбба стала съ нею менѣе любезна, а что баронъ Магнусъ сталъ болѣе настойчиво и неотступно оказывать ей всячески любезности, что слуги открыто стали выказывать ей нерасположеніе и иногда даже позволяли себѣ непочтительныя выраженія по ея адресу.

Принявъ все вмѣстѣ взятое во вниманіе, она пришла къ заключенію, что пробыла въ замкѣ уже слишкомъ долго. Однако, когда она еще наканунѣ заговорила о своемъ рѣшеніи уѣхать, Эбба клялась ей, что она не можетъ быть въ тягость, и настойчиво просила ее еще отложить отъѣздъ.

Теперь, думая о томъ, что она почувствовала въ то мгновеніе, когда рѣшилась уѣхать, въ ея воображеніи предсталъ образъ молодого барона Магнуса. Онъ же глядѣлъ на нее глазами, которые приковывали ее къ нему; она чувствовала свою внутреннюю связь съ нимъ, чувствовала, какъ была пропитана его духомъ. Она знала, такъ ей казалось, что въ день, когда она больше не увидитъ его, она умретъ. Всѣ остальные мысли о возможности видѣть его всегда, о послѣдствіяхъ ея любви, если она обнаружится, о недовольствѣ Эббы, о мести мужа и о законномъ преслѣдованіи, ничто не могло осилить единственнаго чувства любви къ нему.

За весь этотъ день она ни разу съ нимъ не встрѣтилась наединѣ, и ею овладѣла такая жажда его увидѣть, что она, считая, что отъ ея лишь желанія зависитъ притянуть его къ себѣ, упорно стала смотрѣть въ одну точку въ концѣ липовой аллеи, глаза широко раскрылись, зрачки то расширялись, то сокращались, какъ будто она вдали ловила какой-то предметъ, подобно морскимъ медузамъ, втягивающимъ въ себя свои жертвы съ помощью судорожныхъ движеній своего круглаго тѣла, лицо ея стало блѣдное, безжизненное, и она долго простояла такъ, напрягая всѣ мускулы тѣла. Вдругъ она подняла руку и начала тихо манить отсутствующаго; затѣмъ приподняла и вторую руку, и обѣ руки, казалось, тянули невидимыя возжи; губы шептали тихую молитву или заклинаніе. И вотъ вдали, гдѣ послѣдніе лучи солнца свѣтились сквозь листву липовыхъ деревьевъ, показалась стройная фигура молодого человѣка. Улыбка торжества осѣнила лицо молодой женщины, и въ эту минуту она объяснила появленіе Роберта не дѣломъ случая, а результатомъ своей воли, особой силы дарованной ей Провидѣніемъ.

Еще мгновение, и юноша лежалъ въ объятіяхъ любимой женщины; она покрывала его поцѣлуями и почти насильно повлекла его въ гротъ.

Вдругъ по близости раздались быстрые шаги, и у входа въ гротъ появилась Эбба въ амазонкѣ и съ хлыстомъ въ рукѣ.

— Уличная дѣвка! обманщица!—крикнула она Теклѣ въ порывѣ ревности и попранной гордости.—На! получи!

И по разгоряченному лицу Теклы хлеснулъ хлысть.

— Ты спасла мою жизнь отъ опасности, это не требовало геройства, а я, какъ могла, отблагодарила тебя, давъ тебѣ мѣсто въ моемъ сердцѣ и въ домѣ. Ты же похищаешь у меня единственное, что мнѣ дорого, не смотря даже на то, что у тебя самой есть мужъ и свой домъ! Какъ ты однажды выгнала изъ дома отца, которому ты обязана жизнью, такъ теперь я хлыстомъ выгоняю тебя! Вонъ! вонъ! вонъ! грязное существо! за твою услугу тебя слѣдовало просто отблагодарить деньгами: ихъ ты, пожалуй, сумѣла бы лучше оцѣнить, чѣмъ мою дружбу.

Она гнала передъ собой Теклу черезъ паркъ, черезъ дворъ, гдѣ собрались лакеи и смотрѣли съ любопытствомъ на неожиданное происшествіе, и все время провожала ее оскорбительными словами, вызванными злобой и ревностью; опозоренная Текла шла, покорно опустивъ голову; казалось, что нанесенныя ей оскорбленія дѣйствуютъ успокоительно на больную совѣсть.

Когда же ее вытолкали за ворота и тяжелая дверь хлопнулась за ней, изъ горя ли о потери того, чего она здѣсь лишилась, изъ ужаса ли передъ мыслью объ ожидавшемъ ее пріемѣ дома, къ ней сразу вернулось сознание: обернувшись лицомъ къ непріятелю и поднявъ сжатую въ кулакъ руку, она крикнула глухимъ голосомъ:—Горе этому дому! и проклятіе на твою голову!

Въ эту самую минуту отворилось въ помѣщеніи сторожа замка, надъ воротами, окно и изъ него кто-то выплеснуль по направленію взбѣшенной женщины ведро помоевъ; она обезумѣвъ бросилась бѣгомъ въ лѣсъ. Шляпа свалилась съ ея головы, и она не дала себѣ труда поправить ее; ноги ударялись о камни и корни и, перескакивая черезъ кочки, она упала руками впередъ на необсохшее послѣ дождя мѣсто. Наконецъ достигла она забора, и поднявъ одной рукой платье, взобралась на него и только что собиралась перешагнуть на другую сторону, какъ въ молодомъ ельникѣ раздался знакомый ей голосъ. Но въ эту минуту онъ показался ей чужимъ, потому что она такъ давно его не слышала.

— Ты, кажется, сидишь на заборѣ, какъ на деревянномъ конѣ.

Ничье присутствіе не могло быть въ данную минуту менѣе желательнымъ для впавшей въ отчаяніе женщины, какъ присутствіе отца, котораго она недавно выгнала изъ дома и который теперь, стоя за заборомъ, готовъ былъ принять отверженную въ свои объятія. Ей показалось, что опять сверхъестественная злая сила, которую она готова была назвать рокомъ или діаволомъ, послала къ ней навстрѣчу старика, чтобы ее поймать, опять втянуть въ темное прошлое, надсмѣяться надъ ея несчастьемъ и изъ мѣсти ее терзать, душить костлявыми руками... и дѣйствительно, онъ обнялъ ея дрожащее тѣло и она почувствовала запахъ табаку и водки изъ его рта, прижавшагося къ ея щекѣ.

Не отвѣчая на его слова, вырвалась она изъ его объятій и стремглавъ убѣжала въ глубь лѣса.

* * *

Наступилъ вечеръ. Съ моря поднялся сильный туманъ, покрылъ поле и распространился и въ лѣсу, гдѣ уничто-

жилъ всякое очертаніе, всякій цвѣтъ и свѣтъ. Текла однако не останавливаясь шла впередъ, раздирая платье о колючія вѣтки, растрепывая волосы, разбивая ноги о корни и камни.

Но она шла быстро впередъ, и внутренній огонь предохранялъ ее отъ ночной стужи; одно страстное чувство придавало силы разбитому тѣлу: мысль о мщеніи той, которая лишила ее рая и вернула къ униженію и позору.

Темнота все болѣе сгущалась; пѣвчія птицы замолкли въ лѣсу, и дорога становилась все тяжелѣй. Наконецъ, она почувствовала, что земля проваливается подъ ней, ноги вымокли и она спотыкалась на каждомъ шагу, пока не остановилась, уцѣпившись за стволъ дерева. Кровь билась въ вискахъ, голова кружилась и, казалось, хотѣла лопнуть отъ всѣхъ злыхъ мыслей, накопившихся въ ней съ дѣтства. Она кляла Бога, кляла мать и отца, призывала чорта, просила его быть ея защитникомъ противъ Неба, скрывшаго отъ нея свѣтъ только, чтобы ввергнуть въ тьму. Укрѣпленная сознаниемъ, что есть кто-то, кому ей молиться, у кого просить помощи и который тоже однажды на утрѣ временъ былъ прогнанъ съ неба, она продолжала путь... и нога ступила на сухую, довольно ровную тропинку. Она была услышана, рѣшила она, и чувствовала себя подъ охраной высшей власти, все равно какой; она чувствовала, что невидимая рука ведетъ ее, побѣждала по тропинкѣ не спотыкаясь и, наконецъ, перепрыгнувъ черезъ канавку, очутилась на большой проѣзжей дорогѣ.

* * *

Она шла всю ночь по проѣзжей дорогѣ, не зная, куда она ведетъ. Когда засвѣтилась заря и поблѣднѣли звѣзды, она увидѣла направо отъ дороги вырубленную въ лѣсу

прогалину, на которой возвышались подмости, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ на ярмаркахъ упражняются бродячіе комедіанты. На подмостѣ возвышали столбы, висѣли палатки, вѣроятно изображающія занавѣсь, а посреди помоста стоялъ алтарь, какъ тотъ, на которомъ была принесена въ жертву богамъ Ифигенія; передъ самымъ алтаремъ былъ виденъ люкъ; вѣроятно черезъ него комедіанты уходили въ преисподнію.

Она взобралась по ступенькамъ, рѣшивъ отдохнуть и посушить на солнцѣ платье и обувь.

Поднявшись на подмости и воображая себѣ сотни зрителей, сидящихъ на полянкѣ, она испытала зависть, которую она всегда испытывала ко всякимъ актерамъ. Себя показывать, возвыситься надъ тьмой, почувствовать на себѣ одной взгляды этихъ людей, забывающихъ въ эту минуту самихъ себя — вотъ жизнь! Какое наслажденіе надѣлать другихъ своей силой, вливать въ нихъ свои чувства!

Она ходила взадъ и впередъ по подмосткамъ, подымала руки къ небу, говорила наизусть все, что ей въ голову приходило и, наконецъ, сѣла на алтарь. Но ощутивъ руки на этотъ алтарь, она почувствовала что-то липкое, замѣтила что-то жирное, темно-коричневое и вдругъ увидѣла въ этомъ жирномъ прилипшіе женскіе волосы.

Она вскочила въ ужасъ и не узнала своего голоса, когда крикнула: Господи Іисусе!

Она поняла, что находится на мѣстѣ казни. Когда же отвращеніе улеглось, пробудилось любопытство. Необычное, страшное притягивало ее, и она стала осматривать всѣ приспособленія. Она опустила саванъ, въ которомъ было уже казнено не мало преступниковъ, надѣла себѣ на шею петлю и затянувъ ее на половину, почувствовала подергиваніе въ ногахъ. Взглянувъ со своего мѣста на лужайку, она представила себѣ толпу зрителей. Ея воспоминанія верну-

лись невольно къ тому дню, когда она на мосту Блазигольмъ залюбовалась фѣзической красотой колдуньи. Какъ хорошо такъ кончить жизнь и въ особенности теперь, когда она ей ничего уже не сулила, кромѣ ужаса быть медленно замученной мужемъ, котораго она отъ себя отстранила и который запретъ ее, будетъ за ней слѣдить, пока она, наконецъ, не сляжетъ въ постель и не умретъ безъ помощи и сожалѣнія. Да! она желала умереть, но сначала отомстить и въ смерти потянуть за собой ту, которую она всей силой своей души ненавидѣла.

Увѣренная въ побѣдѣ и какъ бы спасенная отъ зла, которое хуже самой смерти, отъ мученической жизни, спустилась она съ эшафота и опять пошла по проѣзжей дорогѣ. Съ высоко поднятой головой, съ огнемъ во взорѣ, шла она твердой поступью къ городскимъ воротамъ; утреннее солнце тѣмъ временемъ уже освѣщало колокольни церковей Маріи и Катерины, возвышающихся надъ пригородомъ съ южной стороны. Объ одномъ она лишь думала, что скоро весь этотъ городъ отъ дворца и до хижины услышитъ ея имя, узнаетъ, что она пріятельница дочери графа фонъ-Шлиппенбаха и что онѣ находятся въ связи съ духами, ставшими особенно сильными за послѣднее время.

* * *

Въ одномъ изъ старинныхъ домовъ Риттергольма, прежде принадлежавшихъ францисканскому монастырю возсѣдала послѣ почти двухлѣтняго бездѣйствія комиссія по разслѣдованію колдовства. Половина изъ двѣнадцати членовъ комиссіи состояла изъ священниковъ, другая — изъ врачей. Возгорѣлся споръ между поборниками религіознаго суевѣрія и послѣдователями новаго ученія, которые, будучи учениками великаго мыслителя того времени, Картезіуса, отно-

сились весьма подозрительно ко всѣмъ субъектамъ, представленнымъ на разсмотрѣніе комиссіи, и производили о каждомъ новомъ случаѣ самыя тщательныя разслѣдованія. Много было казнено, такъ называемыхъ, колдуній, пока не пришли къ заключенію, что должно было что-то скрываться за этими явленіями, тѣмъ болѣе, что эти преступницы страннаго рода сами себя выдавали, хотя хорошо знали, что именно ихъ ожидаетъ. Возбудилъ подозрѣніе и тотъ фактъ, что обыкновенно выдающая себя за колдунью тянула за собою другую, которая, какъ было доказано, всегда находилась въ болѣе или менѣе непріязненныхъ отношеніяхъ съ выдавшей ее. Эти оговоренныя соучастницы никогда не сознавались въ проступкѣ, тогда какъ выдавшія ихъ шли насмерть бодро и съ радостью. Весной была задержана колдунья (намъ извѣстная), которая въ цѣляхъ мести все солгала, и послѣ тщательнаго разслѣдованія было доказано, что она, какъ и всѣ колдуны послѣднихъ лѣтъ, дѣйствовала по одному и тому же образцу, имѣя приблизительно одну и ту же цѣль.

— Я пришелъ къ заключенію,—началъ послѣ безконечныхъ споровъ и дебатовъ докторъ Гіарне,—что такъ называемыя колдуны могутъ быть раздѣлены на три группы: сознательныя обманщицы, несознательныя и...

— *Certium non datur!*—прервалъ его настоятель собора Нореусъ.

— Нѣтъ, отецъ настоятель, есть третья группа и даже четвертая, пятая, шестая и такъ далѣе. Такъ учить насъ новая логика: эта ткань не должна быть зеленой или красной; она можетъ быть синей, желтой, бѣлой или черной; она можетъ быть въ одно время и красной и зеленой, синевато-желтой, красновато-синей и такъ далѣе! Что же касается настоящаго казуса интересующей насъ Теклы

Клементъ, что послѣ произведенныхъ мною за послѣднюю недѣлю изслѣдованій на мѣстахъ мнѣ кажется, что ея мотивы мнѣ ясны. Поэтому я ходатайствую о прочтеніи протокола перваго допроса и разберу его по пунктамъ.

Секретарю Койсту было предложено прочесть протоколъ, и онъ прочелъ слѣдующее:

«Во вторникъ, 23 сего мѣсяца, явилась передъ комиссіей Текла Клементъ, рожденная Дегенеръ, и заявила, будучи въ состояніи похожемъ на нѣкоторое помѣшательство, что во время сна она была увезена на Блоксбергъ дѣвицей Эббой фонъ-Шлиппенбахъ, которую она считаетъ колдуньей и которая на основаніи нижеприведенныхъ фактовъ, по ея мнѣнію, находится въ связи съ діаволомъ:

1. Названная фонъ-Шлиппенбахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нѣмецкой церкви, когда обѣ будучи дѣвочками готовились къ конфирмаціи, такъ приворожила ее взглядами, что съ тѣхъ поръ Текла Дегенеръ находилась въ ея власти, такъ что стоило ей пожелать, и она могла ее увидѣть. Однажды на улицѣ Свіалагордъ она ясно видѣла ее, когда никого, однако, на улицѣ не было.

2. Позднѣе та же Эбба заманила обвиняемую на мостъ Блазигольмъ, гдѣ должны были бросить въ воду колдунью, и когда Эбба, желая испытать свои собственныя чары, бросилась въ море, то не шла ко дну, пока обвиняемая, желая спасти ее отъ подозрѣнія, не вытащила ее изъ воды. Сама же она была одурманена, вѣроятно, какимъ-нибудь таинственнымъ способомъ, и пришла въ себя лишь тогда, когда ее положили въ дворцѣ графа въ постель дѣвицы Эббы.

3. Въ тотъ же вечеръ Эбба прислала въ домъ обвиняемой корзину съ фруктами, вкусивъ которыхъ, обвиняемая почувствовала себя подъ влияніемъ чаръ, увлекшихъ ее въ шхеры, гдѣ Эбба ее скрывала. Въ это же время названная

Эбба вступила въ преступную связь съ нѣкимъ барономъ Магнусомъ, который, пользуясь отсутствіемъ графа, вошелъ въ домъ переодѣтый пажемъ.

4. Обвиняемая однажды послѣдовала за Эббой въ лѣсъ и тамъ настигла ее у колдуньи, вокругъ хижины которой она видѣла чорта въ образѣ черной кошки.

5. Послѣ посѣщенія колдуньи, во время купанья, обвиняемая замѣтила, что Эбба, какъ бы для того, чтобы показать, кто она, бросилась въ воду и держалась на поверхности воды, несмотря на то, что шнуркомъ перевязала себѣ грудь; при этомъ обвиняемая замѣтила, что солнце закрылось тучей, и въ то же мгновеніе бѣлая ворона спорхнула съ крикомъ съ того мѣста.

6. Обвиняемая, несмотря на неоднократныя просьбы быть отпущенной къ мужу, была силою удержана въ замкѣ, но наконецъ, убѣдившись въ возмутительномъ поведеніи упомянутой Эббы и барона Магнуса, она рѣшилась во что бы то ни стало уйти и бѣжала.

7. Послѣ проведенной ночи въ лѣсу, Эбба завела обвиняемую во снѣ къ Блоксбергу, и тамъ она увидѣла діавола, сидѣвшаго на тронѣ, передъ которымъ упала ницъ Эбба, послѣ чего послѣдняя начала готовить воду, начиняла колбасу, жгла водку, а подъ конецъ, снявъ съ себя всякую одежду, танцевала, причемъ діаволь въ это время игралъ хвостомъ подъ столомъ.

8. Обвиняемая затѣмъ проснулась на мѣстѣ казни и узнала на плахѣ пряди волосъ Эббы, приклеенные такого рода смолой, какъ бываетъ у колдуній въ ихъ рогахъ.

Datum ut supra.

*Андреасъ Койстъ,
Секретарь комиссіи.*

По окончаніи чтенія наступило молчаніе. Никто не интересовался уже личнымъ допросомъ и явкой обвиняемой, у всѣхъ явилась настойчивая потребность того, чтобы была разсѣяна неизвѣстность. Слово осталось за докторомъ Гіарне.

«Милостивые государи!—началь онъ.—Позвольте дать нѣкоторое разъясненіе тексту допроса, прочитаннаго господиномъ секретаремъ и являющагося болѣе плодомъ больной фантазій, чѣмъ преступной воли. Основываясь на произведенномъ мною дознаніи, Текла была (по свидѣтельству восьми лицъ) дѣвочкой, если не больной, то болѣзненной, лѣнивой, злобной и, главнымъ образомъ, завидующей всѣмъ, кто стоялъ сколько нибудь выше ея; причемъ надо добавить, что въ ней не было никакихъ особыхъ дарованій, которыя могли бы дать ей право стать выше ея среды. По словамъ мужа, теперъ вслѣдствіе невѣрности жены подавшаго прошеніе о разводѣ, она преслѣдовала его своими взглядами, хотя онъ отнюдь не желаетъ намекать на какую нибудь съ ея стороны таинственную сверхъестественную силу. Только ея настойчивость, говоритъ мужъ, доходящая до преслѣдованій на улицѣ, была причиной ихъ брака. Это показаніе я могъ бы пропустить, ибо не вижу въ немъ важнаго доказательства, и привожу его только мимоходомъ, чтобы показать удивительную способность обвиняемой придать дѣйствительности удобную для ея цѣлей окраску.

Дальше значитъ въ протоколѣ, что дѣвица Эбба заманила обвиняемую глядѣть на колдунью. Въ дѣйствительности же (это показано шестью свидѣтелями и совпадаетъ съ прежними рассказами обвиняемой) Текла Клементъ втянула Эббу въ кольцо стражниковъ, что могла сдѣлать только она, такъ какъ, благодаря отцу, она была со страж-

никами знакома. Когда же потомъ Эббу столкнули въ воду (двадцать свидѣтелей, имена которыхъ могутъ потомъ быть оглашены), она пошла бы ко дну, если бы не вытянула ее Текла Клементъ на поверхность воды; послѣдняя подъ вліяніемъ испуга лишилась чувствъ и была перенесена въ домъ графа, гдѣ и пришла въ себя. Чтобы сейчасъ же сколько нибудь доказать свою благодарность графъ послалъ въ этотъ же вечеръ Теклѣ Клементъ, безъ вѣдома дочери, корзину съ фруктами, которые пробовали всѣ гости, собранные въ честь дня рожденія Теклы, кромѣ ея самой, такъ какъ у нея въ это время болѣлъ желудокъ; никто изъ вкусившихъ плодовъ не былъ ими очарованъ, тѣмъ болѣе не могла этого на себѣ испытать сама Текла Клементъ.

Дальше, все изъ благодарности, графъ пригласилъ Теклу Клементъ въ свое имѣніе на нѣсколько дней; по недостатку деликатности Текла Клементъ удлинила это посѣщеніе, Эбба же съ самаго начала была противъ этого приглашенія, такъ какъ желала ближе познакомиться съ еще необъявленнымъ женихомъ, котораго завлекла обвиняемая, если не до грѣхопаденія, то все же довела до духовной невѣрности невѣстѣ.

Въ душевномъ горѣ посѣтила Эбба свою старую кормилицу въ ея хижинѣ, въ лѣсу, и ей открыла свое сердце. Появленіе же въ протоколѣ черной кошки этой старухи—просто на просто смѣшно.

Случай въ купальнѣ имѣлъ, я не могу этого умолчать, свидѣтеля (да простится ему ради его юности), удостоверяющаго кажущееся плаваніе Эббы надъ водой, причемъ она ногами опералась о полъ купальни. Что же касается до лежанія ея на поверхности воды на спинѣ, то это дѣлаютъ многіе, въ особенности при здоровыхъ легкихъ.

Въ письмахъ къ мужу госпожа Клементъ не скрывала своего нежеланія вернуться домой, приче́мъ она въ письмахъ постоянно упоминала не о объ Эббѣ, а о баронѣ Магнусѣ.

Дальнѣйшія событія подтверждены показаніями лакеевъ и горничныхъ графа. Эбба застигла Теклу Клементъ на- сильно бросившейся на шею барона, который никакъ не могъ отъ нея отдѣлаться. Тогда она была съ позоромъ прогнана со двора.

Что она дѣлала въ лѣсу, куда ее будто бы увлекла Эбба, никто не знаетъ. Но что въ эту ночь было съ дѣвицей Эббой, знаютъ врачъ, духовникъ и горничныя, не отходившіе отъ ея постели, такъ какъ она слегла, потрясенная всѣмъ случившимся.

Что же наконецъ Текла Клементъ дѣлала на мѣстѣ казней видѣли двѣ проходившія женщины, но это для дѣла значеніе не имѣетъ, также какъ и волосы недавно казненной Бенгты Боге.

Но есть обстоятельство большой важности, о которомъ забыла упомянуть госпожа Клементъ, но которое поможетъ комиссіи понять, почему всѣ розказни о колдуньяхъ сходятся на описаніи посѣщеній діавола. Госпожа Клементъ на мѣстѣ казней потеряла книжку о чародѣйствѣ, которую она похитила въ библіотекѣ въ Сандемарѣ и въ которой дословно описанъ весь розказъ о посѣщеніи Блоксберга».

При этомъ докторъ вынулъ изъ кармана книжку, которую Текла легко бы узнала.

— Замѣтьте, — продолжалъ онъ, — слѣдующія слова: «начиняла колбасу», «жгла водку», «а діаволь въ это время игралъ хвостомъ подъ столомъ». Нужны ли еще другія показанія? Я спрашиваю комиссію, нужны ли еще показанія?»

Поблагодаривъ доктора Гіарне за всестороннее умѣлое разслѣдованіе, комиссія приступила къ составленію приговора.

Настоятель собора былъ того мнѣнія, что нужно было пытаться обвиняемую и такимъ образомъ довести до признанія. Противъ этого горячо спорилъ докторъ Гіарне, во первыхъ, потому, что вынужденное признаніе ничего другого не доказываетъ, кромѣ боязни страданій; во вторыхъ, потому, что доказано, что лица мечтавшія о публичной смерти, способны взять на себя какую угодно вину, тогда какъ другія, и такихъ большинство, до самой смерти стоятъ на лжи, отчасти потому, что они не вполне нормальны и не могутъ отличить ложь отъ истины, отчасти потому, что они такъ долго лгали, что сами увѣрены, что говорятъ правду.

Судья Кронандеръ находилъ, что слѣдуетъ придерживаться закона буквально и присудить ее къ тому же наказанію, которому было бы подвергнуто лицо оговоренное, если бы оговору была бы придана вѣра.

Другой же судья, Кантугелмъ, нашель, что разъ обвиняемая оговаривала дѣвицу Эббу фонъ Шлиппенбахъ въ колдовствѣ и разъ фактъ колдовства вполне отрицается, то и Теклу Клементъ слѣдуетъ считать по суду оправданной.

Тутъ начался споръ, затянувшійся на весьма продолжительное время.

Членъ Комитета Астрелиусъ полагалъ, что госпожу Клементъ, признанную не вполне нормальной, слѣдовало помѣстить въ лечебницу.

Противъ этого возсталъ докторъ Гіарне, объявивъ, что онъ нашель въ обвиняемой не только нѣкоторую умственную ненормальность, но и значительную злобу, и предложилъ

редактировать приговоръ такъ, чтобы онъ былъ и возмездіемъ за злой умыселъ и устрашающимъ примѣромъ для другихъ, склонныхъ злоупотреблять закономъ ради личной мести, и кромѣ того, чтобы, съ другой стороны, обвиняемая была бы лишена возможности мстить дальше. Наказаніемъ отнюдь, по его мнѣнію, не должна быть смерть, такъ какъ госпожа Клементъ, а за ней и многія другія, мечтаютъ о смерти, какъ о способѣ выдвинуться изъ неизвѣстности, и на нихъ смерть бросаетъ ложный ореолъ мученичества. Умѣстна въ данномъ случаѣ только тюрьма съ ея мрачнымъ одиночествомъ и полнымъ отреченіемъ.

Всѣ согласились съ предложеніемъ доктора, и Текла Клементъ была осуждена на десятилѣтнее заключеніе въ рабочій домъ. Для выслушанія приговора она должна была предстать передъ Коммиссіей.

* * *

Текла уже недѣлю была заключена въ башнѣ на Риттергольмѣ, позади Врангельскаго дворца. Она имѣла время обдумать сдѣланное ею показаніе и пришла къ заключенію, что несомнѣнно должна была произвести на судей сильное впечатлѣніе своимъ связнымъ, мѣстами даже трогательнымъ, разговоромъ. Она, сидя въ одиночествѣ, десять разъ въ день передумывала свое показаніе и, въ концѣ концовъ, весь разговоръ такъ живо представился ей воображенію, какъ будто она дѣйствительно все именно такъ пережила. Благодаря одиночеству и отсутствію впечатлѣній, которыхъ не могли ей дать четыре галыхъ стѣны, ей чудились образы, слышались не существующіе звуки. Все прошлое исчезло, и только близкое будущее, когда смерть прекратитъ страданіе, и все сравнивающая могила представлялись ей. Въ томъ, что ненавистная Эбба осуждена и что ее тоже ожидала смерть,

она не сомнѣвалась ни на мгновеніе, и теперь помыслы ея были направлены къ тому мгновенію, когда ее выведутъ изъ тюрьмы и поведутъ къ водѣ.

Утромъ надзиратель предупредилъ ее, что ее поведутъ въ судъ, и принесъ ей тазъ съ водой и полотенце.

Она умылась, причесала волосы и старалась использовать мѣдный тазъ вмѣсто зеркала. Она причесалась и поправила на себѣ одежду, состоящую лишь изъ сорочки и юбки, такъ какъ все остальное, что на ней было, она настолько изорвала и испачкала ночью въ лѣсу, что оно было съ нея снято. Она нашла въ себѣ сходство съ колдуньей съ моста Блазигольмъ, и она не могла удержать улыбки удовольствія, когда она, взглянувъ на свое отраженіе въ мѣдномъ тазу, увидѣла свое блѣдное лицо и распущенные волосы. Поднявъ затѣмъ глаза кверху, гдѣ было маленькое окошко, она замѣтила, что солнце ярко свѣтитъ и подумала, что на улицѣ, вѣроятно, много народу.

Въ эту минуту слышались шаги по корридолу, надзиратель отворилъ тяжелую дверь въ камеру и вошелъ держа въ рукахъ ручные кандалы. Текла надѣла ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія и засучила слегка рукава, чтобы широкія металлическія кольца не вполне скрыли красивую руку.

Затѣмъ ее повели по корридолу, по темной лѣстницѣ и ввели въ большой залъ. Яркое солнце освѣщало цѣлую массу старинныхъ предметовъ, которыхъ она раньше никогда не видала. Какая-то дубовая кукла протягивала страшныя желѣзныя руки къ огромному желѣзному пауку, спускавшемуся съ потолка и висѣвшему надъ жестяной колодкой, сдѣланной какъ будто для какого то сапога. Рядомъ у стѣны стояло что-то похожее на кровать...

Она вдругъ поняла, что находится въ камерѣ пытокъ, и при мысли, что ей суждено испытать всѣ эти мученія ей

показалось, что ее уже пытаются. Она почувствовала желѣзные тиски душившіе ее; «паукъ» спустился на ея голову и вонзился въ ея черепъ; ей грозили страшные щипцы и винты. Съ невѣроятной силой воображенія соединила она въ себѣ въ нѣсколько секундъ ощущенія всѣхъ пытокъ и, не будучи въ силахъ ихъ выдержать, она вдругъ упала; казалось, что всѣ чувствующія нити въ ней сразу оборвались, и она, не проронивъ ни звука, упала.

* * *

Члены Комиссіи были немедленно предупреждены и явились констатировать смерть; причины внезапной смерти объяснить никто не могъ, хотя Doctor medicinae Бромелиусъ замѣтилъ, что затылокъ умершей сведенъ судорогой, изъ чего онъ заключилъ, что смерть послѣдовала отъ истерики.

Молча глядѣлъ докторъ Гіарне на худощавое, но хорошо сложенное тѣло, черезъ бѣлую кожу котораго просвѣчивали кровеносные сосуды. На его суровомъ лицѣ отразилось участіе при видѣ той безконечной тишины, которую наложила теперь смерть на чѣрты лица молодой женщины, принявшія выраженіе невинности, свободное отъ всякихъ страданій и огорченій.

— Одинъ Богъ, видящій человѣческія сердца,—промолвилъ онъ еле слышно,—могъ бы сказать, была ли она преступницей или больной. Это лицо ангела и этотъ ясный лобъ можетъ быть только правдивымъ; но мнѣ случалось слышать лживыхъ ангеловъ, и въ жизни никто не можетъ быть увѣренъ, что не погрѣшитъ неволью противъ правды. Миръ праху твоему! Покойся съ миромъ! Пусть судитъ тебя Богъ и будущее!

Отецъ.

Пер. В. Саблина.

Р О Л И:

Ротмистръ.
Лаура, его жена.
Берта, ихъ дочь.
Д-ръ Эстермаркъ
Пасторъ.
Кормилица.
Нёйдъ.
Денщикъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи, недалеко отъ Стокгольма, въ наше время.

Обстановка. Комната ротмистра. На заднемъ планѣ, справа, дверь. Посреди комнаты большой круглый столъ съ газетами и журналами. Направо кожаный диванъ и передъ нимъ столъ. Въ правомъ углу оклеенная обоями дверь. Налѣво—бюро, часы и дверь въ жилая комнаты. На стѣнахъ оружіе, пистолеты, ягташи. У двери стоячая вѣшалка съ форменной одеждой. На большомъ столѣ горитъ лампа.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

(Ротмистръ и Пасторъ сидятъ на кожаномъ диванѣ. Ротмистръ въ форменномъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ со шпорами. Пасторъ въ черномъ, только галстухъ бѣлый. Онъ куритъ трубку. Ротмистръ звонитъ).

Денщикъ. Что прикажете?

Ротмистръ. Нѣйдь здѣсь?

Денщикъ. Онъ ждетъ въ кухнѣ.

Ротмистръ. Опять въ кухнѣ? Сейчасъ же послать его сюда.

Денщикъ. Слушаю, г. Ротмистръ! (Уходитъ).

Пасторъ. Опять неприятности какія-нибудь?

Ротмистръ. Опять этотъ негодяй устроилъ что-то съ прислугой. Совершенно невозможный человѣкъ.

Пасторъ. Нѣйдь? Въ прошломъ году вѣдь была такая же исторія!

Ротмистръ. Да, да. Помнишь? Скажи ему, ради Бога, что нибудь... по-дружески... Можетъ быть, это подѣйствуетъ! Я съ нимъ и ссорился и билъ его даже, — ничего не помогаетъ.

Пасторъ. И теперь ты рекомендуешь прочитать ему проповѣдь? Неужели ты думаешь, что слово Божіе можетъ повліять на каваллериста?

Ротмистръ. На меня—нѣтъ, какъ тебѣ извѣстно...

Пасторъ. И даже очень хорошо извѣстно.

Ротмистръ. Онъ — другое дѣло! Во всякомъ случаѣ попробовать можно.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ТЪ ЖЕ И НѢИДЪ.

Ротмистръ. Что ты опять устроилъ Нѣйдъ?

Нѣйдъ. Простите, г. Ротмистръ, только при пасторѣ я не могу сказать этого.

Пасторъ. Не стѣсняйся, другъ мой.

Ротмистръ. Признаваться, или—ты отлично знаешь, что тогда будетъ.

Нѣйдъ. Видите, дѣло было такъ: Мы танцевали у Габріэли... вотъ Людвигъ и говоритъ.

Ротмистръ. При чемъ тутъ Людвигъ?... Къ правдѣ поближе!

Нѣйдъ. А Эмма позвола пойти съ ней на гумно.

Ротмистръ. Такъ что собственно Эмма тебя соблазнила?

Нѣйдъ. Да въ родѣ этого. А потомъ, позвольте сказать, — вѣдь если дѣвушка не захочетъ, то ничего и не выйдетъ.

Ротмистръ. Коротко и ясно: Твой это ребенокъ или нѣтъ?

Нѣйдъ. Кто же это можетъ знать?

Ротмистръ. Что? Ты даже не знаешь?

Нѣйдъ. Этого никто никогда не можетъ знать!

Ротмистръ. Развѣ ты... не одинъ былъ?

Нѣйдъ. Тогда—да... А потомъ... развѣ можно знать, одинъ ты былъ или не одинъ...

Ротмистръ. И ты обвиняешь Людвигъ? Ты это хочешь сказать?

Нѣйдъ. Развѣ можно знать, кого собственно надо въ этомъ обвинять?

Ротмистръ. Да, но ты говорилъ Эммѣ, что женишься на ней...

Нѣйдъ. Такъ вѣдь это уже всегда приходится говорить!

Ротмистръ. (Пастору): Это ужасно!

Пасторъ. Старая исторія! Послушай, Нѣйдъ, но вѣдь ты-то самъ долженъ знать,—твой это ребенокъ или нѣтъ!

Нѣйдъ. Да, было у насъ...—это правда... Но вѣдь вы сами, г. Пасторъ, знаете, послѣдствій можетъ и не быть.

Пасторъ. Рѣчь теперь о тебѣ, другъ мой! И ты хочешь бросить дѣвушку съ ребенкомъ? Заставить тебя жениться на ней — нельзя, но позаботиться о ребенкѣ ты долженъ!.. Это твой долгъ.

Нѣйдъ. Но и Людвигъ тоже долженъ!

Ротмистръ. Въ такомъ случаѣ пусть судятся! Я разобратся тутъ не въ состояніи, да и удовольствія никакого нѣтъ! Убирайся!

Пасторъ. Нѣйдъ, еще одно слово! И тебѣ не кажется безчестнымъ бросать такъ дѣвушку съ ребенкомъ? Не кажется? Не думаешь ли ты, что подобный образъ дѣйствія... гм... гм...

Нѣйдъ. Да если бы я зналъ навѣрное, г. Пасторъ, что это мой ребенокъ, но вѣдь этого никогда нельзя знать... А всю жизнь возиться съ чужимъ ребенкомъ, тоже не

очень пріятно. Это вѣдь понятно и вамъ, г. Пасторъ, и г. Ротмистръ тоже понимаетъ.

Ротмистръ. Маршъ!

Нѣйдъ. Да спасетъ васъ Господь, г. Ротмистръ! (Уходитъ).

Ротмистръ. Только смотри, не въ кухню, негодяй!

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

РОТМИСТРЪ И ПАСТОРЪ.

Ротмистръ. Отчего же ты не пробралъ его хо-рошенько?

Пасторъ. Какъ? Развѣ я не отчиталъ его?

Ротмистръ. Сидѣлъ и ворчалъ что-то себѣ въ бороду!

Пасторъ. Да по правдѣ сказать, я не знаю, что и говорить! Жаль дѣвушку, — конечно, но жаль и парня! А представь себѣ, если ребенокъ не отъ него! Дѣвушка можетъ покормить ребенка четыре мѣсяца въ Воспитательномъ домѣ, и ребенокъ устроенъ на всегда, а вѣдь парень кормить его грудью не можетъ! Дѣвушка можетъ поступить впослѣдствіи въ кормилицы на болѣе интересное мѣсто, а его жизнь можетъ быть исковеркана, если его выгонять изъ полка.

Ротмистръ. Да, не хотѣлъ бы я быть судьей и вынести приговоръ по этому дѣлу. Конечно, говорить о полной невинности парня не приходится, но и знать навѣрное тоже нельзя. Но одно очевидно, дѣвка виновата, если ужъ необходимъ виновный.

Пасторъ. Да, да. — Я никого не осуждаю... О чемъ это мы говорили, когда выплыла эта милая исторія?.. Да, о Бергѣ и объ ея конфирмаціи!

Ротмистръ. Собственно не о конфирмаціи, а обо всемъ ея воспитаніи. У насъ весь домъ полонъ женщинъ, которыя всѣ желаютъ воспитывать моего ребенка. Теща желаетъ сдѣлать изъ нея спиритку, Лаура — художницу, гувернантка — методистку, старая Маргретъ — баптистку, а прислуги мѣтятъ ее въ армію спасенія. Нельзя же при такой пестротѣ говорить серьезно о душѣ,—въ особенности, когда, я, больше всѣхъ имѣющій право руководить ея воспитаніемъ, встрѣчаю неизбежно однѣ только противо-дѣйствія всѣмъ моимъ стараніямъ. Поэтому я долженъ вырвать ее изъ этой обстановки!

Пасторъ. Слишкомъ много женщинъ распоряжается у тебя въ домѣ.

Ротмистръ. Да, дѣйствительно! Совсѣмъ какъ въ клѣткѣ съ тиграми! И не подноси я имъ къ носу раскаленнаго желѣзнаго прута, онѣ бы растерзали меня въ первую же удобную минуту!.. Тебѣ, конечно, смѣшно!.. Мало того, что я женился на твоей сестрѣ, ты еще мнѣ свою мачеху приподнесь!

Пасторъ. Невозможно же держать у себя въ домѣ мачеху.

Ротмистръ. Теща,—это, конечно, лучше, въ особенности у другихъ!

Пасторъ. Да, да, у каждого свой крестъ въ жизни.

Ротмистръ. Да, но мой слишкомъ тяжелъ! У меня еще эта старуха кормилица, которая обращается со мной, какъ будто я все еще въ нагрудникѣ хожу! Она милѣйшій человѣкъ, но ей, право, не мѣсто здѣсь.

Пасторъ. Слѣдовало бы, зять, все это женское царство держать въ повиновеніи,—а ты имъ волю даешь.

Ротмистръ. Можетъ быть, ты меня, другъ, научишь, какъ можно держать женщинъ въ повиновеніи!

Пасторъ. По правдѣ сказать, хотъ Лаура и собственная моя сестра, но она всегда была упряма.

Ротмистръ. У Лауры есть, конечно, свои непріятныя стороны, но она еще не такъ опасна!

Пасторъ. Да ты не стѣсняйся,—я вѣдь знаю ее!

Ротмистръ. Правда, она получила романтическое воспитаніе, и ей иногда трудно бываетъ разбираться въ житейскихъ отношеніяхъ, но, въ концѣ концовъ, она мнѣ жена...

Пасторъ. И потому, что она тебѣ жена, она лучше другихъ! Нѣтъ, зять, она то и угнетаетъ тебя больше всѣхъ.

Ротмистръ. Но теперь у насъ весь домъ вверхъ дномъ пошелъ. Лаура не хочетъ разставаться съ Бертой, а я не могу допустить, чтобы она оставалась въ этомъ сумасшедшемъ домѣ.

Пасторъ. Вотъ какъ?.. Значитъ, Лаура не хочетъ. Въ такомъ случаѣ можно ожидать большихъ непріятностей! Еще ребенкомъ она, бывало, валялась какъ мертвая, пока не исполняютъ ея желанія... А когда получала то, чего требовала, то отдавала назадъ съ объясненіемъ, что она хотѣла совсѣмъ не этой вещи, а только настоять на своемъ.

Ротмистръ. Уже тогда она была такой! Да, да.. По временамъ съ ней бываетъ что-то въ родѣ припадковъ, и я боюсь за нее... Мнѣ кажется просто, что она больна.

Пасторъ. Но въ чемъ заключаются твои планы относительно дочери, противъ которыхъ возстаетъ Лаура? Неужели нельзя прійти къ соглашенію?

Ротмистръ. Не подумай ради Бога, что я хочу сдѣлать изъ нея что нибудь исключительное или копію съ меня самого! Но быть сводникомъ собственной дочери и воспитывать ее исключительно для замужества—я не же-

лаю, потому что, въ случаѣ если она не выйдетъ замужъ, она будетъ чувствовать себя несчастной. Но, съ другой стороны, я не собираюсь готовить ее для мужской, такъ сказать, дороги, которая требуетъ многолѣтней подготовки, и вся эта работа окажется ни къ чему, если она выйдетъ замужъ.

Пасторъ. Чего же ты собственно хочешь?

Ротмистръ. Я хочу, чтобы она готовилась въ учительницы. Если она не выйдетъ замужъ, будетъ сама о себѣ заботиться, и въ концѣ концовъ ей будетъ не тяжелѣе, чѣмъ всѣмъ несчастнымъ учителямъ, которымъ приходится дѣлить свой заработокъ съ семьей. А выйдетъ замужъ,—примѣнитъ свои знанія на воспитаніи собственныхъ дѣтей. Развѣ это не правильно?

Пасторъ. Правильно. Но съ другой стороны она уже обнаружила такія способности къ живописи, что было бы насиліемъ искусственно подавить ихъ.

Ротмистръ. Нѣтъ, я показывалъ ея рисунки одному дѣйствительно выдающемуся художнику, и онъ сказалъ, что всему этому можно научиться въ школѣ,—не больше. Но вотъ прошлымъ лѣтомъ является сюда какой-то идіотъ, объявляетъ, что у нея колоссальное дарованіе, и судьба ея рѣшается къ удовольствію Лауры.

Пасторъ. Что же онъ—влюбился въ дѣвочку?

Ротмистръ. Для меня это не подлежитъ сомнѣнію.

Пасторъ. Ну, тогда, мой другъ, я никакого исхода не вижу... Это непріятно, но у Лауры, конечно, есть и союзники.

Ротмистръ. Ну, ужъ это само собой разумѣется. Весь домъ объять пламенемъ, и по правдѣ сказать, это далеко не честная война.

Пасторъ (поднимается). Ты думаешь, мнѣ это не знакомо?

Ротмистръ. И тебѣ тоже?

Пасторъ. И мнѣ...

Ротмистръ. Но хуже всего вотъ что: мнѣ представляется, что всѣ эти споры о будущности Берты покоятся на мотивахъ... безграничной ненависти. Онѣ вѣчно бросаются фразами на счетъ того, что мужчина долженъ убѣдиться, что женщина способна на то-то и на то-то! Мужчина и женщина противопоставляются другъ другу безъ конца—съ утра до ночи.—Ты ужъ собираешься уходить?.. Останься... посидимъ вечерокъ! Ничего особеннаго не предстоитъ, но, ты знаешь, я жду къ себѣ новаго доктора. Ты ужъ его видѣлъ?

Пасторъ. Мелькомъ... проѣзжалъ мимо... Наружность благородная, открытая...

Ротмистръ. Да... это приятно... Какъ ты думаешь, будетъ онѣ моимъ союзникомъ?

Пасторъ. Кто его знаетъ? Это зависитъ отъ того, какъ близко онѣ сталкивался съ женщинами.

Ротмистръ. А можетъ, ты останешься?

Пасторъ. Нѣтъ, спасибо, дорогой, я сказалъ, что къ вечеру вернусь, и старуха будетъ беспокоиться.

Ротмистръ. Беспокоиться?.. Вѣрнѣе, злиться!.. Ну, какъ хочешь! Помочь тебѣ надѣть шубу?

Пасторъ. И холодно же сегодня!.. Благодарю... А ты бы всетаки побережь себя! У тебя такой нервный видъ!

Ротмистръ. Нервный видъ?.. У меня?..

Пасторъ. Да, да, ты нездоровъ?!

Ротмистръ. Это Лаура тебѣ наговорила? Вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ я, по ея словамъ, кандидатъ на тотъ свѣтъ!

Пасторъ. Лаура? Нѣтъ, но я беспокоюсь за тебя!

Береги себя! Искренно совѣтую! Ну, прощай, дружище! Такъ ты и не хотѣлъ говорить о конфирмаціи?

Ротмистръ. И не думалъ. Это должно итти обычнымъ путемъ... Я не носитель истины и не мученикъ. И кончено!.. До свиданья... Всего хорошаго.

Пасторъ. Прощай, дорогой! Кланяйся Лаурѣ!

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

РОТМИСТРЪ, потомъ ЛАУРА.

Ротмистръ (открываетъ бюро и садится сводить счеты.) Тридцать четыре... семь... сорокъ восемь... пятьдесятъ шесть...

ЛАУРА (изъ сосѣдней комнаты). Будь такъ добръ...

Ротмистръ. Сю минуту!—шестьдесятъ шесть, семьдесятъ одинъ, восемьдесятъ четыре, восемьдесятъ девять, девяносто два, сто... Что такое?

ЛАУРА. Я не мѣшаю?

Ротмистръ. Нѣтъ, нѣтъ... Деньги на хозяйство?

ЛАУРА. Да.

Ротмистръ. Положи счета,—я просмотрю!

ЛАУРА. Счета?

Ротмистръ. Ну, да.

ЛАУРА. Съ какихъ это поръ я должна представлять счета?

Ротмистръ. Съ сегодняшняго дня! Наше положеніе очень шатко; и на случай катастрофы счета должны быть, иначе насъ могутъ обвинить въ злостномъ банкротствѣ.

ЛАУРА. Я не виновата, если дѣла наши въ такомъ положеніи.

Ротмистръ. Счета это именно и докажутъ.

ЛАУРА. Если арендаторъ не платитъ,—вина не моя.

Ротмистръ. А кто же рекомендовалъ арендатора? Ты! Почему ты рекомендовала этого—съ позволенія сказать—негодяя?

Лаура. А зачѣмъ ты кончилъ съ такимъ негодяемъ?

Ротмистръ. Потому что, пока вы не настояли на своемъ, я не могъ ни ѣсть, ни спать, ни работать покойно. Ты стояла за него, потому что твой братъ хотѣлъ отъ него отдѣлаться! Теща—потому что я этого не хотѣлъ. Гувернантка—потому что онъ піэтистъ, а старуха Маргретъ—потому что она еще дѣвченкой знала его бабушку. Вотъ почему я согласился! А не согласишься я, то теперь я бы сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ или лежалъ бы въ фамильномъ склепѣ!.. Вотъ деньги на хозяйство и на мелкіе расходы... А счета потомъ дашь!

Лаура (присѣдаетъ). Очень благодарна!—А ты ведешь счета тратамъ не на домъ?

Ротмистръ. Это тебя не касается!

Лаура. Ну, конечно, такъ же, какъ и воспитаніе моего ребенка! Пришли господа мужчины на вечернемъ засѣданіи къ какому нибудь рѣшенію?

Ротмистръ. Я пришелъ къ рѣшенію уже раньше и только сообщилъ о немъ единственному нашему общему другу! Берта будетъ помѣщена на полный пансіонъ въ городѣ... И переѣдетъ черезъ двѣ недѣли!

Лаура. Къ кому же это, позволь спросить?

Ротмистръ. Къ аудитору Сефбергу.

Лаура. Къ этому вольнодумцу!

Ротмистръ. По смыслу закона дѣти должны воспитываться во взглядахъ отца!

Лаура. И мнѣнія матери въ этомъ. вопросѣ даже не спрашиваютъ?

Ротмистръ. Нѣтъ. Она продаетъ свое естественное

право и уступаетъ его отцу за то, что онъ заботится о ней и о дѣтяхъ!

Лаура. Такъ что у матери—никакихъ правъ на ребенка?

Ротмистръ. Никакихъ. Разъ товаръ проданъ, нельзя отбирать его назадъ да еще удерживать деньги.

Лаура. Но развѣ отецъ и мать не могутъ рѣшить вмѣстѣ...

Ротмистръ. Какимъ же образомъ? Я хочу, чтобы она жила въ городѣ, ты хочешь, чтобы она осталась дома. Арифметическое среднее—помѣстить ее на станціи на полпути между городомъ и роднымъ домомъ. Какъ видишь, распутать этотъ узелъ нѣтъ возможности.

Лаура. Тогда придется его разрубить!—Зачѣмъ тутъ былъ Нейдъ?..

Ротмистръ. Это служебная тайна!

Лаура. Извѣстная всей кухнѣ.

Ротмистръ. Тогда и ты должна ее знать.

Лаура. Да я и знаю.

Ротмистръ. И приговоръ у тебя уже имѣется?

Лаура. Онъ написанъ въ законѣ.

Ротмистръ. Въ законѣ же написано, кто отецъ ребенка.

Лаура. Нѣтъ, пообыкновенію это и такъ знаютъ.

Ротмистръ. Умные люди утверждаютъ, что знать этого нельзя.

Лаура. Удивительно! Нельзя знать, кто отецъ ребенка?

Ротмистръ. Утверждаютъ такъ!

Лаура. Удивительно! Почему же тогда отецъ имѣетъ такія права на ребенка?

Ротмистръ. Онъ имѣетъ ихъ только въ томъ случаѣ, если онъ принимаетъ на себя обязанности самъ, или

если эти обязанности на него возлагаются. Ну, а въ бракѣ возможность сомнѣній въ отцовствѣ сама собой исключается.

ЛАУРА. Сомнѣніе само собой исключается?

РОТМИСТРЪ. Надѣюсь.

ЛАУРА. Ну, а если жена была невѣрна мужу?

РОТМИСТРЪ. Къ данному случаю это не подходитъ! У тебя есть еще вопросы?

ЛАУРА. Нѣтъ.

РОТМИСТРЪ. Въ такому случаѣ я пройду къ себѣ въ комнату, а ты будь добра, пошли за мной, когда придетъ докторъ. (Запираетъ бюро и встаетъ).

ЛАУРА. Хорошо.

РОТМИСТРЪ (идетъ въ оклеенную обоями дверь направо). Въ ту же минуту, какъ онъ придетъ. Я не хочу быть невѣжливымъ... Понимаешь! (Уходитъ).

ЛАУРА. Понимаю.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ЛАУРА (одна разсматриваетъ расписки, которыя держитъ въ рукахъ).

Голосъ тѣщи (изъ другой комнаты). Лаура!

ЛАУРА. Да!..

Голосъ тѣщи. Чай мнѣ готовъ?

ЛАУРА (въ дверяхъ) Сейчасъ подадутъ! (Идетъ къ выходной двери на заднемъ планѣ. Въ это время деньщикъ ее отворяетъ).

ДЕНЩИКЪ (докладываетъ). Докторъ Эстермаркъ.

ДОКТОРЪ. Имѣю честь представиться!

ЛАУРА (идетъ ему на встрѣчу и протягиваетъ руку). Милости просимъ, г. докторъ. Отъ души рада... Ротмистръ вышелъ, но онъ сейчасъ придетъ.

Докторъ. Прошу извинить, что я пришелъ такъ поздно, но были уже визиты къ больнымъ.

Лаура. Пожалуйста... Садитесь!

Докторъ. Благодарю васъ!

Лаура. Да, въ настоящее время у насъ много больныхъ, но, надѣюсь, вы всетаки справитесь, а для насъ, заброшенныхъ въ деревнѣ, такъ важно найти врача, который принимаетъ близко къ сердцу интересы больныхъ... А я столько хорошаго слышала о васъ, докторъ, что, надѣюсь, между нами установятся самыя лучшія отношенія.

Докторъ. Вы слишкомъ любезны, но съ своей стороны въ вашихъ интересахъ позвольте надѣяться, что мои посѣщенія «по долгу службы» не будутъ слишкомъ часты. Вѣдь ваше семейство въ общемъ здорово и...

Лаура. Да, острыхъ болѣзней, слава Богу, у насъ не было, но всетаки у насъ не совсѣмъ благополучно.

Докторъ. Да?

Лаура. Къ сожалѣнію, не все идетъ такъ, какъ бы хотѣлось.

Докторъ. Вы пугаете меня!

Лаура. Въ каждой семьѣ бываютъ такія обстоятельства, которыя понятія чести и совѣсти заставляютъ скрывать отъ всѣхъ...

Докторъ. Кромѣ врача...

Лаура. Поэтому я и считаю своимъ долгомъ, какъ бы это тяжело ни было, въ первую же минуту сказать вамъ всю правду.

Докторъ. Можетъ быть, вы отложите этотъ разговоръ до тѣхъ поръ, пока я буду имѣть честь познакомиться съ г. ротмистромъ.

Лаура. Именно нѣтъ! Вы должны выслушать меня, прежде, чѣмъ увидите его.

Докторъ. Значить, рѣчь идетъ именно о немъ?

Лаура. Да, о моемъ несчастномъ, дорогомъ мужѣ!

Докторъ. Вы пугаете меня, но, повѣрьте, я искренно сочувствую вашему горю.

Лаура (вынимаетъ платокъ). Мой мужъ душевно боленъ. Теперь вы знаете все; впослѣдствіи увидите сами.

Докторъ. Что вы говорите! Я съ такимъ восхищеніемъ читалъ превосходныя работы г. ротмистра по Минералогіи и всегда поражался ясности и силѣ его ума.

Лаура. Въ самомъ дѣлѣ? Какъ бы я была рада, если бы мы, его близкіе, всѣ ошибались.

Докторъ. Но возможно, что его душевное равновѣсіе нарушено въ другихъ областяхъ. Расскажите подробнѣе.

Лаура. Именно этого мы и боимся. У него, видите ли, бываютъ крайне странныя идеи, которыя могли бы быть у него, какъ у ученаго, еслибы онѣ не отзывались на положеніи всей семьи. У него, напримѣръ, манія дѣлать самыя разнообразныя покупки.

Докторъ. Это важно! Но что же онъ покупаетъ?

Лаура. Цѣлые ящики книгъ, которыхъ онъ не читаетъ!

Докторъ. Ну, въ томъ, что ученый покупаетъ книги, еще опасно ничего нѣтъ.

Лаура. Вы не вѣрите тому, что я говорю?

Докторъ. Напротивъ, я не сомнѣваюсь, что вы вѣрите въ то, что вы говорите.

Лаура. Ну, а возможно, чтобы человѣкъ могъ въ микроскопъ видѣть, что творится на другой планетѣ?

Докторъ. А онъ говоритъ, что онъ видитъ?

Лаура. Да, говоритъ.

Докторъ. Въ микроскопъ!

ЛАУРА. Въ микроскопъ! Именно!

ДОКТОРЪ. Если это такъ, это имѣеть значеніе!

ЛАУРА. Если это такъ! Вы не имѣете никакого довѣрія ко мнѣ, докторъ, а я тутъ сижу и ввѣряю вамъ семейныя тайны...

ДОКТОРЪ. Простите... Я польщенъ Вашимъ довѣріемъ, но, какъ врачъ, прежде чѣмъ судить, я долженъ все изслѣдовать и убѣдиться. Бываютъ у г. ротмистра капризы?.. Замѣчается неустойчивость воли?

ЛАУРА. Бываетъ ли?... Мы двадцать лѣтъ женаты, и у него еще не бывало рѣшенія, котораго онъ бы не отмѣнилъ.

ДОКТОРЪ. Упрямъ онъ?

ЛАУРА. Онъ всегда долженъ настоять на своемъ, но какъ только онъ добьется цѣли, онъ отъ всего отступается и предоставляетъ рѣшать мнѣ.

ДОКТОРЪ. Это очень важно и требуетъ точнаго наблюденія. Воля, сударыня, спинной хребетъ души. Разъ онъ поврежденъ,—душа гибнетъ.

ЛАУРА. И одному Богу извѣстно, какъ я старалась въ эти годы испытаній предупреждать всѣ его желанія. Если бы только знали, какую жизнь приходилось мнѣ вести около него!

ДОКТОРЪ. Ваше несчастье глубоко трогаетъ меня, и я обѣщаю вамъ сдѣлать все, что возможно. Я жалѣю васъ отъ всего сердца и прошу вполнѣ положиться на меня. Но послѣ всего, что я выслушалъ, я буду просить васъ объ одномъ. Остерегайтесь вызывать у больного мысли способныя произвести на него сильное впечатлѣніе, ибо въ больномъ мозгу онѣ легко могутъ превратиться въ мономанію или навязчивыя идеи. Понимаете?

ЛАУРА. Значить, стараться не возбуждать его подозрительности?

Докторъ. Безусловно! Больному можно навязать какую угодно мысль, именно потому что онъ слишкомъ воспримчивъ ко всему.

Лаура. Такъ!.. Понимаю... Да!.. Да! (Внутри звонятъ). Простите, меня мать зоветъ. На одну секунду!.. Ахъ, вотъ и Адольфы!

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ДОКТОРЪ и РОТМИСТРЪ

Изъ двери, оклеенной обоями.

Ротмистръ. Ахъ, вы уже здѣсь, докторъ! Отъ души привѣтствую!

Докторъ. Мнѣ въ высшей степени пріятно познакомиться съ знаменитымъ ученымъ, г. ротмистръ!

Ротмистръ. Полноте... Служба не позволяетъ мнѣ углубиться въ науку... хотя я надѣюсь, что нахожусь на пути къ одному открытію.

Докторъ. Вотъ какъ!

Ротмистръ. Видите, я подвергъ метеориты спектральному анализу и нашелъ уголь—слѣды органической жизни. Что вы скажете?

Докторъ. И это замѣтно въ микроскопъ!

Ротмистръ. Въ спектроскопъ—чортъ возьми!

Докторъ. Въ спектроскопъ... Простите! Въ такомъ случаѣ, чего добраго вы скоро расскажете намъ, что творится на Юпитерѣ!

Ротмистръ. Не что творится, а что творилось! Только бы мой парижскій поставщикъ прислалъ мнѣ книги! Но, повидимому, книгопродавцы всего міра составили заговоръ противъ меня. Вы не повѣрите, вотъ уже два мѣсяца я не

получаль ни одного отвѣта на мои заказы, письма и даже рѣзкія телеграммы. Я просто съ ума схожу! Не могу понять, что все это значить.

Докторъ. Обыкновенная небрежность! Только зачѣмъ принимать такъ близко къ сердцу?

Ротмистръ. Да, но я, чортъ возьми, не могу во время закончить работу, а я знаю, что въ Берлинѣ тоже работаютъ надъ этимъ вопросомъ. Но намъ совсѣмъ не о томъ надо говорить. Давайте поговоримъ о васъ! Если вы хотите жить здѣсь, то во флигелѣ есть небольшая квартира. Или, можетъ быть, вамъ угодно занять старую казенную квартиру?

Докторъ. Какъ вамъ угодно.

Ротмистръ. Нѣтъ, какъ вамъ угодно! Извольте выбирать!

Докторъ. Рѣшите ужъ вы, г. Ротмистръ!

Ротмистръ. Нѣтъ, я ужъ рѣшать не буду. Это ваше дѣло сказать, что вамъ удобнѣе. Я на этотъ предметъ никакихъ желаній не имѣю!.. Ровно никакихъ!..

Докторъ. И я не могу рѣшать!..

Ротмистръ. Да извольте же наконецъ сказать, что вамъ болѣе подходитъ. Я въ данномъ случаѣ не имѣю ровно никакого желанія или мнѣнія! Неужели же вы такой мямля, что не знаете, чего вы хотите! Отвѣчайте же, или я, наконецъ, разсержусь!

Докторъ. Если я долженъ выбирать, я предпочелъ бы жить здѣсь.

Ротмистръ. И отлично! Благодарю васъ... О!..—Вы меня извините, докторъ, но ничто такъ на меня ужасно не дѣйствуетъ, какъ отвѣтъ: «Мнѣ все равно!» (Звонить. Входитъ кормилица). Это ты, Маргретъ?.. Ты не знаешь, флигель для г. доктора приготовленъ?

Кормилица. Приготовлень.

Ротмистръ. Хорошо... Такъ я не буду васъ задерживать, докторъ... Вы, навѣрное, устали. До свиданья... и надѣюсь, до завтра.

Докторъ. Покойной ночи, г. Ротмистръ.

Ротмистръ. Жена моя, вѣроятно, ужъ до нѣкоторой степени ознакомила васъ съ положеніемъ вещей, такъ что вы уже способны ориентироваться.

Докторъ. Ваша супруга любезно дала мнѣ нѣсколько указаній, необходимыхъ для новичка. Покойной ночи, г. Ротмистръ. (Уходитъ).

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

РОТМИСТРЪ и КОРМИЛИЦА.

Ротмистръ. Что тебѣ? Что нибудь случилось?

Кормилица. Послушай... Адольфъ...

Ротмистръ. Ну, говори, говори, старая Маргретъ! Только съ тобой я еще и могу разговаривать не раздражаясь.

Кормилица. Послушай, Адольфъ, нельзя ли вамъ съ барыней какъ нибудь столковаться на счетъ этой исторіи то... съ ребенкомъ? Подумай, вѣдь она мать...

Ротмистръ. И ты подумай, Маргретъ, вѣдь я отецъ!

Кормилица. У отца и кромѣ ребенка есть заботы и дѣла, а у матери кромѣ ребенка ничего нѣтъ.

Ротмистръ. Вотъ именно, кормилица. У нея только одна тяжесть, а у меня ихъ три... Я и ея тяжесть несу. Тебѣ не приходитъ въ голову, что не будь у меня ея и дочери, я могъ бы добиться положенія получше теперешняго... старого солдата?..

Кормилица. Да я не объ этомъ говорю.

Ротмистръ. Знаю, знаю... Ты пришла убѣждать меня въ томъ, что я неправъ.

Кормилица. Неужели жъ ты, Адольфъ, сомнѣваешься, что я желаю тебѣ добра?

Ротмистръ. Нѣтъ, нѣтъ, вѣрю вполнѣ, только ты сама не знаешь, что для меня добро!... Видишь ли, по моему еще мало дать ребенку жизнь... Я хочу дать ему и душу мою.

Кормилица. Ну, этого я не понимаю. И все таки, по моему, вы могли бы столкнуться!

Ротмистръ. Ты мнѣ не другъ, Маргретъ!

Кормилица. Я не другъ тебѣ? И какъ ты только можешь говорить это, Адольфъ! Неужели жъ я могу позабыть, что ты былъ почти моимъ ребенкомъ, когда ты былъ маленькій?

Ротмистръ. А я, милая, по твоему, забылъ? Ты была мнѣ вмѣсто матери, до сихъ поръ ты всегда была моимъ союзникомъ, когда всѣ бывали противъ меня! Но теперь, когда я дѣйствительно нуждаюсь въ тебѣ, теперь ты бросаешь меня одного и переходишь къ врагамъ.

Кормилица. Къ врагамъ?

Ротмистръ. Да, къ врагамъ. Ты знаешь, что творится у насъ. Все происходитъ на твоихъ глазахъ — съ начала до конца!

Кормилица. Конечно, на моихъ глазахъ. Но неужели же два человекъ — оба добрые и оба всѣмъ желающіе добра, — должны такъ мучить другъ друга. И барыня вѣдь и со мною и со всѣми другими...

Ротмистръ. Знаю, знаю. — Только съ однимъ со мной... Но слышишь, Маргретъ, если ты теперь меня оставишь — большой грѣхъ будетъ. Потому что теперь они

хотять опутать меня окончательно, и докторъ этотъ мнѣ не другъ!

Кормилица. Ахъ, Адольфъ, ты обо всѣхъ дурно думаешь, и знаешь—почему? Потому что вѣры въ тебѣ настоящей нѣтъ! Да, да...

Ротмистръ. А ты съ баптистами нашла единственную настоящую вѣру! Ты, конечно, счастлива!

Кормилица. Конечно, я не такъ несчастна, какъ ты, Адольфъ. А ты смири свое сердце и увидишь, Господь пошлетъ тебѣ счастье въ любви къ ближнимъ.

Ротмистръ. Странно... Когда ты говоришь о Богѣ и о любви, голосъ твой становится такимъ рѣзкимъ, и глаза загораются ненавистью. Нѣтъ, Маргретъ, вѣра твоя не истинная!

Кормилица. Ну, конечно, ты гордишься своей ученостью, только мало она помогаетъ, когда доходить до дѣла.

Ротмистръ. Какое высокомеріе у смиренного сердца! А что никакая ученость не можетъ помочь съ такими звѣрями, какъ вы,—это я отлично знаю!

Кормилица. Стыдно тебѣ! И всетаки старая Маргретъ любить своего большого, большого мальчика... И ты еще придешь ко мнѣ послушнымъ ребенкомъ, если разразится гроза.

Ротмистръ. Прости меня, Маргретъ, но повѣрь же, никто здѣсь кромѣ тебя не желаетъ мнѣ добра. Помогите мнѣ... У меня предчувствіе какое-то... Чего—не знаю, но то, что творится здѣсь,—не кончится добромъ. (Крикъ изъ жилыхъ комнатъ). Что это? Кто это кричитъ?

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ТЪ ЖЕ и БЕРТА.

Вбѣгая изъ сосѣдной комнаты.

БЕРТА. Папа... папа... помоги... Спаси меня!

РОТМИСТРЪ. Что съ тобой, дѣвочка? Что такое?

БЕРТА. Спаси меня! Она хочетъ что-то сдѣлать со мной!

РОТМИСТРЪ. Кто и что хочетъ сдѣлать съ тобой? Да говори же!

БЕРТА. Бабушка! Я сама виновата... я обманывала еѣ!

РОТМИСТРЪ. Да расскажи же, наконецъ!

БЕРТА. Но только ты никому не скажешь? Слышишь? Пожалуйста!..

РОТМИСТРЪ. Ну, въ чемъ дѣло? (Кормилица уходитъ).

БЕРТА. Знаешь, она по вечерамъ убавляетъ въ лампѣ огонь и сажаетъ меня за столъ... съ карандашомъ въ рукѣ... передъ листомъ бумаги... Тогда, она говоритъ, духи начинаютъ писать...

РОТМИСТРЪ. Что такое? И ты мнѣ ничего не говорила?

БЕРТА. Прости, но я не смѣла. Бабушка говоритъ, что духи мстятъ, если о нихъ рассказываютъ. И вотъ, тогда перо пишетъ... А я не знаю,—я это пишу или нѣтъ. Иногда выходитъ, а иногда ничего не выходитъ. Когда я устаю, ничего не выходитъ, а надо, чтобы выходило. Вотъ сегодня вечеромъ я думала, что я пишу хорошо, а бабушка сказала, что это изъ Стагнеліуса и что я ее дурачу, и такъ разсердилась, такъ разсердилась...

РОТМИСТРЪ. И ты вѣришь въ духовъ?

БЕРТА. Сама не знаю.

РОТМИСТРЪ. Ну, а я знаю, что никакихъ духовъ нѣтъ.

БЕРТА. А бабушка говоритъ, что ты этого не понимаешь и что ты самъ занимаешься даже болѣе плохими дѣлами, что ты видишь, что дѣлается на другихъ планетахъ.

РОТМИСТРЪ. Она это говоритъ? Говоритъ? Что же еще она рассказываетъ?

БЕРТА. Она говоритъ, что ты не умѣешь колдовать.

РОТМИСТРЪ. Я этого и не утверждалъ. Ты знаешь, что такое метеориты? Камни, которые падаютъ къ намъ съ другихъ планетъ. Изучать ихъ и сказать, состоятъ они изъ такихъ же веществъ, какъ и наша земля,—это я могу. Вотъ и все, что я могу видѣть.

БЕРТА. А бабушка говоритъ, что есть вещи, которыхъ ты не можешь видѣть, а она можетъ.

РОТМИСТРЪ. Ну, это ужъ вранье!

БЕРТА. Бабушка не вретъ!

РОТМИСТРЪ. Почему же это?

БЕРТА. Тогда, значить, и мама вретъ!

РОТМИСТРЪ. Гм...

БЕРТА. Если ты говоришь, что мама вретъ, я никогда больше не буду тебѣ вѣрить.

РОТМИСТРЪ. Я этого не говорилъ и поэтому ты можешь мнѣ повѣрить, если я скажу, что ради твоего же счастья, ради твоего будущего тебѣ слѣдуетъ уѣхать отсюда. Хочешь? Хочешь переѣхать въ городъ и учиться чемунибудь полезному?

БЕРТА. Ахъ, какъ бы я хотѣла уѣхать отсюда въ городъ,—куда угодно! Только бы съ тобой всетаки почаще видаться! А то тамъ такъ тяжело всегда, такъ мрачно, какъ въ зимнюю ночь! А когда ты приходишь, точно весной выставляютъ рамы и распахнуть окно.

РОТМИСТРЪ. Милая моя, дорогая дѣвочка!

БЕРТА. Только будь подобрѣ съ мамой!.. А то она такъ часто плачетъ!

РОТМИСТРЪ. Гм... Такъ значитъ, ты не прочь въ городъ?

БЕРТА. Да, да!

РОТМИСТРЪ. Ну, а если мама не захочетъ?

БЕРТА. Должна захотѣть!

РОТМИСТРЪ. Ну, а если все таки не захочетъ!

БЕРТА. Тогда я не знаю, какъ же быть. Да, нѣтъ! Она должна, должна захотѣть!

РОТМИСТРЪ. Ты попросишь ее?

БЕРТА. Ты самъ хорошенько ее попроси! На меня она и вниманья не обратитъ.

РОТМИСТРЪ. Гм... Ну, а если ты хочешь этого, и я хочу, а она всетаки будетъ противъ... Какъ же мы тогда поступимъ?

БЕРТА. Тогда опять пойдутъ исторіи и ссоры! Отчего вы оба не можете...

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ТЪ ЖЕ и ЛАУРА.

ЛАУРА. Ахъ, Берта здѣсь! Такъ какъ дѣло идетъ объ ея судьбѣ, самое лучшее и узнать ея собственный взглядъ на это!

РОТМИСТРЪ. Едва ли у нея можетъ быть обоснованное мнѣніе о томъ, какъ должна складываться жизнь молодой дѣвушки. Намъ это установить хотя бы приблизительно все таки легче, потому что на нашихъ глазахъ складывалась жизнь цѣлаго ряда молодыхъ дѣвушекъ.

ЛАУРА. Да, но разъ мы держимся разныхъ взглядовъ, пускай рѣшитъ сама Берта.

Ротмистръ. Нѣтъ. Я не позволю никому захватывать моихъ правъ — ни женѣ, ни ребенку. Берта, иди (Берта медлитъ).

ЛАУРА. Берта, погоди... (Берта все еще въ нерѣшительности).

Ротмистръ. Иди, дитя мое.

ЛАУРА (приспально смотритъ на Берту, она стоитъ неподвижно). Хочешь ты уѣхать отсюда или тебѣ пріятнѣе остаться дома?

БЕРТА. Не знаю.

ЛАУРА. Понятно, твое желаніе, Берта, не имѣетъ для насъ значенія... Мы просто хотѣли бы его знать.

БЕРТА. По правдѣ сказать!.. (Ротмистръ беретъ Берту за руку и нѣжно доводитъ ее до лѣвой двери).

ЛАУРА. Ты побоялся услышать ея рѣшеніе, потому что ждалъ, что оно будетъ не въ твою пользу.

Ротмистръ. Я знаю, что она сама хочетъ уѣхать изъ дома, но я знаю также, что ты можешь измѣнять ея желанія по своей прихоти.

ЛАУРА. Неужели во мнѣ такая сила?

Ротмистръ. Да, въ тебѣ сатанинская сила добиваться своего, какъ и у всѣхъ, кто не стѣсняется въ средствахъ. Какимъ путемъ, напримѣръ, ты добилась ухода доктора Норминга и назначенія новаго врача?

ЛАУРА. Какимъ?

Ротмистръ. Ты распространяла о немъ позорные слухи, пока онъ не ушелъ, и заставила брата собирать голоса за новаго.

ЛАУРА. Что было естественно и вполне законно... Итакъ, Берта всетаки уѣдетъ?

Ротмистръ. Да, черезъ двѣ недѣли она уѣдетъ!

ЛАУРА. Это твое окончательное рѣшеніе?

Ротмистръ. Да.

ЛАУРА. Ты уже говорилъ объ этомъ съ Бертой?
РОТМИСТРЪ. Да.

ЛАУРА. Въ такомъ случаѣ, я попытаюсь помѣшать этому!

РОТМИСТРЪ. Этого ты не можешь!

ЛАУРА. Нѣтъ? Что же ты думаешь, мать оставить своего ребенка среди дурныхъ людей, которые будутъ учить ее, что все, что внушала ей мать,—глупости?... Чтобы она всю жизнь потомъ презирала свою мать?

РОТМИСТРЪ. А отецъ, по твоему, обязанъ позволять невѣжественнымъ и необразованнымъ женщинамъ учить его дочь, что отецъ ея шарлатанъ?

ЛАУРА. Для отца это не имѣетъ такого значенія!

РОТМИСТРЪ. Это почему?

ЛАУРА. Потому что мать ближе ребенку... Въ особенности разъ установлено, что собственно никогда нельзя сказать, кто отецъ ребенка.

РОТМИСТРЪ. Какое отношеніе это имѣетъ къ данному случаю?

ЛАУРА. Ты тоже не знаешь,—отецъ ты Берты или нѣтъ.

РОТМИСТРЪ. Я не знаю!..

ЛАУРА. Нѣтъ... Разъ никто этого не можетъ знать,—ты тоже не можешь!

РОТМИСТРЪ. Ты шутишь?

ЛАУРА. Нѣтъ, я просто примѣняю твое же ученіе! Развѣ ты можешь знать, была я тебѣ вѣрна или нѣтъ.

РОТМИСТРЪ. На многое считаю я тебя способной, но на это—нѣтъ. А также и на то, чтобы сказать объ этомъ, еслибы это была правда.

ЛАУРА. Ну, а если я рѣшилась итти на все, на гоненіе, на позоръ,—на все, лишь бы сохранить ребенка и свою

власть надъ нимъ. Если я сказала правду, если Берта моя, но не твоя дочь!

Ротмистръ. Перестаны!

Лаура. Тогда бы твоей власти—конецъ!

Ротмистръ. Только послѣ того, какъ ты докажешь, что я не отецъ ей!

Лаура. Это не трудно! Хочешь?

Ротмистръ. Перестаны!

Лаура. Стоитъ мнѣ только назвать имя настоящаго отца, установить время и мѣсто... Кстати, когда родилась Берта? На третьемъ году нашей совмѣстной жизни?

Ротмистръ. Перестань, или...

Лаура. Или—что? Изволь, перестанемъ. Но подумай хорошенько, что ты дѣлаешь и по какому праву рѣшаешь! И прежде всего не ставь себя въ смѣшное положеніе!

Ротмистръ. Я нахожу это положеніе крайне печальнымъ!

Лаура. Тѣмъ въ дѣйствительности ты смѣшнѣ!

Ротмистръ. Ты, конечно—нѣтъ!

Лаура. Нѣтъ, мы ужъ умно такъ созданы.

Ротмистръ. Поэтому съ вами и борьбу вести нельзя.

Лаура. Зачѣмъ же ты все-таки вступаешь въ борьбу, разъ ты видишь превосходство врага?

Ротмистръ. Превосходство?

Лаура. Да. Это странно, но я всегда, видя мужчину, чувствую свое превосходство надъ нимъ.

Ротмистръ. Въ такомъ случаѣ тебѣ придется на этотъ разъ увидеть превосходство мужчины, да такъ, что ты никогда не забудешь.

Лаура. Интересно будетъ посмотрѣть!

Кормилица (входитъ). Столъ накрытъ! Пожалуйста ужинать!

ЛАУРА. Съ удовольствіемъ. (Въ нерѣшительности садится въ кресло у стола около дивана). А ты не пойдешь ужинать?

РОТМИСТРЪ. Нѣтъ, благодарю... Я не хочу!

ЛАУРА. Ты разстроился?

РОТМИСТРЪ. Нѣтъ... Просто я не голоденъ!

ЛАУРА. Пойдемъ... А то пойдутъ разспросы... Ни къ чему это!—Будь благоразуменъ. Ну, если не хочешь, сиди тутъ! (Уходитъ).

КОРМИЛИЦА. Что же это такое, Адольфъ?

РОТМИСТРЪ. Самъ не знаю, что это такое. Объясни мнѣ, какъ это вы можете вертѣть старымъ мужчиной, какъ малымъ ребенкомъ?

КОРМИЛИЦА. Понимать я этого не понимаю, а должно быть это оттого, что всѣхъ мужчинъ—и большихъ и малыхъ,—всѣхъ родили женщины...

РОТМИСТРЪ. Да, и ни одна женщина не родилась отъ мужчины! И все таки я отецъ Берты! Скажи, Маргретъ, ты не вѣришь?.. Не вѣришь?

КОРМИЛИЦА. Ну, какъ же ты не ребенокъ? Ну, конечно, ты отецъ своему ребенку! Иди да поужинай! Нечего тебѣ сидѣть тутъ да хандрить! Иди, иди!

РОТМИСТРЪ (встаетъ). Убирайся, женщина! Въ преисподнюю, вѣдьмы! (У выходной двери). Свѣрдъ! Свѣрдъ!

ДЕНЩИКЪ (входитъ). Что прикажете?

РОТМИСТРЪ. Сани заложить! Въ одну минуту!

КОРМИЛИЦА. Да послушай, ты!..

РОТМИСТРЪ. Вонъ отсюда! Вонъ! Сію же минуту!

КОРМИЛИЦА. Господи, помилуй! Что же это будетъ?

РОТМИСТРЪ (надѣваетъ шапку и собирается уходить). И не ждать меня раньше ночи! (Уходитъ).

КОРМИЛИЦА. Господи Іисусе, помоги намъ!.. Что же это будетъ?

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Обстановка та же, что и въ предыдущемъ актѣ.
Лампа горитъ на столѣ. Ночь.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ДОКТОРЪ и ЛАУРА.

Докторъ. И послѣ разговора съ ротмистромъ вопросъ этотъ ни въ коемъ случаѣ не представляется мнѣ доказаннымъ. Во первыхъ, вы ошиблись, сказавъ мнѣ, что онъ пришелъ къ своимъ поразительнымъ выводамъ относительно другихъ небесныхъ тѣлъ съ помощью микроскопа. Послѣ того какъ я узналъ, что онъ пользуется спектроскопомъ, не только приходится отказаться отъ всякаго подозрѣнія въ умственномъ разстройствѣ, но необходимо признать за нимъ, такъ сказать, высокую степень учености.

Лаура. Да я этого никогда и не говорила.

Докторъ. Простите, но я записалъ разговоръ, и кромѣ того, я ясно помню, что насчетъ главнаго пункта я даже переспросилъ васъ, такъ какъ я боялся, что мнѣ послышалось. Въ подобныхъ обвиненіяхъ необходимо быть крайне осторожнымъ, разъ дѣло идетъ о неправоиспособности чловѣка.

Лаура. О неправоиспособности.

Докторъ. Вы же навѣрное знаете, что душевно больной теряеть свои гражданскія и семейныя права.

Лаура. Нѣтъ, я не знала.

Докторъ. А во вторыхъ, одинъ пунктъ представляется мнѣ очень подозрительнымъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что всѣ его письма и обращенія къ книгопродавцамъ остаются безъ отвѣта. Разрѣшите задать вамъ вопросъ,—это не вы прервали его корреспонденцію изъ соображеній неправильно понятой вами заботливости?

Лаура. Да, я. Но я считала своей обязанностью озаботиться объ интересахъ дома и помѣшать ему довести насъ до полного разоренія.

Докторъ. Простите, но я увѣренъ,—вы не учли всѣхъ послѣдствій этого поступка. Если онъ узнаеть о вашемъ тайномъ вмѣшательствѣ въ его личныя дѣла, у него явится подозрительность, и это можетъ превратиться въ настоящую лавину. Кромѣ того, вы этимъ затормозили его волю и довели его терпѣніе до крайняго возбужденія. Вы, вѣроятно, сами знаете, какія ужасныя душевныя муки приходится испытывать, когда встрѣчаешь противодѣйствіе твоимъ самымъ завѣтнымъ желаніямъ, когда стѣсняють твою волю.

Лаура. Знаю ли я?

Докторъ. Въ такомъ случаѣ вы понимаете, что долженъ онъ испытывать.

Лаура (встаетъ). Ужъ полночь, а его все нѣтъ... Можно ожидать самаго ужаснаго.

Докторъ. Простите, но, можетъ быть, вы мнѣ расскажете, что собственно произошло сегодня послѣ моего ухода. Мнѣ необходимо все знать.

Лаура. Какія то странныя фантазіи!.. Причудливыя идеи!.. Напримѣръ, ему пришло въ голову, что онъ не отецъ своего ребенка.

Докторъ. Странно? Откуда же могла явиться такая мысль?

Лаура. Не знаю... Это было, правда, послѣ того, какъ онъ велъ переговоры съ однимъ изъ служащихъ объ алиментахъ. Я стала защищать интересы дѣвушки, онъ разгорячился и сказалъ, что никогда, собственно, нельзя знать, кто отецъ ребенка. Видитъ Богъ, я употребила всѣ средства, чтобы успокоить его, но мнѣ кажется, что теперь ужъ ничто не можетъ ему помочь! (Плачетъ).

Докторъ. Да, но такъ не можетъ продолжаться! Надо принять мѣры, не возбуждая, конечно, его подозрительности. Скажите, у ротмистра бывали и раньше такіе припадки?

Лаура. Лѣтъ шесть тому назадъ было нѣчто въ этомъ родѣ, и тогда онъ самъ въ письмѣ къ своему врачу сознавался, что онъ боится за свой разумъ.

Докторъ. Да, да... Подобные случаи имѣютъ глубокіе корни... конечно, семейныя тайны и т. д. Я не смѣю расспрашивать и долженъ довольствоваться тѣмъ, что вижу. Что было, того не воротить, но лѣчить слѣдовало бы еще тогда... Какъ вы думаете, гдѣ онъ теперь?

Лаура. Не могу даже представить... Но у него теперь такіе бурные порывы.

Докторъ. Хотите, я подожду его возвращенія? Чтобы не возбуждать его подозрительности, можно сказать, что вашей матушкѣ нездоровится и я пришелъ собственно къ ней.

Лаура. Да, такъ будетъ хорошо!.. Только не покидайте насъ, докторъ! Если бы вы знали, какъ неспокойно я себя чувствую! А не лучше было бы прямо сказать ему, что вы думаете о состояніи его здоровья?

Докторъ. Душевно больнымъ этого никогда не говорить, прежде чѣмъ они сами не затронуть этой темы... и то лишь въ видѣ исключенія. Все это зависитъ отъ того,

какой оборотъ приметь дѣло. Но здѣсь оставаться намъ не слѣдовало бы... Лучше бы пройти въ сосѣдную комнату... Не такъ это бросится въ глаза.

ЛАУРА. Да, такъ будетъ лучше, а здѣсь пускай посидитъ Маргретъ. Она обыкновенно не ложится, пока онъ не вернется домой. Только она одна и имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую власть. (Идетъ къ двери налѣво). Маргретъ! Маргретъ!

КОРМИЛИЦА. Что прикажете? Г. Ротмистръ вернулся?

ЛАУРА. Нѣтъ... Посиди здѣсь и дождись его... А когда онъ придетъ, скажи, что матушка заболѣла и что у нея докторъ.

КОРМИЛИЦА. Хорошо... Все сдѣлаю, какъ вы говорите.

ЛАУРА (открываетъ дверь въ жилия комнаты). Пожалуйста, докторъ, сюда!..

ДОКТОРЪ. Благодарю васъ.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

КОРМИЛИЦА и БЕРТА.

КОРМИЛИЦА (садится за столъ, достаетъ псалтирь и очки).
Да... да... да...

(Читаетъ въ полголоса).

Путь жнзни весь залитьъ слезами
И впереди намъ смерть сулитъ,
И смерти ангелъ вѣчно съ нами
И громкій кличъ трубитъ:
Все здѣсь грѣховность, все тщета,
Все суета суетъ.

Да, да, да...

(Читаетъ).

И все, что, радуясь, живетъ,
И все, что дышетъ силой,
Когда настанетъ часъ,—умретъ

И скроется могилой.
Все здѣсь грѣховность, все тщета,
Все суета суетъ.

Да, да...

БЕРТА (входитъ съ кофейникомъ и вышиваньемъ, говоритъ шепотомъ). Можно посидѣть съ тобой, Маргретъ? Наверху такъ жутко!

Кормилица. Господи, Берта еще не ложилась?

БЕРТА. Мнѣ надо кончить подарокъ папѣ, а тутъ угощенье для тебя.

Кормилица. Но нельзя же такъ, милая! Тебѣ завтра рано вставать надо, а сейчасъ ужъ больше двѣнадцати!

БЕРТА. Ну, такъ что жъ? Я не могу сидѣть одна наверху... Мнѣ все что то представляется.

Кормилица. Вотъ видишь... Что я тебѣ говорила? Домъ этотъ на плохомъ мѣстѣ стоитъ? Что же тебѣ показалось?

БЕРТА. Знаешь, я слышала, какъ кто-то пѣлъ на чердакѣ.

Кормилица. На чердакѣ?.. Въ это время?

БЕРТА. Да, да, и такъ грустно, грустно пѣлъ... Я такого грустнаго пѣнія никогда и не слыхала. И неслось оно какъ будто изъ чулана на чердакѣ... Знаешь, налѣво, гдѣ люлька стоитъ.

Кормилица. Да, да... И погода ужасная сегодня! Всѣ трубы, пожалуй, снесетъ... Да, радостное Рождество у насъ, дѣточка!

БЕРТА. Маргретъ, правда, что папа боленъ?

Кормилица. Ну, конечно боленъ.

БЕРТА. Значить, мы сочельникъ не будемъ праздновать. Но отчего же онъ ходитъ, разъ онъ боленъ?

Кормилица. Такая ужъ у него болѣзнь, дѣточка,

что ходить онъ все таки можетъ. Тише, кто-то въ сѣни вошелъ! Иди, ложись... Захвати ужъ и кофейникъ! А то папа разсердится.

БЕРТА (уходитъ съ кофейникомъ). Покойной ночи, Маргретъ.

КОРМИЛИЦА. Покойной ночи, дѣточка! Господь съ тобой!

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

КОРМИЛИЦА и РОТМИСТРЪ.

РОТМИСТРЪ (снимаетъ пальто). Ты еще не спишь? Иди—ложись!

КОРМИЛИЦА. Я только дождаться хотѣла...

РОТМИСТРЪ (Зажигаетъ свѣчу, открываетъ бюро, садится и достаетъ изъ кармана письма и газеты).

КОРМИЛИЦА. Адольфъ!

РОТМИСТРЪ. Что тебѣ?

КОРМИЛИЦА. Старая барыня больна... Докторъ у насъ.

РОТМИСТРЪ. Опасно?

КОРМИЛИЦА. Кажется, нѣтъ... Простудилась.

РОТМИСТРЪ (встаетъ). Кто былъ отецъ твоего ребенка Маргретъ?

КОРМИЛИЦА. Сколько разъ я тебѣ говорила,—мошенникъ Югансонъ.

РОТМИСТРЪ. Ты увѣрена, что онъ?

КОРМИЛИЦА. Ну, какой ты ребенокъ! Да онъ одинъ только и былъ.

РОТМИСТРЪ. А онъ былъ увѣренъ, что онъ былъ единственный? Ты могла быть увѣрена въ этомъ, а онъ—нѣтъ. Въ этомъ и разница!

КОРМИЛИЦА. Никакой разницы не вижу!

Ротмистръ. Ты ея не видишь, а разница всетаки есть! (Перелистываетъ альбомъ съ фотографіями на столѣ). По твоему, Берта похожа на меня?

(Разсматриваетъ чей-то портретъ въ альбомѣ).

Кормилица. Какъ одно яйцо на другое!

Ротмистръ. А Югансонъ признавалъ себя отцомъ?

Кормилица. По неволѣ пришлось.

Ротмистръ. По неволѣ? Ужасно!—А, вотъ и докторъ!

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

РОТМИСТРЪ. КОРМИЛИЦА. ДОКТОРЪ.

Ротмистръ. Добрый вечеръ, докторъ! Что такое съ тещей?

Докторъ. Ничего опаснаго... Легкій вывихъ лѣвой ноги.

Ротмистръ. А Маргретъ какъ будто сказала,—простудилась. Разныя толкованія... Иди, ложись, Маргретъ! (Кормилица уходитъ. Пауза). Садитесь пожалуйста, докторъ!

Докторъ (садится). Благодарю васъ!

Ротмистръ. Правда, что при скрещиваньи зебры съ кобылой получаютъ полосатые жеребята?

Докторъ (удивленно). Совершенно вѣрно.

Ротмистръ. А правда, что и слѣдующіе жеребята рождаются полосатыми, хотя бы кобыла скрещивалась не съ зеброй, а съ жеребцомъ?

Докторъ. И это правда.

Ротмистръ. Такъ что при извѣстныхъ обстоятельствахъ простой жеребецъ можетъ быть отцомъ полосатаго жеребенка и наоборотъ?

Докторъ. Да, правильно.

Ротмистръ. То-есть сходство потомства съ отцомъ ничего не доказываетъ?

Докторъ. Ну...

Ротмистръ. То есть отцовство не можетъ быть доказано.

Докторъ. О, г. ротмистръ...

Ротмистръ. Вы вдовець?.. У васъ были дѣти?

Докторъ. Да...

Ротмистръ. Вы, какъ отецъ, не чувствовали себя иногда смѣшнымъ? Для меня ничего не можетъ быть комичнѣе отца, гуляющаго съ своимъ ребенкомъ по улицѣ или говорящаго о *своихъ* дѣтяхъ. Слѣдовало бы говорить, конечно,—«ребенокъ моей жены». Вы никогда не чувствовали ложности вашего положенія?.. Никогда не являлось у васъ искушенія—усомниться?.. Я не хочу сказать заподозрить, потому что, какъ джентельменъ, я полагаю, что ваша супруга была выше всякихъ подозрѣній...

Докторъ. Нѣтъ, ничего подобнаго со мной не бывало. А дѣтей, г. ротмистръ, приходится принимать на вѣру, какъ сказалъ, кажется, Гёте.

Ротмистръ. На вѣру, когда дѣло касается женщины? Ну, это опасно!

Докторъ. Разныя бываютъ женщины.

Ротмистръ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что женщины всегда одинаковы. Въ молодости я былъ здоровъ и—не скрою—красивъ. И вотъ теперь я ясно вспоминаю только два происшествія, которыя въ послѣдствіи пробудили во мнѣ нѣкоторое опасеніе.—Ѣхаль я однажды на пароходѣ и сидѣлъ съ нѣсколькими пріятелями въ рубкѣ. Прямо противъ меня сидѣла молоденькая содержательница ресторана и со слезами рассказывала о томъ, какъ погибъ при кораблекрушеніи ея женихъ. Мы жалѣли ее... Потомъ я

спросилъ шампанскаго. Послѣ второго бокала я осмѣлился дотронуться до ея ноги, послѣ четвертаго до колѣна, и до наступленія утра она нашла со мной полное утѣшеніе.

Докторъ. Мухи и среди зимы бываютъ... Исключеніе!

Ротмистръ. Сейчасъ будетъ вторая и, надѣюсь, настоящая—лѣтняя... Жилъ я въ одномъ курортѣ на западномъ берегу. Жила тамъ также одна молодая дама съ дѣтьми,—мужъ оставался въ городѣ. Была она религіозна, самыхъ строгихъ взглядовъ, читала мнѣ проповѣди, была, насколько я понимаю, вполне честной женщиной. Далъ я ей разъ книгу, потомъ другую. Уѣзжая, она—рѣдко бываетъ—книги мнѣ возвратила. Три мѣсяца спустя въ одной изъ этихъ книгъ я нашелъ ея визитную карточку съ весьма откровеннымъ признаніемъ. Оно было очень невинно, настолько можетъ быть невинно объясненіе замужней женщины постороннему мужчинѣ, который никогда за ней не ухаживалъ. Отсюда мораль: вѣрь, но не слишкомъ!

Докторъ. Но и не вѣрь слишкомъ мало!

Ротмистръ. Нѣтъ, нѣтъ, ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало. И знаете, докторъ, эта женщина была настолько хитра и безчестна, что рассказала своему мужу о томъ, что увлекалась мною. Въ этомъ то главная опасность и есть, что онѣ даже не сознаютъ своей инстинктивной нечестности. Это, конечно,—смягчающее вину обстоятельство, но отъ обвинительнаго приговора все таки это не избавляетъ.

Докторъ. Ваши мысли, г. ротмистръ, принимаютъ болѣзненное направленіе... Обратите на себя вниманіе.

Ротмистръ. Не употребляйте пожалуйста слова — болѣзненный... Видите ли, во всѣхъ паровыхъ котлахъ происходитъ взрывъ, когда манометръ доходитъ до цифры 100, но цифра эта не одинакова для всѣхъ котловъ.,

Понимаете?—Между прочимъ, вы вѣдь находитесь здѣсь, чтобы наблюдать за мной. Не будь я женщиной, я бы имѣлъ теперь право обвинять или, какъ болѣе хитро выражаются, жаловаться... Могъ бы вамъ преподнести діагнозъ, и даже больше,—исторію болѣзни. Но, къ несчастью, я мужчина, и мнѣ остается, какъ римлянину, скрестить руки и затаить дыханіе, пока я не умру. Покойной ночи!

Докторъ. Если вы больны, г. ротмистръ, то едвали вы унижите ваше самолюбіе мужчины, рассказавъ мнѣ все... Мнѣ бы слѣдовало выслушать и другую сторону.

Ротмистръ. Повидимому, вы сочли достаточнымъ выслушать одну сторону.

Докторъ. Нѣтъ, г. ротмистръ! Знаете, когда я слушалъ надгробную рѣчь г-жи Альвингъ*), я невольно подумалъ: а безумно жаль, что этого господина уже заставили умереть.

Ротмистръ. И вы думаете, онъ сталъ бы возражать, еслибы былъ живъ. Неужели вы допускаете, что, еслибы ктонибудь изъ мужей воскресъ, ему бы повѣрили? Доброй ночи, докторъ. Видите, я спокоенъ! Отправляйтесь и вы спокойно спать!

Докторъ. Покойной ночи... Мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать.

Ротмистръ. Итакъ—враги?

Докторъ. Далеко нѣтъ. Жаль только, что мы не можемъ быть друзьями. Покойной ночи! (Уходитъ).

Ротмистръ. (Провожаетъ доктора до двери на заднемъ планѣ, затѣмъ идетъ къ лѣвой двери и притворяетъ ее). Войди... По крайней мѣрѣ, можно будетъ разговаривать! Я слышалъ, какъ ты стояла тамъ и подслушивала.

*) Въ «Привидѣніяхъ» Ибсена.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ЛАУРА (смущенная входитъ). РОТМИСТРЪ (садится за бюро).

Ротмистръ. Хоть и очень поздно, но намъ необходимо договориться. Садись. (Пауза). Я былъ вечеромъ на почтѣ и взялъ письма. Изъ нихъ очевидно, что ты перехватывала всѣ мои письма, равно какъ и письма ко мнѣ. Въ результатѣ потеря времени уничтожила плоды моихъ работъ.

ЛАУРА. Мной руководило желаніе добра, такъ какъ изъ за этихъ работъ ты пренебрегалъ службой.

Ротмистръ. Ну, руководило тобой, конечно, не желаніе добра, потому что ты знала, что эти работы въ одинъ прекрасный день дадутъ мнѣ больше почестей, чѣмъ служба. А ты меньше всего хотѣла, чтобы я достигъ чета, потому что это только подчеркнуло бы твое ничтожество. — Затѣмъ я распечаталъ письма, адресованныя къ тебѣ.

ЛАУРА. Благородно!

Ротмистръ. Очевидно, ты обо мнѣ лучшаго мнѣнія, чѣмъ можно было ожидать. — Изъ писемъ этихъ ясно, что ты съ нѣкотораго времени возстановила противъ меня прежнихъ моихъ друзей и распустила слухъ о моей душевной болѣзни. Удача въ твоихъ начинаніяхъ была полная, и теперь нѣтъ ни одного человѣка — отъ командира до кухарки включительно, — кто бы считалъ меня нормальнымъ человѣкомъ. А съ болѣзнию людей дѣло обстоитъ такъ: разумъ мой, какъ тебѣ извѣстно, находится въ полномъ порядкѣ, и я могу нести свои обязанности и по службѣ и какъ отецъ. И чувствами своими я до нѣкоторой степени управляю, пока не повреждена еще воля, но

ты старательно поработала надъ ней и, если рычагъ ослабнетъ, вся машина разлетится. Апеллировать къ твоимъ чувствамъ я не собираюсь, потому что чувствъ у тебя никакихъ нѣтъ, но я апеллирую къ твоимъ же интересамъ!

ЛАУРА. Выскажись!

РОТМИСТРЪ. Своимъ поведеніемъ тебѣ удалось пробудить во мнѣ подозрительность, сознание мое можетъ колебаться, мысли мои уже начинаютъ путаться. Это и есть приближающееся безуміе, котораго ты такъ ждешь и которое можетъ явиться каждую минуту. Теперь тебѣ предстоитъ рѣшить вопросъ, что тебѣ выгоднѣе—чтобы я остался здоровымъ или чтобы я заболѣлъ. Подумай! Если я свалюсь, я потеряю службу, и ваше дѣло плохо! Если я умру, вы получите страховую премію. Но если я самъ лишу себя жизни, вы ея не получите. Слѣдовательно, твоя выгода въ томъ, чтобы я прожилъ до конца.

ЛАУРА. Что это—ловушка?

РОТМИСТРЪ. Конечно! Отъ тебя зависитъ обойти ее или самой сунуть въ нее голову.

ЛАУРА. Ты говоришь, что лишишь себя жизни?! Ты этого не сдѣлаешь!

РОТМИСТРЪ. Ты такъ увѣрена въ этомъ? Ты думаешь, человѣкъ можетъ жить, разъ жить ему не для чего и не для кого?

ЛАУРА. Другими словами, ты сдаешься?

РОТМИСТРЪ. Нѣтъ, я предлагаю миръ.

ЛАУРА. Условія?

РОТМИСТРЪ. Сохранить мнѣ разсудокъ! Избавь меня отъ сомнѣній, и я прекращу борьбу.

ЛАУРА. Отъ какихъ сомнѣній?

РОТМИСТРЪ. Относительно рожденія Берты.

ЛАУРА. Развѣ есть какое нибудь сомнѣніе?

РОТМИСТРЪ. Да, у меня есть, и посѣяла его ты сама!

ЛАУРА. Я?

РОТМИСТРЪ. Ты влила его въ меня, какъ вливаютъ каплю бѣленнаго масла въ ухо, а обстоятельства помогли ему разростись. Избавь меня отъ неизвѣстности, скажи прямо: такъ и такъ!—И я прощу тебя!

ЛАУРА. Если я скажу, что это неправда, у тебя увѣренности не явится! Если скажу, что это правда, тогда только у тебя явится увѣренность. Значитъ, ты хочешь, чтобы это было такъ?

РОТМИСТРЪ. Странно... Это потому, что первая возможность доказана быть не можетъ, а вторая можетъ быть доказана!

ЛАУРА. У тебя есть какія нибудь основанія для этой подозрительности?

РОТМИСТРЪ. И да, и нѣтъ!

ЛАУРА. Повидимому, ты бы хотѣлъ, чтобы я оказалась виновной, чтобы отдѣлаться отъ меня и одному распорядиться ребенкомъ. Но въ эту западню ты меня не поймал.

РОТМИСТРЪ. Неужели ты думаешь, что я бы оставилъ у себя чужого ребенка, если бы убѣдился въ твоей виновности?

ЛАУРА. Напротивъ, я убѣждена какъ разъ въ обратномъ! И ты сейчасъ солгалъ, обѣщая заранѣе простить меня.

РОТМИСТРЪ. (Встаетъ). Лаура, спаси меня, спаси мой разсудокъ! Ты не понимаешь, что я говорю: Если этотъ ребенокъ не мой, я не имѣю на него никакихъ правъ и не хочу имѣть,—а вѣдь ты только этого и хочешь! Развѣ не

такъ? Или ты хочешь еще чего-нибудь большаго? Ты хочешь, взявъ всю власть надъ ребенкомъ, сохранить меня, какъ доставляющаго средства къ жизни?

Лаура. Власть—да! Изъ за чего же какъ не изъ-за власти и идетъ у насъ борьба не на животъ, а на смерть?

Ротмистръ. Для меня, не вѣрящаго въ загробную жизнь, ребенокъ именно и былъ этой будущей жизнью. Съ нимъ было неразрывно связано мое представленіе о вѣчности. И, можетъ быть, это была единственная мысль, имѣвшая реальный смыслъ. Если ты отнимешь ее у меня, жизнь моя будетъ уничтожена.

Лаура. Отчего мы не разошлись раньше?

Ротмистръ. Потому что ребенокъ связывалъ насъ, и связь эта стала цѣлью. Но какъ это произошло? Какимъ образомъ? Я никогда не думалъ объ этомъ, но теперь воспоминаніе объ этомъ встаетъ съ угрозой, съ проклятіемъ... Мы были женаты два года... но дѣтей у насъ не было. Ты лучше, чѣмъ кто либо, знаешь почему. Я заболѣлъ... былъ при смерти. Въ одинъ изъ проблесковъ сознанія я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ голоса. Ты съ адвокатомъ вела разговоръ о моемъ состояніи... Оно еще тогда было у меня. Онъ объяснилъ тебѣ, что ты не являешься наслѣдницей, потому что у тебя нѣтъ дѣтей, и спросилъ, нѣтъ ли у тебя надеждъ? Что ты отвѣтила,—не знаю... не разслышалъ. Я выздоровѣлъ, и у насъ родилась дочь... Кто ея отецъ?

Лаура. Ты.

Ротмистръ. Нѣтъ, не я! Въ этомъ вопросѣ погребено преступленіе, и трупъ его начинаетъ издавать зловонный запахъ. И какое адское преступленіе! Чтобы освободить черныхъ рабовъ, у васъ хватило сердечной мягкости, но бѣлыхъ... бѣлыхъ вы держите! Я, какъ рабъ, работалъ на тебя, на твоего ребенка, на твою мать, на твою при-

слугу! Я принесъ въ жертву свое призваніе, карьеру... Я переносилъ мученія, пытки, безсонныя ночи, волненія ради васъ, пока мои волосы не посѣдѣли... И все это только ради того, чтобы ты могла жить безъ заботъ, а когда со-старѣешься, могла бы еще разъ насладиться жизнью въ твоемъ ребенкѣ. И все это я выносилъ безъ малѣйшихъ жалобъ только потому, что считалъ себя отцемъ этого ребенка. Это самая простая форма воровства, самое грубое рабство. Я вынесъ семнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ и оказался невиненъ. Чѣмъ можешь ты вознаградить меня?

ЛАУРА. Вотъ теперь ты совсѣмъ сумасшедшій!

РОТМИСТРЪ (садится). На это ты и надѣшься! И я видѣлъ, какъ ты работала надъ тѣмъ, чтобы скрыть свое преступленіе. Я жалѣлъ тебя, потому что не понималъ твоей печали. Я часто отгонялъ отъ тебя муки совѣсти, думая, что отгоняю больныя мысли... Не желая подслушивать, я слышалъ, какъ ты кричала во снѣ... Теперь я вспоминаю предпоследнюю ночь передъ рожденіемъ Берты. Было между двумя и тремя часами ночи, я сидѣлъ и читалъ. Ты вдругъ закричала такимъ голосомъ, какъ будто тебя душили. «Не подходи! Не подходи!» Я постучалъ въ стѣну... я не хотѣлъ услышать еще что-нибудь! У меня ужъ давно были подозрѣнія, но я не хотѣлъ услышать подтвержденій ихъ.—Все это я выстрадалъ ради тебя!.. Чѣмъ ты вознаградила меня за это?

ЛАУРА. Что же я могу сдѣлать? Клянусь тебѣ Богомъ и всѣмъ, что свято для меня,—ты отецъ Берты!

РОТМИСТРЪ. Какой толкъ въ этой клятвѣ, когда ты сама сказала, что мать ради ребенка можетъ и должна идти на всѣ преступленія. Заклинаю тебя памятью прошлаго, какъ раненый молить о послѣднемъ ударѣ, молю тебя—скажи мнѣ все. Неужели же ты не видишь, что я

жалуюсь тебѣ, какъ матери. Неужели ты не можешь забыть о томъ, что я мужчина и солдатъ, который однимъ словомъ укрощалъ людей и животныхъ? Я прошу только состраданья, какъ больной, я слагаю знаки былой власти и умоляю пощадить мою жизнь!

ЛАУРА. (Приближается и кладетъ руку ему на лобъ). Ты—мужчина и плачешь?

РОТМИСТРЪ. Да, да, я—мужчина—и плачу. Развѣ у мужчины нѣтъ глазъ? Развѣ нѣтъ у мужчины рукъ, тѣла, чувствъ, привязанностей, страстей? Развѣ онъ питается не той же пищей, развѣ его ранять не тѣмъ же оружіемъ, и не та же зима и лѣто заставляютъ его чувствовать холодъ и тепло, какъ и женщину? И если вы раните насъ, развѣ мы не истекаемъ кровью? Когда щекочете, мы не хохочемъ? Почему же мужчина не можетъ жаловаться и солдатъ плакать? Это не по-мужски! Почему не по-мужски?

ЛАУРА. Плачь, дитя мое, мать твоя съ тобой. Помнишь, какъ вначалѣ я была тебѣ второй матерью. Твоему большому сильному тѣлу не хватало нервовъ. Ты былъ взрослымъ ребенкомъ, которой или родился слишкомъ рано, или рожденья котораго не хотѣли.

РОТМИСТРЪ. Да, да, такъ и было. Отецъ съ матерью не желали моего рожденья... Поэтому я и родился безъ воли. И когда наши жизни соединились, мнѣ казалось, я дополнилъ себя. Поэтому власть и должна была перейти къ тебѣ. Я—начальникъ въ казармахъ передъ солдатами, превращался въ подчиненнаго около тебя... Я не могъ существовать безъ тебя, смотрѣлъ на тебя снизу вверхъ, какъ на высшее существо, какъ твой неразумный ребенокъ.

ЛАУРА. Да, такъ тогда и было... Поэтому я и любила тебя, какъ собственнаго ребенка. И каждый разъ—ты это навѣрное замѣчалъ,—каждый разъ, когда твои чувства мѣ-

няли окраску и ты являлся моимъ любовникомъ, я сгорала отъ стыда и за блаженствомъ объятій слѣдовали угрызенія совѣсти, какъ бы послѣ кровосмѣшенія!.. Мать превращалась въ любовницу! Фу!

Ротмистръ. Я замѣчалъ, но не понималъ. Я думалъ, что ты презираешь меня за слабость и, становясь мужчиной хотѣлъ покорить тебя какъ женщину.

Лаура. Но въ этомъ то и была ошибка. Мать была тебѣ другомъ. Любовь между женщиной и женщиной всегда борьба. И не думай, что я отдавала себя... Я не отдавала, а брала то, что хотѣла имѣть. Но перевѣсъ былъ на твоей сторонѣ, и я его чувствовала, но хотѣла, чтобы и ты почувствовалъ его.

Ротмистръ. Перевѣсъ былъ всегда на твоей сторонѣ. Ты умѣла на яву усыплять меня, и я ничего не видѣлъ и не слышалъ, я только повиновался. Ты умѣла давать мнѣ картофель и убѣждать, что даешь персики! Ты заставляла меня восхищаться твоими неумными выдумками, какъ гениальными мыслями. Ты бы могла заставить меня пойти на преступленіе, на самые низкіе поступки. Тебѣ недоставало ума, но вмѣсто того, чтобы слѣдовать моимъ совѣтамъ, ты желала поступать по своему. А когда я очнулся и понялъ, что моя честь задѣта, я хотѣлъ возстановить ее какимъ нибудь великимъ подвигомъ, открытіемъ или, наконецъ, честнымъ самоубійствомъ... Хотѣлъ отправиться на войну, но не смогъ. Тогда я бросился въ науку, и вотъ теперь, когда я уже протянулъ руку за плодомъ, ты хочешь отрубить ее. Теперь я обезчещенъ, и жить больше я не могу... Мужчина безъ чести жить не можетъ!

Лаура. А женщина?

Ротмистръ. Можетъ! У нея есть то, чего нѣтъ у мужчины—дѣти! Но мы и другіе люди прожили нашу жизнь

безсознательно, какъ дѣти, со всѣми фантазіями, идеалами, иллюзіями и вдругъ мы проснулись. Это еще куда бы ни шло, но проснулись мы, и оказалось, что на томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть голова, очутились ноги, да и тотъ, кто разбудилъ насъ, самъ былъ лунатикъ. Когда женщины старятся и перестаютъ быть женщинами, у нихъ начинаетъ расти борода. Интересно, что вырастаетъ у мужчинъ, когда они старятся и перестаютъ быть мужчинами? Кричавшіе пѣтухами, оказывается, ужъ не пѣтухи, а каплуны, и призывнымъ крикомъ ихъ вторятъ пулярдки! И когда должно наконецъ, взойти солнце, мы сидимъ, залитые крупнымъ свѣтомъ, среди развалинъ, какъ въ доброе старое время. И не было никакого пробужденія, была только утренняя дремота съ тяжелыми снами!

Лаура. Тебѣ бы слѣдовало быть поэтомъ!

Ротмистръ. Кто знаетъ!

Лаура. А теперь я хочу спать! Если у тебя есть еще какія нибудь фантазіи, побереги ихъ на утро!

Ротмистръ. Еще одно слово изъ области реального. Ты ненавидишь меня?

Лаура. По временамъ да! Когда ты мужчина!

Ротмистръ. Какая-то расовая ненависть! Если правда, что мы произошли отъ обезьянъ, то навѣрное,—отъ двухъ различныхъ породъ,—не похожи же мы другъ на друга?

Лаура. Къ чему ты все это говоришь?

Ротмистръ. Я чувствую, что въ этой битвѣ одинъ изъ насъ погибнетъ.

Лаура. Кто?

Ротмистръ. Очевидно, слабѣйшій!

Лаура. И сильнѣйшій окажется правъ?

Ротмистръ. Правъ всегда тотъ, въ чьихъ рукахъ власть.

ЛАУРА. Въ такомъ случаѣ—права я.

РОТМИСТРЪ. Развѣ власть уже въ твоихъ рукахъ?

ЛАУРА. Да, и законная, потому что завтра надъ тобой будетъ назначена опека.

РОТМИСТРЪ. Опека?

ЛАУРА. Да, и я буду воспитывать своего ребенка, не обращая вниманія на твои бредни.

РОТМИСТРЪ. Кто же будетъ платить за воспитаніе, разъ не будетъ меня?

ЛАУРА. А твоя пенсія!

РОТМИСТРЪ (съ угрожающимъ видомъ направляется къ ней). Какимъ же образомъ ты добьешься опеки?

ЛАУРА (вынимаетъ письмо). На основаніи этого письма, засвидѣтельствованная копія съ котораго находится уже въ судѣ.

РОТМИСТРЪ. Какого письма?

ЛАУРА (отступаетъ къ двери налѣво). Твоего собственнаго, въ которомъ ты самъ заявляешь врачу, что ты сумасшедшій! (Ротмистръ молча не отрываетъ отъ нея глазъ). Теперь ты исполнилъ свое назначеніе необходимаго, къ несчастью, отца и кормильца. Ты болѣе не нуженъ и долженъ уйти... Долженъ, потому что, какъ видишь, мой разумъ такъ же силенъ, какъ и моя воля.. Долженъ уйти, потому что ты не захотѣлъ остаться и признать ихъ. (Ротмистръ идетъ къ столу, хватаетъ горящую лампу и бросаетъ ее въ Лауру. Она скрывается за дверь).

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Та же декорація, только лампа другая. Дверь, оклеенная обоями, забаррикадирована стуломъ.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ЛАУРА и КОРМИЛИЦА.

ЛАУРА. Получила ключи?

КОРМИЛИЦА. Получила? Куда тутъ, Господи! Просто взяла изъ кармана, когда Нейдъ вынесъ платье чистить!

ЛАУРА. Ахъ, значить дежурить Нейдъ?

КОРМИЛИЦА. Да, Нейдъ.

ЛАУРА. Дай-ка мнѣ ключи.

КОРМИЛИЦА. Только ужъ это совсѣмъ воровство! Слышите, какъ онъ ходитъ на верху! Взадъ и впередъ! Взадъ и впередъ!

ЛАУРА. А дверь хорошо заперта?

КОРМИЛИЦА. Хорошо.

ЛАУРА (открываетъ бюро и садится). Ты чувствительность свою припрядь, Маргретъ! Для нашего же спасенія больше всего необходимо спокойствіе! (Стучать). Кто тамъ?

КОРМИЛИЦА (отворяетъ выходную дверь). Нейдъ!

ЛАУРА. Впусти!

Нейдъ (входитъ). Деша отъ г. Полковника.

ЛАУРА. Дай сюда! (Читаетъ). Хорошо! Ты всѣ патроны вынулъ, Нейдъ, и изъ ружей и изъ патронташей?

Нѣйдъ. Такъ точно.

ЛАУРА. Подожди за дверью... Я напишу отвѣтъ полковнику. (Нѣйдъ уходитъ. Лаура пишетъ).

КОРМИЛИЦА. Вы слышите? Что это онъ тамъ задумалъ?

ЛАУРА. Молчи, когда я пишу! (Слышенъ звукъ пилы).

КОРМИЛИЦА (вполголоса). Господи, будь милостивъ къ намъ... Чѣмъ все это кончится?

ЛАУРА. Вотъ! Передай это Нейду! И чтобы мать ничего не знала! Слышишь? (Кормилица идетъ къ двери. Лаура выдвигаетъ ящикъ въ бюро и вынимаетъ бумаги).

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ЛАУРА и ПАСТОРЪ.

(Онъ беретъ стулъ и садится рядомъ съ Лаурой около бюро).

ПАСТОРЪ. Добрый вечеръ, сестра! Меня весь день не было дома, какъ ты слышала... Я только что вернулся... А у васъ тутъ плохія дѣла пошли...

ЛАУРА. Да, братъ, такія сутки пришлось пережить впервые.

ПАСТОРЪ. Но ты, повидимому, не пострадала.

ЛАУРА. Нѣтъ, слава Богу! Но ты только подумай, что могло произойти.

ПАСТОРЪ. Но объясни, какъ это началось? Я уже столько версій слыхалъ...

ЛАУРА. Началось съ дикихъ бредней, будто онъ не отецъ Берты, а кончилось тѣмъ, что онъ бросилъ горящую лампу мнѣ въ лицо.

Пасторъ. Ужасно! Вполнѣ опредѣлившееся безуміе! Что же теперь будетъ?

ЛАУРА. Необходимо помѣшать возможнымъ новымъ насиліямъ! Докторъ ужъ послалъ въ больницу для умалишенныхъ за смирительной рубашкой. Я съ своей стороны послала письмо полковнику, и пока стараюсь разобраться въ дѣлахъ, которыя онъ велъ непростительно небрежно.

Пасторъ. Грустная исторія, но я всегда ждалъ, что у васъ кончится плохо. Огонь и вода — взрывъ неизбѣженъ! Что это у него въ ящикѣ?

ЛАУРА (выдвинула ящикъ бюро). Видишь, онъ все тутъ сберегалъ.

ПАСТОРЪ (роется въ ящикѣ). Господи! Твоя кукла... Твоя крестильная рубашка... Погремушка Берты... Твои письма... Медальонъ... (вытираетъ глаза). И любилъ же онъ тебя, Лаура!.. Этого я даже не ожидалъ!..

ЛАУРА. Да, раньше, повидимому, любилъ... но время... время все измѣняетъ.

ПАСТОРЪ. Что это за большая бумага? Квитанція на мѣсто на кладбищѣ!—Да, лучше ужъ въ могилу, чѣмъ въ сумасшедшій домъ! Лаура, скажи,—ты, правда, ни въ чемъ не виновата?

ЛАУРА. Я? Въ чемъ же я могу быть виновата, если еловѣкъ сошелъ съ ума?

ПАСТОРЪ. Да, да... я ничего не говорю... Конечно, ты мнѣ все-таки ближе...

ЛАУРА. На что ты намекаешь?

ПАСТОРЪ (пристально смотритъ на нее). Слушай!

ЛАУРА. Что?

ПАСТОРЪ. Слушай... Вѣдь не станешь же ты отрицать, что воспитывать единолично дочь — соотвѣтствуетъ твоему желанію?

ЛАУРА. Я не понимаю тебя...

ПАСТОРЪ. А я восхищаюсь тобой!

ЛАУРА. Мной?.. Гм...

ПАСТОРЪ. И я буду опекуномъ этого вольнодумца? Знаешь, я всегда считалъ его сорной травой въ нашемъ огородѣ.

ЛАУРА (короткій подавленный смѣхъ, затѣмъ серьезно). И ты это позволяешь себѣ говорить мнѣ—его женѣ?

ПАСТОРЪ. Сколько, однако, въ тебѣ силы, Лаура! Невѣроятно много силы! Какъ лисица, попавшая въ капканъ, ты предпочтешь сама откусить себѣ ногу, только бы не данься въ руки. Какъ геніальный воръ. Никакихъ соучастниковъ, даже собственной совѣсти!—Посмотришь въ зеркало! Не смѣешь?!

ЛАУРА. Никогда не гляжусь въ зеркало!

ПАСТОРЪ. Нѣтъ, ты просто не смѣешь! — Можно взглянуть на руку? Ни одного предательскаго пятнышка крови! Ни малѣйшаго слѣда коварнаго яда! Маленькое невинное убійство... Всѣ законы безсильны... Безсознательное преступленіе!.. Безсознательно... Миленькое изобрѣтеніе!

ЛАУРА. Ты столько болтаешь, точно у тебя самого совѣсть нечиста.—Донеси на меня, если можешь!

ПАСТОРЪ. Какъ человѣкъ, я бы съ чувствомъ удовлетворенія увидалъ бы тебя на эшафотѣ! Какъ братъ и священникъ—я не осуждаю.—Слышишь, какъ онъ умѣло обращается съ пилой?.. Можно подумать.—Смотри, Лаура, если этотъ человѣкъ вывется...

ЛАУРА (безспокойно вскакиваетъ). Ты думаешь?

ПАСТОРЪ. Онъ тебя между двухъ досокъ распилить...

ЛАУРА (идетъ къ ружьямъ). Разряжены! Всѣ разряжены!—Нѣйды!—Погоди!.. Нѣтъ! Нѣтъ! Наконецъ, докторы!

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

ТЪ ЖЕ и ДОКТОРЪ.

ЛАУРА (идеть навстрѣчу доктору). Ну, наконецъ... Убѣдились теперь?

ДОКТОРЪ. Убѣдился, что произошло насиліе, но еще вопросъ,—является это насиліе послѣдствіемъ взрыва гнѣва или безумія?

ПАСТОРЪ. Да, оставляя въ сторонѣ этотъ взрывъ, вы должны признать, что у него существуютъ навязчивыя идеи.

ДОКТОРЪ. Я думаю, у васъ, г. Пасторъ, существуютъ еще болѣе навязчивыя идеи.

ПАСТОРЪ. Мои несокрушимыя взгляды на высшія...

ДОКТОРЪ. Ну, оставимъ эти взгляды!.. Теперь зависитъ отъ васъ, желаете вы отправить вашего мужа въ тюрьму или въ сумасшедшій домъ. Какъ вы смотрите на поступокъ ротмистра?

ЛАУРА. Сразу я не могу на это отвѣтить.

ДОКТОРЪ. У васъ нѣтъ опредѣленнаго взгляда, вы не знаете, что больше соотвѣтствуетъ интересамъ семьи?.. А вы что скажете, г. Пасторъ?

ПАСТОРЪ. Въ обоихъ случаяхъ скандалъ неизбеженъ... Не такъ легко рѣшить.

ЛАУРА. А если онъ за насиліе будетъ приговоренъ только къ штрафу! Насиліе можетъ повториться!

ДОКТОРЪ. И если даже онъ попадетъ въ тюрьму, черезъ нѣсколько времени онъ вернется и, конечно, сумѣетъ отомстить! И тогда рѣшайте на семейномъ совѣтѣ.

(Лаура и Пасторъ шопотомъ совѣтуются. Пауза.)

ПАСТОРЪ. Да свершится справедливость!

ЛАУРА. Одну секунду, докторъ! Вы сами еще не высказали своего взгляда на... больного.

ДОКТОРЪ. Если вы требуете моего мнѣнія, я склоненъ видѣть въ немъ не преступника, а больного... Сумасшедшій онъ или нѣтъ, осторожность требуетъ, чтобы... больной не могъ повторить своихъ покушеній... Гдѣ кормилица?

ЛАУРА. Зачѣмъ она?

ДОКТОРЪ. Она надѣнетъ по моему знаку на больного смирительную рубашку во время моего разговора съ нимъ... Но не раньше, какъ по знаку... Она у меня съ собой. (Уходитъ въ переднюю и возвращается съ большимъ сверткомъ). Прикажите, пожалуйста, позвать кормилицу. (Лаура звонитъ).

ПАСТОРЪ. «Страшно попасть въ руки Бога живого». (Входитъ кормилица).

ДОКТОРЪ (вынимаетъ рубашку). Вотъ она! (Общее движеніе). Видите, эту рубашку вы накинете на ротмистра сзади, если я найду это необходимымъ, чтобы помѣшать ему произвести какое нибудь насиліе. Какъ видите, движеніямъ его будутъ мѣшать эти длиннѣйшіе рукава... Они завязываются сзади... Здѣсь есть еще два ремня съ пряжками, которые можно прикрѣпить къ стулу или къ дивану... гдѣ придется... Сумѣете вы это сдѣлать?

КОРМИЛИЦА. Нѣтъ, г. докторъ! Я не могу... Не могу!

ЛАУРА. Отчего вы сами не хотите, докторъ!

ДОКТОРЪ. Потому что больной ко мнѣ относится съ недовѣріемъ. Собственно говоря, самое правильное, чтобы вы это сдѣлали, но боюсь, онъ и вамъ не довѣряетъ.

ЛАУРА (дѣлаетъ отрицательный знакъ). Можетъ быть, пасторъ...

ПАСТОРЪ. Нѣтъ, ужъ благодарю.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ТЪ ЖЕ и НЁИДЪ.

ЛАУРА. Письмо отнесъ?

Нёйдъ. Такъ точно.

ДОКТОРЪ. Ахъ, это ты, Нейдъ. Ты знаешь все... Знаешь, что ротмистръ заболѣлъ... душевно. Ты можешь помочь намъ и... съ больнымъ...

Нёйдъ. Если я могу быть чѣмъ нибудь полезенъ г. ротмистру, я всегда готовъ...

ДОКТОРЪ. Ты надѣнешь на него вотъ эту рубашку.

КОРМИЛИЦА. Нѣтъ, пусть онъ его не трогаетъ. Нёйдъ сдѣлаетъ больно... Лучше ужъ я... нѣжно... тихо... А Нёйдъ пусть за дверь постоитъ, на всякій случай... за дверь пусть стоитъ!.. Это вѣрно!

(Въ дверь, оклеенную обоями, раздается стукъ).

ДОКТОРЪ. Это онъ! Положите рубашку на стулъ подъ платокъ, и пока выйдите всѣ... А мы съ пасторомъ встрѣтимъ его здѣсь... дверь все равно не выдержитъ...—Уходите!

КОРМИЛИЦА (уходитъ въ лѣвую дверь). Господи, спаси... (Лаура запираетъ бюро и уходитъ тоже въ лѣвую дверь, Нёйдъ въ дверь на заднемъ планѣ).

ПЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ПАСТОРЪ, ДОКТОРЪ и РОТМИСТРЪ.

(Въ дверь ломается съ такой силой, что замокъ резлетается, стулъ падаетъ на полъ. Входитъ Ротмистръ съ пачкой книгъ подъ мышкой и съ пилой въ рукѣ. Онъ безъ пиджака, волосы растрепаны. Видъ испуганный, но дикій.

Ротмистръ (кладеть книги на столъ). Это во всѣхъ книгахъ есть!.. Значить, я не сумасшедшій! Вотъ Одиссея, первая пѣснь, стихъ 215, Телемакъ говоритъ Аѳинѣ:

Мать увѣряеть, что сыномъ ему (т. е. Одиссею) прихожусь.

Но точно

Самъ я сказать не могу, ибо знать не дано человѣку,
Кто былъ отцемъ.

И это подозрѣніе Телемакъ питаетъ къ Пенелопѣ, достойнѣйшей изъ женщинъ. Превосходно! Правда?.. А вотъ пророкъ Іезекииль: «Только безумецъ можетъ сказать,—смотри, вотъ мой отецъ: о себѣ никто не можетъ знать, отъ какого колѣна происходитъ». Это ясно! А тутъ что? Исторія русской литературы Мерзлякова: «Величайшій русскій поэтъ Александръ Пушкинъ погибъ скорѣе отъ слуховъ о невѣрности жены, чѣмъ отъ пули, которую получилъ на дуэли. На смертномъ ложѣ онъ продолжалъ клясться, что она невинна!» Осель! Осель! Какъ могъ онъ клясться?—Вотъ видите, я читаю...—Ахъ, Іонасъ, ты здѣсь! И докторъ, конечно! Вы слышали, что я отвѣтилъ англійской дамѣ, которая жаловалась, что ирландцы имѣютъ привычку швырять въ фізіономію своимъ женамъ горящія лампы?—Я отвѣтилъ: Что за твари?!—Твари? —пролепетала она!—Да, конечно!—отвѣтилъ я: если ужъ дѣло доходить до того, что мужчина, мужъ, который любилъ и обожалъ свою жену, хватаетъ горящую лампу и бросаетъ ее въ лицо,—то очевидно...

Пасторъ. Что—очевидно?

Ротмистръ. Ничего!.. Очевидно не можетъ быть ничего... Только вѣроятно... Правда, Іонасъ? Вѣрь и блаженъ будешь! Блаженъ?.. Нѣтъ, я знаю, что вѣра не даетъ блаженства!.. Я это знаю.

Докторъ. Господинъ ротмистръ!

Ротмистръ. Молчите!.. Я не хочу съ вами разговаривать... Не желаю слушать, какъ вы—какъ телефонъ—будете передавать всѣ сплетни оттуда!.. Понимаете?.. Оттуда!.. Послушай, Ионасъ, неужели ты вѣришь, что ты отецъ своихъ дѣтей? Мнѣ вспоминается, что у васъ жилъ воспитатель съ красивыми глазами... Тогда много сплетенъ ходило.

Пасторъ. Поосторожнѣе, Адольфъ!

Ротмистръ. А ты пощупай подъ парикомъ! А? Нѣтъ ли тамъ парочки шишекъ? А, поблѣднѣлъ! Ну, конечно, все это сплетни... Но, Боже мой, сколько этихъ сплетенъ! А вѣдь смѣшныя мы животныя,—мы—женатые люди! Правда, докторъ? А съ вашимъ супружескимъ ложемъ какъ обстояло? Не было ли у васъ въ домѣ какого нибудь лейтенанта? Погодите, сейчасъ угадаю... Его звали... (Онъ шепчетъ что-то доктору). Смотрите, и онъ поблѣднѣлъ! Не сердитесь!.. Она уже умерла, давно въ землѣ лежитъ, а что было, того не измѣнишь! Кстати, я знавалъ его... Теперь онъ... смотрите прямо на меня, докторъ... Нѣтъ, нѣтъ, прямо въ глаза...—въ драгунскомъ полку—маіоръ! Ей Богу, кажется, и у него рога!

Докторъ (съ страданьемъ). Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ, г. ротмистръ!

Ротмистръ. Ну, вотъ видите, только что упомянулъ я о рогахъ, какъ онъ пожелалъ перемѣнить тему разговора.

Пасторъ. Знаешь, братъ, ты вѣдь боленъ... душевно.

Ротмистръ. Я это отлично знаю... Но дайте мнѣ позаняться нѣсколько времени вашими украшениями на лбу, придется и васъ запрягать. Я сумасшедшій, но что свело меня съ ума? Это некасается васъ... и никого не касается! Вамъ угодно поговорить о чемъ нибудь другомъ? (Беретъ со

стола альбомъ съ фотографическими карточками). Господи,—моя дочь! Моя?!.. Этого нельзя знать? Знаешь, какъ слѣдовало бы поступать, чтобы знать навѣрное?.. Сначала, чтобы получить общественное положеніе,—жениться, затѣмъ сейчасъ же развестись. И стать любовникомъ и любовницей... Затѣмъ дѣтей усыновить... Тогда, по крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, что это наши усыновленные дѣти! Правильно? Но къ чему все это теперь? Какая польза мнѣ, когда вы отняли у меня мою идею вѣчности? Что мнѣ дастъ наука и философія, если у меня нѣтъ цѣли жизни? Къ чему мнѣ сама жизнь, когда у меня нѣтъ чести? Я привилъ свою правую руку, половину своего головного и спинного мозга къ другому стволу, потому что вѣрилъ, что это дастъ жизнь единственному, но болѣе совершенному растенію... И вдругъ является кто-то съ ножомъ и перерѣзаетъ стволъ ниже прививки... И я—полудерево, а то растеть съ моей рукой и половиной моего мозга, а я исчезаю, гибну, потому что отдалъ лучшія части свои... Теперь я умру! Дѣлайте со мной, что хотите... Я уже не существую! (Докторъ и Пасторъ шепчутся и уходятъ въ лѣвую дверь. Сейчасъ же входитъ Берта).

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

РОТМИСТРЪ, БЕРТА, потомъ КОРМИЛИЦА.

(Ротмистръ сидитъ, поникнувъ, у стола).

БЕРТА (подходить). Ты боленъ, папа?

РОТМИСТРЪ (взглядываетъ на нее съ оскорбленнымъ видомъ). Я?

БЕРТА. Ты знаешь, что ты сдѣлалъ? Помнишь, что ты бросилъ въ маму лампу?

Ротмистръ. Яр.. Бросиль?..

БЕРТА. Ну, да!.. Подумай только, еслибы она пострадала!

Ротмистръ. Что бы тогда было?

БЕРТА. Ты не отецъ мнѣ, если ты такъ говоришь.

Ротмистръ. Что ты сказала? Я тебѣ не отецъ? Откуда ты это знаешь? Кто тебѣ сказалъ? Кто же твой отецъ? Кто?

БЕРТА. Во всякомъ случаѣ не ты!

Ротмистръ. Ну, конечно, не я! Но кто же? Кто? Повидимому, ты знаешь это точно! Кто тебя посвятилъ? И я дожиль до того, что моя дочь приходитъ и заявляетъ мнѣ въ глаза, что я ей не отецъ! Ты не понимаешь, что этими словами ты позоришь свою мать? Не понимаешь, что позоръ ей,—если это правда.

БЕРТА. Не смѣй говорить дурно о мамѣ!.. Слышишь?

Ротмистръ. Вы всѣ за одно! Всѣ противъ меня! И всегда такъ было!

БЕРТА. Папа!

Ротмистръ. Не смѣй произносить этого слова!

БЕРТА. Папа! Папа!

Ротмистръ (привлекаетъ ее къ себѣ). Берта, милая, дорогая дѣвочка! Вѣдь ты же моя дочь! Да, да!.. Иначе быть не можетъ! Ну, конечно! Это былъ больной бредъ, который приходитъ съ вѣтромъ и исчезаетъ, какъ чума или лихорадка!—Взгляни на меня, чтобы я могъ увидѣть въ твоихъ глазахъ свою душу!—Но я вижу и ея душу! У тебя двѣ души,—одна любитъ меня, а другая ненавидитъ! А ты должна только любить меня! Ты должна имѣть одну душу, иначе не будетъ для тебя покоя, какъ и для меня. У тебя должна быть только одна мысль,—дитя моей мысли, и одна воля—моя!

БЕРТА. Нѣтъ, я не хочу этого! Я хочу быть сама собой!

РОТМИСТРЪ. Не смѣешь..—Я людоѣдь... Я съѣмъ тебя! Твоя мать хотѣла съѣсть меня, но не смогла. Я—Сатурнъ, пожравшій дѣтей своихъ, потому что ему было предсказано, что иначе они пожрутъ его. Пожирай, или самъ будешь сожранъ! Вотъ въ чемъ вопросъ! Если я не проглочу тебя, ты меня проглотишь! А ты уже показала мнѣ свои зубы! Не бойся дорогая дѣвочка, я не сдѣлаю тебѣ больно. (Идетъ къ оружію и беретъ револьверъ).

БЕРТА (хочетъ убѣжать). Мама! Помоги... Онъ убьетъ меня!

КОРМИЛИЦА (входитъ). Что это ты, Адольфъ?

РОТМИСТРЪ (осматриваетъ револьверъ). Это ты вынула патроны?

КОРМИЛИЦА. Да, да... это я убрала ихъ. А ты садись, да посиди спокойно, я и принесу ихъ. (Беретъ Ротмистра за руку и подводитъ его къ стулу, на который онъ безучастно садится, а сама беретъ смирительную рубашку и становится сзади стула. Берта уходитъ). Помнишь, Адольфъ, когда ты еще ребенкомъ былъ, какъ я тебя одѣяльцемъ покрывала и молилась съ тобой, чтобъ Господь защитилъ тебя? Помнишь, какъ я ночью вставала и поила тебя? Какъ свѣтъ зажига-гала и сказки хорошія рассказывала, когда тебѣ, бывало, приснится дурной сонъ и ты долго не засыпалъ? Помнишь?

РОТМИСТРЪ. Говори, говори еще, Маргретъ! Твой голосъ успокаиваетъ мою голову, какъ сладкая дрема... Говори еще!

КОРМИЛИЦА. Только ты слушай внимательно! Помнишь, какъ ты разъ взялъ большой кухонный ножъ, хотѣлъ кораблики вырѣзать, а я вошла и обманомъ взяла его у тебя... Ты былъ еще глупенькій мальчикъ... Ну и

пришлось ужь обманомъ брать, потому что ты не вѣрилъ, что тебѣ же добра желаютъ. Я сказала тебѣ:—Давай скорѣй эту змѣю, а то она тебя такъ ужалить... Ты и выпустилъ ножъ. (Беретъ изъ рукъ его револьверъ). И когда одѣваться ты не хотѣлъ, много приходилось съ тобой возиться... Бывало, начнешь тебѣ рассказывать, что ты получишь золотое платье и будешь ходить, какъ принцъ... Возмешь лифчикъ—изъ зеленой шерсти у тебя былъ,—держишь его и говоришь: Ну, сиди теперь смирно, пока я на спинкѣ застегну. (Она надѣвъ на него рубашку). Ну, а потомъ скажешь: теперь вставай да пройдишь по комнатѣ, а я погляжу, какъ онъ сидитъ... (Ведетъ его къ дивану). А потомъ, бывало, скажу: а теперь ложись.

Ротмистръ. Что ты говоришь? Ложиться—одѣтому? Чортъ возьми что ты со мной сдѣлала? (Пробуетъ освободиться). Хитрая чертовка! Кто бы подумалъ, что у тебя хватить ума? (Падаетъ на диванъ). Поймали! связали обманули... И умереть даже не могу!

Кормилица. Прости меня, Адольфъ, но я хотѣла помѣшать тебѣ убить ребенка.

Ротмистръ. Отчего ты не дала мнѣ убить ее? Жизнь—это адъ, а смерть—царство небесное... А дѣтямъ мѣсто на небѣ.

Кормилица. Что ты знаешь о томъ, что будетъ послѣ смерти?

Ротмистръ. Только это мы и знаемъ! Вотъ о жизни ничего не извѣстно! Если бы знать это съ самаго начала!

Кормилица. А ты, Адольфъ, смири свое черствое сердце да попроси милости у Господа!.. Еще не поздно! Разбойнику и тому не было поздно покаяться, и спаситель сказалъ ему: Еще сегодня будешь со Мною въ раю!

Ротмистръ. Ты ужь каркаешь, какъ надъ покойни-

комъ, старая ворона! (Кормилица вынимаетъ изъ кармана псалтырь. Ротмистръ зоветъ). Нѣйдъ! Гдѣ Нѣйдъ! (Нѣйдъ входитъ). Вышвырни эту бабу отсюда! Она меня въ могилу вгонитъ своимъ псалтыремъ! Вышвырни ее изъ окна, въ трубу, куда хочешь!..

Нѣйдъ (смотреть на кормилицу). Не могу, г. ротмистръ! Ей Богу, не могу! Если бы полдюжины молодцовъ было, а то женщина да еще одна!

Ротмистръ. Не можешь справиться съ женщиной? Да?

Нѣйдъ. Справиться то я справлюсь! Только съ женщинами дѣло особое,—на нихъ руку не поднимешь.

Ротмистръ. Что же тутъ такого? А на меня руку не подняли?

Нѣйдъ. Только я не могу, г. ротмистръ! Это все равно, если бы вы сказали—безъ пастора... это ужъ сидитъ какъ религія! Нѣтъ, я не могу!

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ТЪ ЖЕ и ЛАУРА.

Лаура подаетъ знакъ Нѣйду уйти изъ комнаты.

Ротмистръ. Омфала! Омфала! Теперь ты играешь палицей, а Геркулессъ прядетъ твою шерсть.

ЛАУРА. (Подходить къ дивану). Адольфъ, взгляни на меня? Ты считаешь меня своимъ врагомъ?

Ротмистръ. Да, считаю! Всѣхъ васъ считаю своими врагами! Мать моя, не желавшая моего рожденія изъ боязни родовыхъ мукъ, была моимъ врагомъ, потому что лишила зародышъ моей жизни настоящаго питанія и превратила меня въ калѣку. Сестра моя, требовавшая отъ меня повиновенія,—была моимъ врагомъ. Первая женщина, которую

я заключилъ въ свои объятія,—была моимъ врагомъ, потому что въ награду за любовь мою заплатила мнѣ десятью годами болѣзни. Дочь моя и та стала мнѣ врагомъ, когда ей пришлось дѣлать выборъ между мной и тобой. И ты—моя жена—была смертельнымъ врагомъ моимъ, потому что ты неоставила меня въ покоѣ, пока я не свалился безжизненнымъ трупомъ.

ЛАУРА. Не знаю, думала ли я когда нибудь и хотѣла ли я того, что, по твоимъ словамъ, я сдѣлала. Возможно, что тайное желаніе устранить тебя, какъ мѣшавшій мнѣ элементъ, и владѣло моей душой, но намѣреннаго плана въ моемъ образѣ дѣйствій я не замѣчала, хотя возможно, что онъ и былъ. Я никогда не предугадывала событія, они просто катились какъ бы по рельсамъ, которые прокладывалъ ты самъ... И клянусь передъ Богомъ и собственной совѣстью, я чувствую себя не виновной, даже если я и виновата. Самый фактъ твоего существованія былъ для меня камнемъ на сердце, и камень этотъ давилъ и давилъ до тѣхъ поръ, пока сердце не попыталось сбросить этой тяжести. Это, конечно, было, и если я невольно нанесла тебѣ ударъ,—прости меня!

РОТМИСТРЪ. Это звучитъ правдоподобно! Но какая мнѣ отъ этого польза? И кто виноватъ? Можетъ быть,—духовный бракъ! Раньше женились, чтобы имѣть жену теперь устраиваютъ домъ съ компаньономъ-женщиной или селятся на одной квартирѣ съ подругой! А затѣмъ компаньонъ оказывается беременнымъ, подруга обезчещенной! Но гдѣ же любовь, здоровая, чувственная любовь? Она умерла! И какое потомство можетъ быть отъ этой любви на акціяхъ, выписанныхъ на предъявителя, безъ солидарной отвѣтственности? И кто предъявитель, если случится крахъ? Кто физическій отецъ духовнаго ребенка?

ЛАУРА. Что касается до твоихъ подозрѣній относительно Берты, то они ни на чемъ не основаны!

РОТМИСТРЪ. Въ этомъ то ужасъ и есть! Если бы было, по крайней мѣрѣ, какое нибудь основаніе, было бы за что ухватиться, за что удержаться. Теперь же это только тѣни, высовывающія свои головы изъ кустовъ, чтобы поиздѣваться. Вѣдь это все равно, что сражаться съ воздухомъ, устраивать пробныя битвы и стрѣлять холостыми зарядами. Грозная дѣйствительность вызвала бы сопротивление, заставила бы напечь, и жизнь и душу, а теперь... Мысли расплываются въ туманъ, мозгъ все кружится, вертится пока не воспламенится! Подложи мнѣ подъ голову подушку! И накинь на меня что нибудь! Мнѣ холодно! Ужасно холодно! (Лаура покрываетъ его платкомъ. Кормилица выходитъ за подушкой).

ЛАУРА. Дай руку мнѣ, другъ!

РОТМИСТРЪ. Руку? Которую ты связала на спинѣ?.. Омфала, Омфала!.. Я чувствую у лица твой мягкій платокъ... Теплый и нѣжный, какъ твоя рука... И пахнетъ ванилью, какъ твои волосы, когда ты была молода... Ты была молода, Лаура, мы гуляли въ березовой рошѣ, топтали первые цвѣты, и къ пѣнію дроздовъ присоединялись наши пѣсни любви! Какъ хорошо было! Какъ хорошо! Какъ прекрасна была тогда жизнь и какой суровой она стала... Ты не хотѣла этого, и я не хотѣлъ, и все же она стала такой. Кто же управляетъ жизнью!..

ЛАУРА. Одинъ Богъ управляетъ...

РОТМИСТРЪ. Значить, Богъ борьбы! Или теперь—богиня! Сними съ меня эту кошку!.. Сбрось ее! (Входитъ кормилица съ подушкой и снимаетъ платокъ). Дай мнѣ военный сюртукъ!.. Набрось на меня. (Кормилица беретъ съ вѣшалки сюртукъ и покрываетъ его). Вотъ она моя грубая львиная

шкура, которую ты хотѣла отнять у меня! Омфала! Омфала! Хитрая женщина, проповѣдница мира и разрушенія! Очнись, Геркулесь, пока не отняли у тебя палицу! Ты и у насъ хочешь выманить доспѣхи, увѣряя, что это простое украшеніе! Нѣтъ, прежде чѣмъ стать украшеніемъ, они были желѣзомъ! Прежде военную одѣжду готовялъ кузнецъ, теперъ—портниха! Омфала! Омфала! Грубая сила побѣждена коварной хитростью! Тьфу! Вѣдьма! Проклятье твоему полу! (Онъ приподнимается, чтобы плюнуть, но падаетъ назадъ на диванъ). Какую подушку, ты мнѣ дала, Маргретъ? Жесткая и такая холодная, холодная! Сядь поближе ко мнѣ... Здѣсь на этотъ стулъ. Вотъ такъ... Дай я положу голову тебѣ на колѣни... ахъ... Теперъ тепло!.. Наклонись надо мной, чтобы я чувствовалъ твою грудь! Какъ пріятно дремать на груди женщины, будь то мать или любовница... Но пріятнѣе всего, если мать!

ЛАУРА. Адольфъ, хочешь, я позову твою дочь?... Отвѣть же!

РОТМИСТРЪ. Мою дочь? У мужчины дѣтей не бываетъ! Только женщины имѣютъ дѣтей. Поэтому и будущее принадлежитъ имъ... Мы умираемъ бездѣтными!.. О Господь, возлюбившій дѣтей...

КОРМИЛИЦА. Вы слышите, онъ молится Богу!

РОТМИСТРЪ. Нѣтъ, тебѣ, чтобы ты баюкала меня... Я усталъ... Я такъ усталъ! Покойной ночи, Маргретъ... Благословенна ты въ женахъ! (Приподнимается и съ крикомъ падаетъ на колѣни кормилицы).

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ТЪ ЖЕ, ДОКТОРЪ и ПАСТОРЪ.

(Лаура идетъ налѣво и зоветъ доктора. Онъ входитъ вмѣстѣ съ пасторомъ).

ЛАУРА. Докторъ! помогите, если еще не поздно! Онъ
недышитъ!

ДОКТОРЪ. (щупаетъ пульсъ). Ударъ!

ПАСТОРЪ. Умеръ.

ДОКТОРЪ. Можетъ быть, и очнется къ жизни, но къ
какой,—неизвѣстно.

ПАСТОРЪ. Послѣ смерти—страшный судъ...

ДОКТОРЪ. Никакого суда и никакихъ обвиненій! Вы
вѣрите, что Богъ править судьбами людей!.. Вотъ потол-
куйте съ нимъ объ этомъ случаѣ.

КОРМИЛИЦА. Онъ въ послѣднюю минуту, г. пасторъ,
обратился къ Господу!

ПАСТОРЪ (къ Лаурѣ). Правда?

ЛАУРА. Правда.

ДОКТОРЪ. Если это такъ, о чемъ я такъ же мало могу
судить, какъ и о причинахъ болѣзни,—мое искусство
кончилось! Попробуйте примѣнить ваше, г. пасторъ!

ЛАУРА. И это все что вы можете сказать у смертнаго
одра, г. докторъ?

ДОКТОРЪ. Все! Больше я не знаю! Кто знаетъ больше,
тотъ пусть и говорить!

БЕРТА (входитъ справа, бѣжитъ къ матери). Мама! Мама!

ЛАУРА. Дитя мое! Мое, собственное дитя!

ПАСТОРЪ. Аминь.

(Занавѣсъ).

Надъ облаками.

Перев. В. Ф. Корич.

Въ одинъ прекрасный апрѣльскій день отъ отеля Ротъ въ Кларанѣ отѣхалъ экипажъ. Онъ свернулъ на дорогу къ Шайи.

Въ экипажѣ сидѣлъ сорокалѣтній мужчина съ блѣднымъ худымъ лицомъ, окаймленнымъ черной бородой; рядомъ съ нимъ молодая дама съ типичнымъ лицомъ парижанки; нѣсколько приподнятые углы глазъ, орлиный носикъ и маленькій ротъ съ узкими челюстями носили пріятное выраженіе. Они ѣхали молча, и господинъ, выглядѣвшій живымъ мертвецомъ, неподвижно смотрѣлъ въ сторону садовъ, гдѣ цвѣли миндальныя деревья; фиговыя деревья простирали впередъ свои широкія вѣтви, чтобы охранить, но не скрыть тайны оплодотворенія; каштаны и орѣхи стояли въ цвѣту, а черныя виноградныя лозы, начинали зеленѣть, какъ жезлъ Моисея. Было тепло, почти жарко, но съ глетчеровъ долеталъ иногда прохладный вѣтеръ, и тогда жена прикрывала пледомъ больного. На горахъ зеленѣли пастбища, и весело сверкала зелень лиственницъ; а наверху, на острыхъ вершинахъ Dent de Jaman и Rocher de Noye, похожаго на прибитый къ берегу ковчегъ, лежали еще свѣжіе пласты снѣга, рядомъ съ изсине-чернымъ сосновымъ лѣсомъ; а надъ ними рѣяли серебристо-бѣлыя весеннія облака, то закрывая, какъ вуалью, вершины сосенъ, то разрываясь и повисая лоскутами на вѣтвяхъ, отбрасывающихъ на лугъ черныя тѣни.

Больной медленно поднялъ голову и сказалъ, кивая на облака: «Мы ѣдемъ туда наверхъ?»

— Да, мой другъ,—отвѣчала со вздохомъ жена,—туда наверхъ.

— Какъ Илія,—сказалъ мужъ,—въ огненной колесницѣ; здѣсь такъ жарко!

Голова его снова поникла на грудь, и онъ замолкъ; только глухой, отрывистый кашель потрясалъ его худое тѣло. Дорога поднималась среди виноградниковъ къ Шайи. Виноградники и каштаны скоро исчезли; вдоль дороги росли только орѣховыя деревья; немного спустя, за поворотомъ дороги появились пшеничныя поля и фруктовыя деревья; яблони и вишни протягивали свои побѣлѣвшія отъ цвѣтовъ вѣтви надъ зелеными лужайками, усѣянными цвѣтами; желтые примулы и бѣлыя фіалки, желтовато-зеленый морозникъ грѣлись въ солнечныхъ лучахъ. Экипажъ остановился, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Больной снова поднялъ голову, и взглядъ его упалъ на голубое озеро, растлавшееся глубоко внизу, на горы, дымящія сыростью и тепломъ, на воздѣланныя поля. Онъ глубоко вбиралъ воздухъ ноздрями, какъ будто ему трудно было открыть ротъ.

— Какая красота,—сказалъ онъ.—Ты думаешь, тамъ наверху, будетъ также прекрасно?

— Да, я такъ думаю,—отвѣчала жена, не давая замѣтить, что она поняла двойной смыслъ этихъ словъ «тамъ наверху».

Внизу, въ орѣховомъ лѣсу закуковала кукушка.

— Söder gök,—сказалъ мужъ—Döder gök. Привѣтъ тебѣ прекрасная природа, morituri te salutant!—и обращаясь къ кучеру онъ добавилъ:—Эксельсіоръ, это значить: ѣдемъ дальше!

Экипажъ поднимался все выше, а озеро и ландшафтъ оставались все дальше. Теперь пошли лиственные лѣса, а надъ головами они видѣли сосны, изъ за которыхъ выступалъ ослѣпительно бѣлый Japan. Дорога шла между сланцевыми и известковыми горами и вскорѣ вступила въ прохладную тѣнь буковаго и сосноваго лѣса. Въ воздухѣ посвѣжѣло; тамъ и тутъ мелькалъ нарастая снѣгъ, и одинъ только зябликъ пѣлъ въ густой тѣни деревьевъ. Дорога снова сдѣлала поворотъ, и передъ ними открылась вся долина Роны съ цѣпью Монъ-Блана. Прекраснѣйшій изъ всѣхъ Dent du Midi былъ подобенъ неслышано-громадной волнѣ, окаменѣвшей въ тотъ моментъ, когда она собиралась бросится вслѣдъ за другими волнами. За два часа переѣзда они перешли отъ южнаго лѣта къ сѣверной зимѣ. Теперь дорога вилась по краю отвѣсной пропасти, и чудная долина открывалась между Mont de Coux и Cubly. Облака носились вокругъ нихъ, надъ ними и подъ ними, какъ гигантскія чайки. Вскорѣ лошади и экипажъ были укутаны этимъ бѣлымъ туманомъ такъ, что ничего не было видно, но скоро туманъ прорвался, и передъ ними мелькнулъ уголокъ зеленаго ландшафта, кусокъ озера, снѣговая вершина, все залитое теплыми лучами весенняго солнца.

— Если на небѣ также прекрасно—Амэли, то не такъ трудно уйти отсюда,—сказалъ больной, закашлявшись отъ сырого воздуха.

— Не говори такъ,—умоляюще сказала жена.—Самый опасный мѣсяцъ прошелъ, и теперь ты поправишься; но на этомъ путешествіи ты не долженъ былъ настаивать.

— О нѣтъ, хорошо поѣздить по землѣ и такъ сверху взглянуть на ея бѣдствія. Посмотри вонъ внизу сѣрѣетъ что-то, какъ камни на деревенской улицѣ; это три города со многими тысячами жителей, наивными рабами, вообража-

ющими, что они такъ велики и могущественны, что міръ не сможетъ существовать безъ нихъ; и они мучаютъ другъ друга и сами себя, чтобы вызвать къ себѣ зависть.

Экипажъ послѣдній разъ сдѣлалъ поворотъ, и передъ ними глубоко въ долину открылся большой отель «Les Avants».

Часть спустя, м-г. Аристидъ М., журналистъ изъ Парижа, какъ онъ расписался въ книгѣ отеля, сидѣлъ на террасѣ, тепло закутанный въ мѣховое одѣяло и съ козьею шкуркой подъ ногами. Фонтанъ плескался такъ усыпительно, тающій снѣгъ освѣжалъ воздухъ, и смолистыя испаренія сосноваго лѣса, при каждомъ дыханіи ложились бальзамомъ на больныя легкія. Онъ погрузился въ тихое полубытіе, созерцая чудныя красоты природы. Немного спустя, онъ услышалъ скрипъ кресла, которое катили по песку и остановили у лавроваго дерева, около котораго онъ сидѣлъ. Одинъ голосъ спросилъ, можетъ ли онъ уйти, и другой слабый голосъ отвѣчалъ утвердительно.

Аристидъ, горло котораго было закутано шарфомъ въ защиту отъ сѣвернаго вѣтра не могъ видѣть, кто сидѣлъ нѣсколько сзади него. Но онъ испытывалъ магнитный токъ, который ощущаютъ всѣ нервныя люди въ присутствіи небезразличныхъ имъ лицъ. Потомъ онъ услышалъ отрывистый кашель и затѣмъ стонъ. По вполне понятному чувству сожалѣнія, онъ обернулся и уронилъ шарфъ. Какъ садовникъ, поднявъ вѣтку ягоднаго куста вздрагиваетъ, натолкнувшись на чернаго ужа, такъ вздрогнулъ Аристидъ, при взглядѣ на человѣческую развалину, съ мертвенно блѣдными впалыми щеками, на которыхъ горѣли сухія, красныя пятна. Но на этомъ лицѣ трупа, еще сверкали черныя глаза, которые горѣли скорѣе фосфоромъ умиранія, чѣмъ огнемъ жизни. Аристидъ хорошо зналъ этотъ взглядъ

своего стариннаго врага. Они сидѣли нѣсколько минутъ, глядя другъ на друга и не зная, должны ли они поклониться; они пытались одновременно встать и уйти, но не могли этого сдѣлать: слабость и болѣзнь сковали ихъ. Видя невозможность избѣгнуть встрѣчи, они успокоились.

Анри, такъ звали врага Аристида, оправился первый и съ улыбкой, иронизирующей надъ самимъ собой, сказалъ:

— Доволенъ ты теперь своимъ положеніемъ Аристидъ? *Per nobiles ad astra*. Мы уже превыше облаковъ; теперь намъ недалеко и до звѣздъ.

— Звѣзды всегда были твоей цѣлью, если мнѣ не измѣняетъ память, и ты добился ихъ! Сколько ихъ у тебя?— отвѣчалъ Аристидъ, указывая на отворотъ сюртука.

— Сколько яду! Неужели ты меня еще ненавидишь, вѣдь теперь я совсѣмъ безвреденъ?

— Я не думаю, чтобы я былъ еще способенъ на такое сильное чувство, какъ ненависть, и къ тому же, судя по тому, чему меня научила жизнь, я думаю, что относительно и ты не былъ виноватъ. И всетаки, я не могу при взглядѣ на тебя, не думать, что ты убилъ меня.

— Ты ужалилъ меня, и я убилъ тебя.

— Ты наступилъ мнѣ на грудь, и я ужалилъ тебя въ пяту.

— Ты лежалъ на пути, по которому я долженъ былъ итти.

— Я долженъ былъ итти по немъ! Въ этомъ вся тайна нашей жизни. Мы гнались за счастьемъ и за славой; мы раздирали тѣло свое о терновники, мы ранили ноги о камни; и полуживые пришли мы къ цѣли, чтобы безсильно упасть и умереть безъ крови въ жилахъ, безъ воздуха въ легкихъ. Помнишь, какъ началась эта травля? Ты сдѣлалъ

первый шагъ. Ты происходилъ изъ семьи, которая всѣми средствами помогала тебѣ. Воспреемникомъ твоего перваго опыта для театра былъ твой же отецъ. Пьеса была прочитана въ клубѣ однимъ изъ выдающихся артистовъ, и имя твое сразу стало извѣстно. Ты самъ сидѣлъ въ газетѣ и прятался за собственной спиной. Тогда выступилъ я съ моимъ произведеніемъ. Ты произнесъ надъ нимъ приговоръ, и всѣ газеты поддержали тебя. То, что при другихъ обстоятельствахъ считалось бы безстыднымъ и безчестнымъ, тебѣ сошло съ рукъ, потому что тебѣ все было дозволено. Ты обладалъ тайной быть *persona grata*, человѣкомъ, который все смѣетъ. Потомъ ты выпустилъ слѣдующее произведеніе; ты поднимался къ звѣздамъ за мой счетъ. Каждый выпускъ твоей новой книги былъ для меня поражениемъ, вотъ какъ надо писать, а не какъ Аристидъ М!.. Ты былъ любимцемъ гаснущей имперіи, потому что ты умѣлъ льстить; ты могъ рѣшовать *France* и *délivrance*, *gloire* и *croire*, потому что ты все смѣлъ. Тогда я сдался. Мое произведеніе въ пять лѣтъ обошло всѣ парижскіе театры, но напрасно, потому что оно было написано противъ хорошаго тона; это ты ему и предсказывалъ. Я отступилъ, какъ непризнанный неудачникъ, и перешелъ въ газеты. Написалъ ли я хоть слово противъ тебя? Мстилъ ли я тебѣ? Ты долженъ отвѣтить отрицательно. Когда я сталъ такимъ образомъ совершенно безвреденъ, ты вдругъ почувствовалъ ко мнѣ необыкновенную симпатію. Ты искалъ моего общества, наставлялъ меня; мы обѣдали вмѣстѣ, гуляли за городомъ, говорили все время о тебѣ и твоихъ работахъ и никогда обо мнѣ. Я всегда хвалилъ тебя въ газетахъ, но въ то же время я работалъ. Страстно работалъ, потому что смутно чувствовалъ, что должно наступить и мое время. Ужасно тяжело быть «непризнаннымъ неудачникомъ», это еще хуже,

чѣмъ быть неизвѣстнымъ. Какъ тяжело было, приходя домой къ роднымъ, слушать восхваленіе твоихъ произведеній, Анри: «вотъ какъ надо писать». И я порвалъ съ семьей, когда я не выдержалъ экзамена на писателя. Какъ тяжело упали на меня насмѣшки, когда я, раскаявшись, вернулся къ нимъ, бѣднымъ журналистомъ безъ имени. Кровью сочились мои раны. И всегда ты, ты какъ образецъ: «вотъ, какъ надо писать!

Анри закашлялся и снова пытался встать и уйти, но безсильно опустился въ кресло. Аристидъ продолжалъ:

— Я дорого бы далъ, чтобы забыть день послѣ твоего послѣдняго триумфа, когда я посѣтилъ тебя. Это было на слѣдующее утро. Газеты превзошли сами себя въ похвалахъ. Я отправился къ тебѣ спросить объясненія и смысла нѣкоторыхъ непонятныхъ мѣстъ. Я позвонилъ у твоей двери. Твоя мать, по обыкновенію, отперла дверь и выглянула своими сѣрыми, острыми глазами, подстерегающими врага. Узнавъ меня, она пригласила меня войти. Я ждалъ въ передней, пока ты надѣвалъ шлафрокъ. Ты принялъ меня, какъ триумфаторъ. Лицо твое было красно и распухло,— результатъ ужина, который ты давалъ актерамъ. Твой письменный столъ былъ заваленъ лавровыми вѣнками и букетами. Чтобы порадовать меня, ты въ подробностяхъ, рассказалъ мнѣ весь вечеръ. Вызовы, аплодисменты. Какъ наконецъ обѣ героини, пожимая тебѣ руки и называя поэтомъ, вывели тебя при открытомъ занавѣсѣ, навстрѣчу поклоненію публики, цвѣтамъ твоихъ друзей и вѣнкамъ твоей матери. Я страдалъ отъ зависти. Развѣ это удивительно? Я, знавшій твое насмѣшливое отношеніе къ жизни и твой цинизмъ, въ которомъ тебѣ не было равнаго; я, видѣвшій какъ ты совершенно равнодушно писалъ всѣ эти сантиментальныя вещи, обдуманно рассчитывая на эффектъ

и аплодисменты, я не могъ не удивляться тебѣ. Въ заключеніи ты надѣлъ мнѣ на голову лавровый вѣнокъ и уговаривалъ меня продолжать работать для театра. Я былъ настолько наивенъ, что повѣрилъ тебѣ и признался, что я передѣлалъ свою пьесу и отнесъ ее въ Одеонъ. Вечеромъ въ газетѣ промелькнула неблагопріятная для тебя замѣтка. На слѣдующій день я получилъ отъ твоей метери письмо съ приложеніемъ статьи, которую я долженъ былъ напечатать. Я отклонилъ это съ извиненіями, такъ какъ это было противъ моихъ взглядовъ. Въ субботу я прочелъ въ одномъ изъ листковъ эту статью, но я не назвалъ автора ея, потому что тогда я еще уважалъ твою мать. Но въ понедѣльникъ я отправился въ контору Одеона за отвѣтомъ. Директоръ дружески принялъ меня, сказалъ мнѣ много любезностей, но всетаки отказался поставить мою пьесу. Почему, мнѣ было не вполне ясно; я понялъ только, что онъ не читалъ ея. Тяжелыми шагами вышелъ я изъ театра, стараясь спрятать рукопись подъ пальто. Подъ арками я встрѣтилъ Мориса, молодого перваго актера. «Рукопись?» сказалъ онъ и взялъ ее въ руки. «Да», отвѣчалъ я, «но не принятая». «А директоръ читалъ ее?» «Я не знаю», отвѣчалъ я, «не думаю». «Да, но я знаю, кто за него читаетъ». «Кто же?» «Его другъ Анри!».... Я не хотѣлъ ему вѣрить, но онъ стоялъ на своемъ и прибавилъ «остерегайтесь такихъ друзей!» Я встрѣтилъ тебя позднѣе въ этотъ же день, но ты отдѣлался словами, что Морисъ бездѣльникъ. Вечеромъ вы встрѣтились въ клубѣ и говорили о томъ, что я пустомеля и дуракъ, потому что каждый изъ насъ былъ нуженъ другому. Я потерпѣлъ пораженіе. Я склонился передъ ударомъ, но пошелъ по новому пути. Я издалъ томъ стихотвореній. Но публика такъ привыкла считать меня неудачникомъ, что не хотѣла даже обратить

вниманія на мое вступленіе въ священную область поэзіи; вѣдь газеты каждый годъ клялись ей, что я ни на что не способенъ. Оставалось только молчать, и онѣ молчали или давали лукавые отзывы. Это было все равно, что биться о стѣну. Но ты не оставилъ меня въ покоѣ. Ты точно боялся потерять меня изъ вида. Нашъ другъ Фернандъ получилъ премію въ салонѣ. Ты потребовалъ, чтобы я принялъ участіе въ пикникѣ. И опять я долженъ былъ присутствовать при чужихъ успѣхахъ и слѣдовать за чужой побѣдной колесницей. Вечеромъ ты много выпилъ и унижалъ меня. Когда я позволилъ себѣ критиковать твои произведенія, ты началъ позорить меня, называя неудачникомъ, залѣзшимъ въ чужую лодку. Ты объявилъ, что ненавидишь меня, не вѣришь мнѣ и чувствуешь, что я твой врагъ. Какъ ты вѣрно почувствовалъ это! Помнишь, какъ я въ пылу опьяненія предсказывалъ, что придетъ и мое время, что меня только преслѣдовала неудача и что я еще разыграю свою игру, когда до меня дойдетъ чередъ. И такъ разошлись наши пути. Когда я ночью возвращался домой черезъ лѣсъ, я чувствовалъ себя разбитымъ, уничтоженнымъ, но душа моя чувствовала себя свободной, и я зналъ, что трудомъ я добьюсь побѣды. Это была единственная месть, самая ужасная, какою я могъ и хотѣлъ отомстить тебѣ.

Аристидъ замолкъ. Легкая краска играла на его блѣдныхъ щекахъ; онъ слабо кашлялъ, на углахъ рта появилась свѣтло-красная пѣна. Слабо едва слышнымъ голосомъ продолжалъ онъ, не глядя на своего врага.

— Тогда пронеслась буря; голосъ твой былъ заглушенъ шумомъ битвы; твои вѣтряныя мельницы при первомъ же порывѣ вѣтра обломали свои крылья, и ты вынужденъ былъ смолкнуть. Тогда наступило мое время. Послѣ девяти дол-

гихъ лѣтъ пьеса моя была, наконецъ, поставлена. И тогда наступило счастье. Завыванье твое и твоихъ друзей должно было смолкнуть, пришло мое время. Но теперь, когда я стоялъ передъ давно жданнымъ счастьемъ, я увидѣлъ, что оно несло съ собою не наслажденье, а тяжелую обязанность, и я устыдился себя. Цѣлью моей было достигнуть счастья; счастье для насъ было самое главное пока мы терпѣли неудачи, потому что мы были воспитаны въ «культѣ успѣха». Въ воздухѣ слышались голоса, которые звали къ обновленію, освобожденію отъ лжи и хвастовства. Я слышалъ ихъ и хотѣлъ говорить. Но я былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы быть въ состояніи говорить спокойно и я крикнулъ. Крикнулъ противъ прошлаго, противъ себя самага, противъ тѣхъ, кто развращалъ насъ; крикнулъ противъ убійственной системы нашего воспитанія и требовалъ наказанія преступника. Обстоятельства благопріятно измѣнились для тебя, и ты все выместилъ на мнѣ. Ты мстилъ мнѣ распуская слухи, что все, что я высказалъ, я дѣлалъ изъ мести. Не компрометируя себя и своего положенія ты не могъ самъ писать этого, и ты подкупилъ наемныхъ убійць. Всѣхъ своихъ ставленниковъ въ газетѣ, раздѣлявшихъ твои воззрѣнія, всю свою свору натравилъ ты на меня. Когда я написалъ романъ, то на слѣдующій же день, ты назвалъ по именамъ всѣхъ лицъ, которыя могли мнѣ служить моделями; и когда дѣло не соотвѣтствовало истинѣ, ты прибѣгалъ ко лжи. Своимъ грязнымъ умомъ ты чернилъ всѣ мои поступки. Ты сдѣлалъ это. Ты распустилъ слухи, что я былъ твоей креатурой и хвалилъ тебя за плату; ты былъ будто бы моимъ покровителемъ, ты моимъ покровителемъ! Говорилъ о благодарностяхъ и неблагодарности. Но тебя никогда нельзя было уличить въ этомъ. Ты писалъ свои жалобы, прозрачные грязные намеки своимъ

цвѣтистымъ языкомъ. Но ты чувствовалъ, что время твое приходитъ къ концу и жало мое впивается въ твою пяту, какъ ты выразился. И я, желавшій поднять мечъ со всѣмъ сознаниемъ долга, долженъ былъ заняться изящной литературой, чтобы заставить слушать мои слова. Я долженъ былъ снизить до театральныя пьесы, чтобы непобѣдимой силой успѣха, вынудить моихъ враговъ къ молчанью. И каждый разъ, когда они стихали, я пользовался случаемъ, крикнуть новое слово, новое разрѣшеніе вопроса, новый приказъ. Душа моя истерзалась въ этой борьбѣ, потому что убійственно бороться средствами, которыхъ не уважаешь! И въ какой борьбѣ! Когда я высказывалъ чтонибудь серьезное, мнѣ кричали: «нѣтъ, ты долженъ написать пьесу!» И я писалъ пьесу! Аплодировали моему произведенію, декораціямъ, актрисамъ, но истину, которую должны были познать въ немъ, обходили молчаньемъ. Введеніе культа красоты было вторымъ смертнымъ грѣхомъ Имперіи. Деспотія всегда вводила этотъ методъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ дѣйствительности къ кажущемуся, искусственному, призрачному. Внѣшность въ нашей жизни имѣла больше значенія, чѣмъ выборы въ палату; новая пьеса казалась чѣмъ то болѣе реальнымъ, чѣмъ преступленія, потрясавшія самыя основы общества. Мы оплакивали Седанъ, но въ глубинѣ души онъ не затронулъ насъ; мы стали серьезны послѣ войны, но въ Théâtre Français смѣялись надъ нашими слезами и просили насъ быть любезными и присоединиться къ ихъ смѣху. Тогда я рѣшилъ высмѣивать этихъ плаксъ. И я смѣялся, но въ смѣхѣ моемъ было больше горечи, чѣмъ веселья, и это была моя смерть! А теперь Анри, мы оба мертвы! Мы бесѣдуемъ между собой какъ трупы. Я говорилъ въ свою защиту, потому что у меня не было никого, кто бы защитилъ меня. Черезъ

пять лѣтъ наши имена будутъ забыты. Мы почти ничего не выиграли. Мы поклонялись внѣшности, красотѣ и самимъ себѣ! Моя попытка стать новымъ человѣкомъ началась слишкомъ поздно. Можетъ быть, въ грядущемъ существованіи, если такое есть, и можно будетъ воспользоваться этими дорогими опытами. Хочешь говорить со мной, какъ уже съ умершимъ? Протяни мнѣ свою руку! Такъ! Ты не хочешь? Ты не находишь, что мы оба были глупцами? Ты не думаешь, что будущее будетъ умнѣе?

Анри сдѣлалъ движеніе, чтобы говорить, но ему не хватало воздуха. Голова его поникла на грудь. Аристидъ, обернувшись къ отелю, крикнулъ, какъ могъ громче. На порогѣ показался служитель, а сзади него появилась мать Анри, при крикѣ почувывая опасность. Мгновенье спустя, она стояла уже около сына и не спускала своихъ сѣрыхъ глазъ съ неожиданнаго врага, присутствія котораго она желала меньше всего. Это была высокая худая женщина съ сѣдыми волосами, зачесанными назадъ надъ прямымъ высокимъ лбомъ. Аристидъ никогда не видалъ ее иначе, какъ въ щелку двери; ему импонировала эта могучая фигура, и онъ понималъ, какой сильной поддержкой была она для маленькаго слабаго человѣка, въ продолженіи девяти лѣтъ топтавшаго его ногами и сумѣвшаго удержать за собой общественное мнѣніе; но кромѣ того, онъ видѣлъ въ ней мать и женщину, которая выполняла волю, не свою лично, а своего сына. Онъ чувствовалъ, что эта сила подавляетъ его; онъ былъ одинъ противъ нихъ двоихъ. Онъ безпокойно оглянулся, ища помощи, самъ не зная какой. Мать Анри старалась вернуть его къ жизни, которая, казалось, совсѣмъ угасла, и Аристидъ чувствовалъ себя почти виновнымъ въ этомъ ухудшеніи здоровья больного; въ это время, на пескѣ раздались легкіе, быстрые шаги, и нѣжная,

заботливая рука легла на плечо Аристида. Это была его жена. Обѣ женщины смотрѣли другъ на друга долгимъ взглядомъ. Маленькая женщина глядѣла своимъ темнымъ теплымъ, но теперь горящимъ взглядомъ на гордо выпрямившуюся мать, какъ разъяренная тигрица. Мужчины, казалось, были вычеркнуты со счета и снесены съ поля битвы, и поединокъ, казалось, начинался только теперь, когда истинные враги вышли изъ укрѣпленія и встрѣтились въ открытомъ полѣ. Онѣ поклонились, такъ какъ никогда не видались раньше. Анри между тѣмъ пришелъ въ себя. Тономъ лишеннымъ всякой горечи онъ представилъ ее. «Моя мать, г-нъ и г-жа М», но никто не поклонился.

— Подвинь мое кресло ближе къ Аристиду, — сказалъ Анри.

Мать не шевельнулась.

— Подвинь мое кресло ближе къ Аристиду, мама, — повторилъ Анри голосомъ, привыкшемъ повелѣвать.

Мать взяла кресло за ручки и медленно повезла его по направленію къ Аристиду, жена котораго, въ свою очередь, двигала кресло имъ навстрѣчу.

— Дай мнѣ твою руку, Аристидъ, и оставьте насъ однихъ.

Онъ кивнулъ обѣимъ женщинамъ, которыя слѣдили одна за другой, кто первая покинетъ свой постъ.

— Оставьте насъ однихъ, — повторилъ Анри.

Мать сдѣлала движеніе итти, г-жа М. тоже повернулась, и обѣ женщины разошлись въ разныя стороны.

— Аристидъ! — заговорилъ Анри, когда они остались одни. Земля прекрасна; думаешь ли ты, что и на небѣ будетъ такъ же хорошо?

— Я не знаю, что подразумѣваешь ты подъ небомъ. Развѣ это какое нибудь опредѣленное мѣсто?

— То мѣсто, куда мы перейдемъ!

— Я не знаю предназначено ли намъ перейти куда нибудь. Во всякомъ случаѣ, если мы и перейдемъ куда нибудь, то, вѣроятно, на какую нибудь другую планету. Если принять небо за вмѣстилище всѣхъ планетъ, то земля является тоже частью неба. А если земля не отвѣчаетъ нашему представленію о небѣ, то это частью потому, что мы испортили землю, частью потому, что мы сами такъ неграмотны, что не можемъ постичь всей гармоніи.

— Что можетъ служить тебѣ утѣшеніемъ при мысли, что ты покидаешь землю?

— Что меня утѣшаетъ? Да то, что я уйду отсюда. Правда, я оставляю послѣ себя тѣхъ, кого люблю; а вѣдь я прожилъ бы самое большое до семидесяти лѣтъ. И я оставляю ихъ безъ страха, потому что я вѣрю, что имъ будетъ лучше, чѣмъ мнѣ. Буря пронеслась надъ землей, воздухъ очистился, и люди снова могутъ дышать; мы этого не могли.

— Но если ты умрешь, ты уже не увидишь этого.

— Нѣтъ, я увижу это, потому что останусь живъ, если даже я умру, если умретъ мое эгоистичное, дряхлое Я, потому что я живу въ моихъ будущихъ поколѣніяхъ, въ моихъ дѣтяхъ.

— У тебя есть дѣти! Это правда,—сказалъ Анри.—Я совсѣмъ забылъ. Но развѣ не эгоистично жить дѣтьми и ради нихъ?

— Разумѣется, но это наше первое движеніе альтруизма и любви къ ближнему. Взгляни на молодого человѣка, когда онъ становится отцомъ. Онъ не чиститъ, какъ прежде, своего платья, брюки его морщатъ, шляпа не блеститъ. Такъ цвѣтокъ роняетъ свои лепестки, когда онъ оплодотворенъ, потому что ему не нуженъ больше уборъ, служившій ему охраной при цвѣтеніи, а молодому человѣку приманкой, чтобы поймать женщину.

— Я никогда этого не зналъ, — сказала Анри. — Въ дѣтяхъ должно быть что нибудь возвышающее и облагораживающее, потому что всѣ родители воспитываютъ своихъ дѣтей, какъ бы несчастливы они ни были въ своемъ супружествѣ.

— Твоя мать пережила это. Позволь мнѣ одинъ нескромный вопросъ. Твоя мать писала въ молодости?

— Какъ и всѣ дѣвушки.

— Видишь! у нея были сѣмена, но не было земли; ея сѣмена взросли въ тебѣ. Свою жизнь она пережила въ тебѣ. Какъ унизительно это для личности! Какъ оскорбительно для нашего самолюбія! Разбери хоть одно изъ нашихъ произведеній. Собери всѣ мысли и посмотри, многія ли принадлежатъ намъ самимъ. Научные изслѣдователи цитируютъ свои источники, журналистъ даетъ отчетъ о своихъ трудахъ. Но писатель эгоистично забираетъ все, что ему попадается. Онъ беретъ анекдотъ, рассказанный кѣмъ нибудь другимъ за стаканомъ вина, беретъ событія изъ жизни другихъ людей, беретъ мысли философовъ, газетные рефераты, воображаемая чувства, подписываетъ подъ всѣмъ этимъ свое ничтожное имя и становится великимъ — и дѣло идетъ на ладъ. Писатель поступаетъ какъ удавъ; онъ выпускаетъ слизь на добычу, и ей уже нѣтъ спасенія. Онъ плететъ чудныя сѣти, какъ говорится, изъ самого себя. Но никто не видитъ, сколько мухъ удавилъ онъ въ нихъ».

— А развѣ можетъ быть иначе?

— Да, когда все перемѣнится! И это уже началось. Взгляни только на насъ съ тобой! Кто еще насъ знаетъ, кто насъ еще читаетъ, а вѣдь мы были львами. Посмотри, какъ быстро идетъ борьба. Когда Додэ написалъ романъ о графѣ Мора, то на слѣдующій же день Le Bartolo объявилъ, что онъ описалъ герцога де Морни. Пріятно для Додэ, но справедливо. Видишь ты потребность времени въ истинѣ и

борьбу невѣрія противъ выходокъ ортодоксальности? И если Додэ усталъ отъ высшей магіи, то значитъ наступило время.

— Но тогда вѣдь умретъ поэзія.

— Она должна умереть, потому что она была игрой или ложью. Ея жребій льстить толпѣ или умереть! Теперь она не хочетъ больше льстить и умираетъ. А вмѣстѣ съ ней и мы. Но она воскреснетъ, какъ свободная игра, свободныхъ людей, когда пронесется буря. О, какія времена приближаются, Анри! О, какія битвы! Но великія битвы, въ которыхъ народъ жертвуетъ своею жизнью, а не ничтожная изъ за того, кому удастся пройти въ Академію. Мы не увидимъ этого времени, да и мои дѣти тоже. Они пройдутъ черезъ пустыню и будутъ учиться стать новыми отцами и матерями, будутъ учить думать новыя, свѣжія мысли и потомъ умрутъ въ пустынѣ среди побѣлѣвшихъ костей, сломанныхъ стрѣлъ и кучъ мусора; но ихъ дѣти, можетъ быть, увидятъ Ханаанъ, гдѣ для всѣхъ текутъ молоко и медъ.

— Но въ этотъ періодъ стремленія къ ограниченію себя строго необходимымъ и наступитъ смерть красоты.

— Напротивъ! Красота природы всегда будетъ существовать, и тогда ею будутъ наслаждаться больше, чѣмъ теперь. Некрасивыя или обыденныя представленія исчезнутъ, вѣроятно, какъ не нужныя, и игра словами будетъ, несомнѣнно, уничтожена не только, какъ ничтожная, но и какъ недостойная. Взгляни на снѣговыя Альпы, подножье которыхъ окутано серебристо бѣлыми облаками. Можно ли комунибудь, кто не видалъ ничего подобнаго, такъ описать ихъ, чтобы онъ получилъ передъ собой живой образъ? Нѣтъ! Наибольшее чего мы можемъ достигнуть, это пробуждать воспоминанія въ томъ, кто уже видѣлъ. Напишемъ на нихъ стихотвореніе! Я сравню ихъ,—вѣдь стихи не больше какъ

сравненіе,—я сравню ихъ, напримѣръ, со Священнымъ Ковчегомъ, изъ свѣже-расплавленнаго серебра, который несутъ легионъ ангеловъ, пролетающихъ надъ землей».

— Твое сравненіе прекрасно и справедливо, потому что горный хребетъ Dent du Midi дѣйствительно выглядитъ какъ разбитая крышка ковчега, а кольцо облаковъ посреди горы можно принять за кортежъ ангеловъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ничего! Я хотѣлъ сказать чтонибудь прекрасное! Но какъ ничтожно скалу въ 10.000 футовъ высоты, покрытую снѣгомъ, унижать до степени творенія рукъ человѣческихъ. А сравненіе туманныхъ облаковъ съ ангелами такъ неправдоподобно, что никто не повѣритъ. Это ласкаетъ воображеніе, но не даетъ никакого яснаго представленія; это колеблетъ понятіе въ туманности, гдѣ смѣшиваются дѣйствительность и мечты; наша поэзія дѣйствуетъ на насъ, какъ опьяненіе».

— Отлично! Но какъ же представляешь ты себѣ будутъ люди будущаго поэтически изображать Альпы? Можетъ быть такъ: «Dent du Midi, твои вторичныя известковыя отложенія, смѣшанныя съ доломитомъ, покрыты сегодня снѣгомъ, потому что ночью выпалъ снѣгъ на три миллиметра, а сѣверный вѣтеръ дулъ съ силой десяти фунтовъ. Когда растаетъ снѣгъ, мы можемъ сѣять кукурузу и вторично окапывать виноградники». Ты такъ себѣ представляешь?

— Нѣтъ, я думаю, что люди будущаго не будутъ играть мыслями и словами, потому что у нихъ будетъ подумать о чемъ другомъ. Я думаю, что они будутъ склоняться передъ красотами природы въ нѣмомъ поклоненіи и никогда не утомляющемся восхищеніи, потому что они снова обрѣтутъ эту способность, почти убитую въ насъ искусствомъ.

Разговоръ былъ прерванъ звуками оркестра, раздавши-

мися подь открытыми окнами отеля. Оба больные смолкли отъ удивленія; они не могли сразу понять, откуда доносятся эти звуки и что собственно это за музыка; но скоро звуки стали яснѣе, и они узнали маршь Боккачіо. Анри поднялъ голову, какъ гончая, услышавшая охотничій рожокъ. Глаза его заблестѣли, и радостно онъ сказалъ:—Боккачіо! Какой же сегодня праздникъ?

— Я слышалъ отъ кельнера,—сказалъ Аристидъ,—что всемірный почтово-телеграфный бернскій союзъ долженъ сегодня пріѣхать сюда.

— Какой союзъ?

— Гмъ! Видишь, какъ мы проспали, видишь какъ прожили мы во снѣ нашу жизнь въ то время, какъ умные люди съ пользой работали и заботились о будущемъ! Мы читали въ газетахъ только про театръ, музыку и искусство. Для насъ жизнь разыгрывалась при свѣтѣ лампъ, среди разрисованныхъ пейзажей. А когда какойнибудь внѣшній шумъ беспокоилъ насъ, мы сердились, возставали противъ крикуновъ и высмѣивали ихъ. И мы величественно выступали съ бумажными коронами на главахъ и считали себя царями въ области мысли. Вселенная была—Парижъ, а міръ—театръ.

Музыка смолкла и теперь доносились отдѣльныя слова изъ рѣчи: «...мирный, совмѣстный трудъ народовъ... невозможность войны... быстрѣйшее осуществленіе идей...»

Анри сказалъ нетерпѣливо:—Я думалъ, что по крайней мѣрѣ здѣсь наверху, мы будемъ избавлены отъ этого.

— Нѣтъ, мой другъ! Мы не заслуживаемъ пощады. Полезный трудъ, отъ котораго мы отворачивались, какъ отъ чего то нечистаго, проникаетъ все дальше. Онъ работаетъ на землѣ, но поднимаетъ насъ къ облакамъ; мы работали надъ облаками и все таки упали на землю.

Въ столовой раздались аплодисменты, заключавшіе рѣчь оратора.

— Слышишь, какія времена! Почтъ-директоры отнимаютъ у насъ аплодисменты! Узнаешь ты этотъ шумъ? А! Когда я первый разъ стоялъ въ кулисѣ и стихи мои неслись въ партеръ, оглушительный шумъ былъ имъ отвѣтомъ; сначала я подумалъ, что по крышѣ театра бьетъ дождь, потому что для меня это было чѣмъ то новымъ. Но когда я увидалъ какъ актеры кланяются, а шумъ усиливается, тогда я понялъ: Опьяняетъ это? На одно мгновенье! Тогда я подумалъ: о, это навѣрно родственники и друзья. Вѣроятно такъ и было, потому что на слѣдующій день, я прочиталъ критику, критику такую... съ тѣхъ поръ я никогда больше не стоялъ въ кулисахъ. А теперь этого уже больше не будетъ.

Анри наклонился къ Аристиду, какъ бы желая, что то сказать. Сзади нихъ на песокъ слышались легкіе шаги; это подходила г-жа М., легкимъ покашливаньемъ давая знать о своемъ присутствіи.

— Прости, Аристидъ,—сказала она,—но пришли дѣти, и мы ждемъ тебя.

— Куда ты хочешь ѣхать? Развѣ ты не остаешься здѣсь?—спросилъ Анри голосомъ, какъ бы просящимъ отвѣта.

— Еще выше,—отвѣчалъ Аристидъ,—въ *Les Bains de L'Alliaz*.

— Почему ты не можешь здѣсь остаться? Развѣ ты не хотѣлъ здѣсь остаться? Развѣ ты не собирався поселиться здѣсь? Гдѣ ты будешь лѣтомъ?

— Лѣтомъ? А гдѣ ты будешь лѣтомъ?

— Гмъ! Я не знаю,—отвѣчалъ Анри и схватилъ Аристида за руку.

— Я знаю, что насъ уже не будетъ здѣсь, Анри; когда

начнется таянье снѣга, воздухъ будетъ для насъ слишкомъ силенъ.

— Такъ мы встрѣтимся осенью? Гдѣ ты будешь осенью?

— Вѣроятно тамъ же, гдѣ мы останемся лѣтомъ.

— Ахъ, ты не долженъ такъ говорить! Мы будемъ долго жить, дорогой мой. Я дышу такъ легко, такъ легко...

— А, ты уже начинаешь легко дышать? Ну будь здоровъ, бѣдный Анри!

Въ эту минуту послышался веселый смѣхъ и топотъ маленькихъ ножекъ, бѣгущихъ въ перегонки. Черезъ нѣсколько мгновеній два курчавыхъ черноволосыхъ мальчика сидѣли на колѣняхъ Аристиды. Анри чувствовалъ себя смущеннымъ, и на лицѣ его выразилось страданье. Аристидъ хотѣлъ ему помочь, но не зналъ, что сказать для этого. Наконецъ, онъ обратился къ своимъ мальчикамъ: «Поздоровайтесь съ дядей». Мальчики взглянули на Анри и коротко поклонились.

— Мы можемъ ѣхать, Амели?—спросилъ Аристидъ.

— Да, если хочешь.

— Не уѣзжай еще,—просилъ Анри, умоляюще взглядывая на молодую женщину.

— Мы не можемъ оставаться ради вашего удовольствія, милостивый государь,—отвѣчала она.

— Ради моего удовольствія?—повторилъ Анри.

— Да! Вы заплатили за свои дорогія удовольствія чужими счетами, моихъ дѣтей и моими.

— Тише, тише, другъ мой, теперь не время суда; до свиданья, Анри, безъ горечи, безъ осужденія; мы оба были глупцы, теперь этого не исправишь. До свиданья.

— Гдѣ,—спросилъ Анри, какъ бы ожидая своего приговора.

— Гдѣ? Въ Вэвэ, въ Кларанѣ, въ худшемъ случаѣ на небѣ, если такое существоеть.

— Ты не боишься смерти?—сказаль Анри, во что бы то ни стало желавшій продолжать разговоръ.

— Нѣтъ, но мнѣ тяжело, что время это наступить именно теперь. Я не понимаю, почему смерти надо бояться больше чѣмъ рожденья. Это явленія, измѣнить которыхъ нельзя. Прощай, мнѣ пора ѣхать.

Съ устъ Анри, казалось, было готово сорваться еще какое то слово. Въ ту минуту, какъ откатывалось кресло Аристида, къ Анри подошла мать. Онъ вынулъ изъ кармана молитвенникъ въ черномъ переплетѣ, съ бронзовыми застежками, раскрыль его, и губы его быстро зашевелились, не произнося ни слова.

Шумъ экипажа замеръ за поворотомъ дороги. Поднявъ глаза отъ книги, Анри взглянулъ на растилавшій передъ нимъ пейзажъ и снова обратилъ свои взоры вдаль на вершины Dent de Midi. Снѣгъ тутъ и тамъ растаялъ подъ лучами солнца, и темныя полосы горы казались совершенно черными рядомъ со снѣгомъ; теперь эта вершина казалась чернымъ гробовымъ покровомъ, усѣяннымъ бѣлыми цвѣтами, принесеннымъ въ воздухъ блестящими облаками. Пришло ли это сравненіе въ голову Анри, это трудно установить, но гора, повидимому, производила на него гнетущее впечатлѣніе, и онъ схватилъ за руку мать, ища поддержки.

— Я не боюсь неба,—сказаль онъ,—но мнѣ противно думать о черной могилѣ. Какъ унижительно быть зарытымъ въ землю, какъ всякое животное...»

— Или,—сказала мать,—какъ сокровище, которое позднѣе снова найдутъ.

— Или забудутъ и никогда не отыщатъ...

— Не раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ... и перенесутъ въ музей...

— Когда не будетъ уже музеевъ, если вѣрить Аристиду...

— Не вѣрь твоему врагу.

— Онъ мнѣ больше не врагъ. Когда битва кончена, нѣтъ больше враговъ.

Теперь шумъ экипажа слышался надъ ихъ головами. Наверху, на дорогѣ между пихтъ замелькалъ экипажъ. Анри взглянулъ наверхъ и узналъ его. Съ трудомъ вынулъ онъ носовой платокъ и быстро замахалъ имъ. Но экипажъ продолжалъ быстро катится все выше и выше. Анри хотѣлъ подняться, чтобы быть замѣченнымъ. Громадное облако колыхалось, какъ бумажный змѣй передъ головой лошади и въ слѣдующее мгновенье должно было окутать экипажъ и путниковъ. Онъ замѣтилъ это; открылъ ротъ, чтобы крикнуть, но не издалъ ни звука. Тогда въ экипажѣ замелькало что то бѣлое, и четыре платка заколыхались въ воздухѣ, замахали на прощанье, какъ машутъ друзья, отъѣзжающіе на пароходѣ, и экипажъ исчезъ въ облакѣ.

Зарницы.

Перев. М. Сомова.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Господинъ X, Чиновникъ на пенсіи.

Его братъ, консулъ.

Кондитеръ Штаркъ.

Агнеса, его дочь.

Луиза, служанка г-на X.

Герда, разведенная жена г-на X.

Фишеръ, ея новый мужъ.

Молочница.

Почтальонъ.

Фонарщикъ.

Фасадъ большого городского дома. Фундаментъ и подвальный этажъ его сложены изъ гранита, остальная часть дома—изъ желтаго кирпича. Окна выложены изъ песчаника. Посрединѣ низкая дверь въ подвальный этажъ. Черезъ нее ходъ во дворъ и въ кондитерскую.

Съ правой стороны—уголъ дома съ параднымъ крыльцомъ, вокругъ котораго растутъ штамбовыя розы и другіе цвѣты. На этомъ же углу, на стѣнѣ дома, почтовый ящикъ.

Первый этажъ съ большими окнами. Всѣ они открыты. Четыре окна выходятъ изъ элегантно мебелированной столовой. Во второмъ этажѣ четыре окна со спущенными красными занавѣсками. Въ квартирѣ второго этажа всѣ окна освѣщены.

Передъ домомъ тротуаръ, обсаженный деревьями. На переднемъ планѣ зеленая скамейка и недалеко отъ нея фонарь, съ газовымъ рожкомъ.

Кондитеръ выходитъ изъ дома со стуломъ и усаживается на немъ передъ своей дверью.

Въ окно перваго этажа видно, какъ г-нъ X. сидитъ за столомъ у себя въ столовой. За его спиной большая зеленая маіоликовая печка съ выступомъ, на которомъ стоитъ какой-то портретъ между двухъ канделябровъ и вазъ съ цвѣтами. Молодая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ подаетъ послѣднее блюдо.

Братъ г-на X. входитъ съ лѣвой стороны, подходитъ къ окну и стучитъ палкой о подоконникъ.

БРАТЪ. Ты скоро?

Г-нъ X. Сейчасъ кончаю.

БРАТЪ. (Раскланиваясь съ кондитеромъ). Добрый вечеръ, г-нъ Старкъ; удивительно жарко сегодня... (садится на скамейку).

КОНДИТЕРЪ. Добрый вечеръ, г-нъ консулъ! Да, сегодня ужасно жарко, а намъ пришлось - таки поработать весь день...

БРАТЪ. А?.. Что же, въ нынѣшнемъ году хорошій урожай фрутковъ и ягодъ?

КОНДИТЕРЪ. Нѣтъ, не особенный. Весна, знаете ли, была очень холодная, а лѣто было черезчуръ жаркое. Тѣ, кто, какъ мы, просидѣли все лѣто въ городѣ, натерпѣлись отъ жары.

БРАТЪ. А я только вчера вернулся изъ деревни. Каждый годъ бываетъ такъ. Какъ только наступаютъ длинные темные вечера, начинаешь тосковать по городу...

КОНДИТЕРЪ. А вотъ мы съ женой за все лѣто ни разу не выѣзжали изъ города. Лѣтомъ дѣла идутъ совсѣмъ тихо, а все-таки уѣхать никуда нельзя, надо заготовлять

товаръ на зиму. Сперва поспѣваетъ садовая земляника, потомъ лѣсная земляника, затѣмъ вишни, а за ними смородина и крыжевникъ. Къ осени созрѣваютъ дыни и разные фрукты.

БРАТЪ. Скажите, пожалуйста, г-нъ Старкъ, развѣ этотъ домъ продали?

Кондитеръ. Нѣтъ, я ничего подобнаго не слышалъ

БРАТЪ. А въ домѣ много жильцовъ?

Кондитеръ. Да. Всѣхъ квартиръ, кажется, десять, если считать тѣ, что выходятъ во дворъ. Но всѣ мы очень мало знаемъ другъ друга, поэтому у насъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ сплетенъ. Со стороны можно даже подумать, что мы всѣ здѣсь прячемся другъ отъ друга. Я живу въ этой квартирѣ вотъ уже десять лѣтъ. Первые два года у меня были странные сосѣди. Днемъ ихъ совсѣмъ не было слышно, но за то вечеромъ они поднимали ужасный шумъ. Подъѣзжали какіе-то экипажи и на нихъ что то увозили. Потомъ, только уже въ концѣ второго года, я узналъ, что рядомъ со мной помѣщалась больница, и что это по вечерамъ увозили покойниковъ.

БРАТЪ. Это непріятно!

Кондитеръ. Да, вотъ что значить тихіе сосѣди!

БРАТЪ. У васъ вообще здѣсь очень тихо.

Кондитеръ. Да, это правда. Но и здѣсь разыгрывались драмы...

БРАТЪ. А скажите, пожалуйста, г-нъ Старкъ, кто снялъ квартиру надъ моимъ братомъ.

Кондитеръ. Въ той квартирѣ, гдѣ сейчасъ спущены красныя занавѣски, нынѣшнимъ лѣтомъ умеръ квартирантъ. Цѣлый мѣсяць квартира стояла пустая, а вотъ ужъ съ недѣлю, какъ въ нее переѣхали новые жильцы, но я ихъ еще ни разу не видалъ... и даже не знаю ихъ фамиліи. Кажется,

они никогда не показываются на улицѣ. А почему вы спросили меня объ этомъ, г-нъ консуль.

БРАТЪ. Да такъ... я самъ не знаю, почему. Эти четыре красныя занавѣски мнѣ почему то подозрительны. Мнѣ почему-то кажется, что за ними разыгрывается какая-нибудь кровавая драма. Смотрите, вонъ тамъ стоитъ финиковая пальма, какъ пучекъ розогъ, и тѣнь отъ нея падаетъ на красныя занавѣски... Жаль, что никого изъ жильцовъ отсюда не видно.

КОНДИТЕРЪ. Въ этой квартирѣ бываетъ очень много народу, но только по позднѣе, ночью...

БРАТЪ. Что же, это мужчины или дамы?

КОНДИТЕРЪ. Нѣтъ, я видѣлъ и мужчинъ и дамъ... Простите... мнѣ пора внизъ къ моимъ горшкамъ... (Уходитъ въ дверь, ведущую въ кондитерскую.)

(Г-нъ Х. кончилъ свой обѣдъ; онъ встаетъ изъ за стола, подходитъ къ окну, закуриваетъ сигару и разговариваетъ со своимъ братомъ).

Г-нъ Х. Подожди минутку. Я сейчасъ готовъ. Луиза сейчасъ пришьетъ только пуговицу къ моимъ перчаткамъ.

БРАТЪ. Развѣ ты хочешь итти въ городъ?

Г-нъ Х. Отчего же? Можетъ быть, мы съ тобой и прогуляемся по городу? Съ кѣмъ это ты тутъ разговаривалъ?

БРАТЪ. Тутъ кондитеръ сидѣлъ...

Г-нъ Х. А?... Онъ очень хорошій человѣкъ. Ты знаешь, это единственный человѣкъ, съ которымъ я видѣлся за все лѣто...

БРАТЪ. Неужели же ты всѣ вечера просидѣлъ дома? Развѣ ты не ходилъ гулять?

Г-нъ Х. Никогда! Эти свѣтлые вечера наводятъ на меня тоску. Можетъ быть, они очень хороши въ деревнѣ, но въ городѣ они производятъ впечатлѣніе чего-то противоесте-

ственного, почти чудовищнаго. Въ тотъ вечеръ, когда зажигаютъ въ первый разъ фонари осенью, я опять чувствую себя спокойнымъ и я опять могу гулять по вечерамъ. Послѣ прогулки я утомляюсь и сплю гораздо лучше.

Луиза. (За окномъ. Подаетъ ему перчатку).

Г-нъ X. Спасибо, дитя мое... Окна можно не закрывать... комаровъ нѣтъ... Ну, теперь я иду!

Немного погодя г-нъ X. выходитъ въ парадную дверь, опускаетъ въ почтовый ящикъ письмо и садится рядомъ съ братомъ на скамейку.

Братъ. Скажи мнѣ пожалуйста, чего ради ты сидишь лѣтомъ въ городѣ, хотя могъ бы прекрасно уѣзжать отсюда въ деревню.

Г-нъ X. Не знаю. Я сталъ ужасно неподвиженъ. Воспоминанія приковали меня къ этому мѣсту... Только здѣсь, въ моей квартирѣ, я чувствую себя въ безопасномъ и спокойномъ мѣстѣ. Да, только здѣсь... Какъ любопытно иногда посмотреть со стороны на свое собственное жилище... Я стараюсь представить себѣ, что тамъ живетъ кто-то другой... Когда я вспомню, что я прожилъ здѣсь цѣлыхъ десять лѣтъ...

Братъ. Развѣ уже есть десять лѣтъ?

Г-нъ X. Да, время летитъ быстро, когда оглядываешься на прошлое, но оно ползетъ медленно, когда его переживаешь... Въ то время домъ былъ только что отстроенъ; при мнѣ настилали паркетъ въ столовой; при мнѣ красили окна и двери... Она сама выбирала эти обои, которые у меня до сихъ поръ... Да, все это было... Кондитеръ и я, мы тутъ самые старые жильцы, у него тоже было здѣсь свое горе... Онъ изъ тѣхъ людей, которымъ ничто не удается; вѣчно у него какая-нибудь непріятность... Я пережилъ съ нимъ вмѣстѣ его жизнь и ташилъ на плечахъ его ношу вмѣстѣ со своей...

БРАТЪ. Онъ не пьетъ?

Г-нъ Х. Нѣтъ! Онъ очень трудолюбивъ, но ему не везеть... Мы съ нимъ оба знаемъ исторію всѣхъ обитателей этого дома. Сюда пріѣзжали люди въ свадебныхъ каретахъ, потомъ ихъ увозили отсюда на катафалкахъ... И этотъ почтовый ящикъ, вонъ тамъ на углу, узналъ много человѣческихъ тайнъ...

БРАТЪ. Здѣсь, кажется, кто-то умеръ лѣтомъ?

Г-нъ Х. Да, тутъ одинъ служащій изъ банка умеръ отъ тифа... Послѣ этого квартира цѣлый мѣсяцъ стояла пустой.. Сначала увезли покойника, потомъ уѣхала вдова съ дѣтьми, затѣмъ уже увезли мебель...

БРАТЪ. Это надъ твоей квартирой, во второмъ этажѣ?

Г-нъ Х. Да, да. Тамъ сейчасъ освѣщено. Туда перѣѣхали новые жильцы, но я ихъ еще не видалъ.

БРАТЪ. Какъ? И ты тоже ихъ еще не видалъ?

Г-нъ Х. Я не имѣю обыкновенія спрашивать о жильцахъ. Я знаю о нихъ только то, что бросается само въ глаза. Я только наблюдаю, но самъ остаюсь въ сторонѣ, потому что на старости лѣтъ начинаешь дорожить своимъ покоемъ. .

БРАТЪ. Да, старость! По моему, это хорошая вещь — старость. Съ годами все ближе и ближе становишься къ цѣли.

Г-нъ Х. Конечно, старость—хороша. Вотъ я и подвожу свой балансъ, рассчитываюсь съ жизнью и людьми и понемногу начинаю укладываться въ дорогу. Въ одиночествѣ нѣтъ ничего страшнаго, но зато, когда никто не предъявляетъ къ тебѣ никакихъ требованій, ты, по крайней мѣрѣ, свободенъ. Какъ хорошо быть свободнымъ и имѣть право, не спрашиваясь ни у кого, сидѣть или уйти, думать, дѣлать, что хочется, ѣсть и спать, когда хочется.

Въ верхней квартирѣ немного приподымается штора. Видно, что тамъ въ окнѣ стоитъ женщина. Затѣмъ штора снова опускается.

БРАТЪ. Смотри, верхніе квартиранты начинаютъ подавать признаки жизни.

Г-нъ Х. Да, да. Все тамъ у нихъ ужасно таинственно. Хуже всего ночью! То у нихъ музыка тамъ, только ужасно плохая музыка; то они начинаютъ играть въ карты, мнѣ такъ, по крайней мѣрѣ, иной разъ кажется. Потомъ поздно ночью подаютъ экипажи, и гости разъѣзжаются по домамъ. Впрочемъ, я никогда не жалуясь на сосѣдей по квартирѣ, потому что это никогда не помогаетъ, а наоборотъ, — они еще начинаютъ мстить за это. Поэтому самое лучшее ничего не знать...

Изъ подъѣзда выходитъ господинъ въ смокингѣ съ непокрытой головой, останавливается около почтоваго ящика и опускаетъ въ него цѣлую пачку писемъ. Послѣ этого онъ опять скрывается въ подъѣздѣ.

БРАТЪ. Ты видѣлъ, какая у него была корреспонденція?

Г-нъ Х. Это похоже на какое нибудь циркулярное приглашеніе.

БРАТЪ. Кто этотъ господинъ?

Г-нъ Х. Вѣроятно это тотъ квартирантъ, который поселился надо мной.

БРАТЪ. Такъ это былъ онъ? Какъ ты его находишь?

Г-нъ Х. Не знаю! Можетъ быть онъ какой-нибудь музыкантъ, что-нибудь въ родѣ директора оперетки, — знаешь, такой, какъ Варіетэ; можетъ быть, это шуллеръ или альфонсъ... вѣроятно въ немъ есть всего этого понемножку...

БРАТЪ. При такомъ цвѣтѣ лица всегда бываютъ черные волосы, а ты замѣтилъ, что онъ шатень? Значить, онъ или красится или носить парикъ. Потомъ, если чело-

вѣкъ ходитъ у себя дома въ смокингѣ, то это можетъ служить доказательствомъ бѣдности его гардероба... А потомъ, ты замѣтилъ?—когда онъ опускалъ письма въ ящикъ, то его руки дѣлали такія движенія, будто бы онъ тасовалъ колоду и сдавалъ карты...

Слышно, какъ въ верхней квартирѣ кто-то тихо наигрываетъ вальсъ.

БРАТЪ. У нихъ почему - то всегда играютъ вальсы... Можетъ быть, у нихъ тамъ школа танцевъ?.. Только зачѣмъ это они играютъ все одинъ и тотъ же вальсъ? Ты не знаешь, какъ онъ называется?

Г-нъ Х. Кажется... это «Золотой дождь»... Я хорошо знаю этотъ вальсъ...

БРАТЪ. Развѣ его играли у тебя въ домѣ?

Г-нъ Х. Да... его и еще другой, Альказарскій...

Видно какъ Луиза входитъ въ столовую и ставитъ въ буфетъ мытые стаканы.

БРАТЪ. Ты по прежнему доволенъ Луизой?

Г-нъ Х. Да, очень.

БРАТЪ. А она не собирается замужъ?

Г-нъ Х. Не знаю, я ничего не слыхалъ объ этомъ.

БРАТЪ. Развѣ у нея нѣтъ жениха?

Г-нъ Х. Почему ты меня спрашиваешь объ этомъ?

БРАТЪ. Можетъ быть ты самъ имѣешь намѣреніе на ней жениться?

Г-нъ Х. Я? Нѣтъ, благодарю! Когда я женился въ послѣдній разъ, я еще не былъ старъ, потому что у насъ очень скоро родился ребенокъ... А теперь я уже старъ, и мнѣ хочется одного—покоя.. Неужели ты думаешь, что я могу захотѣть получить госпожу надъ собой и моимъ домомъ и лишиться самому жизни, чести и имущества?

БРАТЪ. Ну, положимъ, жизнь и имущество остались бы при тебѣ...

Г-нъ Х. Развѣ моя честь пострадала?

БРАТЪ. А ты самъ развѣ этого не знаешь?

Г-нъ Х. Ты думаешь?

БРАТЪ. Она отняла у тебя твою честь, когда ушла отъ тебя...

Г-нъ Х. Значить, я уже цѣлыхъ пять лѣтъ живу безъ чести и не замѣтилъ ни разу, что у меня ея нѣтъ!

БРАТЪ. Неужели же ты самъ этого не зналъ?

Г-нъ Х. Нѣтъ. Вотъ тебѣ въ двухъ словахъ, какъ было дѣло... Мнѣ, какъ ты знаешь, было пятьдесятъ лѣтъ, когда я женился на сравнительно молодой дѣвушкѣ, которая полюбила меня и добровольно и довѣрчиво отдала мнѣ свою руку. Тогда я ей обѣщалъ, что въ тотъ день, когда мой возрастъ окажется препятствіемъ къ ея счастью, я тихо уйду съ ея дороги и дамъ ей полную свободу. У насъ родился ребенокъ, и послѣ этого ни она, ни я—мы не хотѣли больше имѣть дѣтей. И вотъ, когда дочь моя подросла, я почувствовалъ себя лишнимъ и ушелъ, т.-е, вѣрнѣе, сѣлъ въ лодку и уѣхалъ, потому что мы въ то время жили на островѣ. Такъ кончилась эта сказка въ моей жизни! Я исполнилъ свое слово и спасъ свою честь.

БРАТЪ. Да, но она-то считала, что ты похитилъ ея честь, потому что она сама хотѣла отъ тебя уйти. Поэтому-то она и старалась опозорить тебя и дѣлала это такъ тонко, что ты до сихъ поръ ничего объ этомъ не знаешь.

Г-нъ Х. Развѣ она жаловалась на меня въ судъ?

БРАТЪ. Нѣтъ. У нея не было законнаго повода для этого.

Г-нъ Х. Ну, тогда мнѣ не угрожаетъ никакой опасности.

БРАТЪ. Есть ли у тебя свѣдѣнія о томъ, какъ ей потомъ жилось вмѣстѣ съ твоимъ ребенкомъ?

Г-нъ Х. Нѣтъ. Да я и не хочу ничего знать объ этомъ. Когда я перестрадалъ и привыкъ къ своей утратѣ, я сталъ считать, что все прошлое кончено и похоронено. Въ этой квартирѣ теперь остались только хорошія воспоминанія о томъ, что было, и я остался жить въ ней. — Все-таки я тебѣ благодаренъ за то, что ты мнѣ сейчасъ сообщилъ...

БРАТЪ. Что именно?

Г-нъ Х. Что у нея не было основанія жаловаться на меня въ судъ...

БРАТЪ. Послушай... Мнѣ кажется, что ты живешь въ большомъ заблужденіи...

Г-нъ Х. Нѣтъ, нѣтъ! Не отнимай у меня этого заблужденія. Чистая, или относительно чистая совѣсть для меня была всегда чѣмъ-то въ родѣ бѣлой одежды, въ которой я могъ опускаться до самаго дна и не задохнуться. (Встаетъ). Я до сихъ поръ не могу понять, какъ я могъ перенести все это! Теперь, слава Богу, все это миновало! — Не пройтись ли намъ по аллеѣ?

БРАТЪ. Съ удовольствіемъ. Мы сперва погуляемъ, а потомъ посмотримъ, какъ будутъ зажигать первый фонарь.

Г-нъ Х. Да, но сегодня еще будетъ луна; августовская луна!

БРАТЪ. Мнѣ кажется даже, что сегодня еще полнолуніе...

Г-нъ Х. (Подходитъ къ дому и говоритъ въ окно). Луиза, пожалуйста, дай мнѣ мою палку. Ты знаешь, ту, самую легкую тросточку, — просто, чтобы имѣть что-нибудь въ рукѣ.

ЛУИЗА (подаетъ ему въ окно камышевую трость). Вотъ.

Г-нъ Х. Спасибо, дѣтка! Можешь потушить лампы въ

гостиной, если тамъ у тебя нѣтъ никакихъ дѣлъ... Мы тутъ погуляемъ съ братомъ... Такъ что я не знаю, когда вернуться...

Г-нъ X. и братъ уходятъ.

(Луиза стоитъ у окна. Кондитеръ опять выходитъ на улицу).

Кондитеръ. Добрый вечеръ, фрэкенъ. Сегодня что-то тепло... Ваши господа, должно быть, пошли погулять?

Луиза. Да, они тамъ гуляютъ въ аллеѣ... Вы знаете, сегодня онъ пошелъ погулять въ первый разъ за все лѣто...

Кондитеръ. Да, вы знаете, мы, старики, любимъ сумерки... Они скрываютъ отъ насъ и наши собственные и чужіе недостатки... Вы знаете, фрэкенъ, моя старуха того и гляди совсѣмъ ослѣпнетъ. И все-таки она ни за что не соглашается дѣлать операціи. Она увѣряетъ, что не на что смотрѣть... Иногда она даже говоритъ, что хотѣла бы еще и оглохнуть...

Луиза. Можно же дойти до такого состоянія!

Кондитеръ. Вотъ вамъ хорошо живется, спокойно. У васъ нѣтъ никакихъ заботъ. Мнѣ ни разу не пришлось слышать, чтобы въ вашей квартирѣ было произнесено рѣзкое слово, ни разу у васъ не хлопнула дверь... Можетъ быть такая жизнь даже слишкомъ спокойна для такой молодой особы, какъ вы.

Луиза. Нѣтъ, я сама люблю покой и порядокъ, удобство и тишину. Я люблю, когда многого не договариваютъ и стараются не замѣчать нехорошихъ сторонъ жизни...

Кондитеръ. У васъ никогда не бываетъ гостей...

Луиза. Къ намъ приходитъ только изрѣдка консуль. Я никогда не видала раньше такой любви между братьями!

Кондитеръ. А кто изъ нихъ старше?

Луиза. Я сама не знаю... Можетъ быть, одинъ изъ нихъ на годъ старше, а можетъ быть они и близнецы. Они

относятся другъ къ другу съ такимъ уваженіемъ, что можно подумать, что каждый изъ нихъ старше другого.

(Агнесъ выходитъ на улицу и старается незамѣтно пройти мимо отца).

Кондитеръ. Куда ты идешь, дочь моя?

Агнесъ. Я хочу немного пройтись.

Кондитеръ. Это хорошее дѣло. Только возвращайся пораньше домой.

Агнесъ (уходитъ).

Кондитеръ. А какъ вы думаете, вашъ баринъ до сихъ поръ тоскуетъ о своей женѣ и ребенкѣ?

Луиза. Нѣтъ, я не думаю, чтобы онъ тосковалъ объ нихъ, потому что онъ не хотѣлъ бы, чтобы они вернулись къ нему назадъ, но онъ живетъ среди воспоминаній о нихъ, а остались у него отъ нихъ только хорошія воспоминанія...

Кондитеръ. А все-таки его, вѣроятно, иногда беспокоитъ судьба дочери?..

Луиза. Конечно, онъ боится, что мать ея выйдетъ второй разъ замужъ, и тогда все будетъ зависѣть отъ того, кто будетъ вотчимомъ ребенка...

Кондитеръ. Мнѣ рассказывали, что сперва жена отказалась принимать отъ него какую бы то не было помощь, но потомъ, черезъ пять лѣтъ, она будто бы представила ему черезъ своего адвоката счетъ въ нѣсколько тысячъ за содержаніе ребенка...

Луиза. (Уклончиво). Объ этомъ я ничего не знаю.

Кондитеръ. А все-таки я увѣренъ, что у него сохранились самыя лучшія воспоминанія о женѣ.

(Входитъ слуга съ корзиной вина).

Слуга. Извините за беспокойство... Гдѣ тутъ живетъ г-нъ Фишеръ?

Луиза. Господинъ Фишеръ? Я такого не знаю.

Кондитеръ. Постойте! Можетъ быть это новый квартирантъ во второмъ этажѣ. Войдите въ подъездъ и позвоните во второмъ этажѣ.

Слуга. Во второмъ этажѣ? (Идетъ къ подъезду). Хорошо. Благодарю васъ...

Луиза. Сегодня ночью намъ опять не удастся заснуть, потому что туда опять понесли вино.

Кондитеръ. Что это за люди тамъ живутъ? Ихъ днемъ никогда не видно.

Луиза. Можетъ быть они ходятъ по черной лѣстницѣ. Я еще ни разу ихъ не видала, но слышу ихъ постоянно.

Кондитеръ. Я слышалъ, какъ у нихъ въ квартирѣ хлопали двери... Мнѣ даже показалось, что тамъ бьютъ кого-то...

Луиза. Они даже въ такую жару никогда не открываютъ оконъ... Это, навѣрно, какіе-нибудь южане... Смотрите, смотрите... молнія! Разъ, два, три... Это, должно быть, просто зарницы... Грома совсѣмъ не слышно.

Голосъ изъ подвала. Милый Старкъ, иди скорѣй, помоги мнѣ справиться съ сиропомъ...

Кондитеръ. Иду, иду сейчасъ!.. Мы теперь заняты заливкой... Иду, иду! (Уходитъ къ себѣ).

Луиза. (Стоитъ у окна).

Братъ. (Медленно входитъ справа). Что, братъ еще не вернулся?

Луиза. Нѣтъ, господинъ консуль.

Братъ. Онъ хотѣлъ поговорить по телефону, а я пошелъ одинъ впередъ. Значитъ, онъ сейчасъ здѣсь будетъ... Что это такое? (Нагибается и поднимаетъ съ тротуара карточку). Что тамъ написано? «Бостонклубъ послѣ полуночи. Фишеръ». Кто такое Фишеръ? Вы не знаете, Луиза?

Луиза. Только что сюда приходилъ посыльный съ корзиной вина и искалъ какого то Фишера во второмъ этажѣ...

БРАТЪ. А? Это во второмъ этажѣ!.. Это тамъ, гдѣ всю ночь горитъ огонь за красной занавѣской... У васъ плохіе жильцы завелись въ домѣ, Луиза...

Луиза. Что значитъ «Бостонклубъ»?

БРАТЪ. Можетъ быть, что тутъ и нѣтъ ничего преступнаго... но почему-то въ этомъ случаѣ мнѣ кажется... Но какъ попала сюда эта карточка? Онъ, должно быть, самъ уронилъ ее, когда опускалъ письма въ почтовый ящикъ. Фишеръ... я гдѣ-то слышалъ эту фамилію. . но я что-то не могу сейчасъ припомнить, по какому случаю я ее слышалъ... Фрэкень Луиза, позвольте вамъ предложить одинъ вопросъ.—Мой братъ часто говоритъ о своемъ прошломъ?

Луиза. Нѣтъ. Съ мной онъ никогда не говоритъ объ этомъ.

БРАТЪ. Фрэкень Луиза... еще одинъ маленькій вопросъ...

Луиза. Простите, вотъ несутъ вечернее молоко, и я должна итти его принять...

(Луиза отходитъ отъ оконъ. Молочница проходитъ черезъ сцену и входитъ въ подъѣздъ).

КОНДИТЕРЪ. (Выходитъ на улицу, снимаетъ свою бѣлую фуражку и отдувается). Я какъ барсукъ... то выскочу изъ своей норы, то опять въ нее спрячусь... Тамъ просто невыносимо около плиты... Она не остываетъ даже къ вечеру...

БРАТЪ. Кажется собирается дождикъ. Вы видѣли молнію? Въ городѣ не такъ то пріятно, но у васъ тутъ наверху по крайней мѣрѣ хоть тихо. Ни грохочущихъ экипажей, ни конокъ... Тутъ совсѣмъ какъ въ деревнѣ.

Кондитеръ. Да, здѣсь тихо, а для нашего дѣла такъ даже, пожалуй, и слишкомъ тихо. Вотъ я хорошій кондитеръ, но плохой торговецъ. Я всегда былъ такимъ и никакъ не могу научиться. Можетъ быть тутъ есть еще и другая причина. Можетъ быть, я не умѣю обращаться съ покупателемъ. Видите ли, когда покупатель обращается со мной, какъ съ обманщикомъ, то я начинаю раздражаться, а потомъ я совсѣмъ теряю послѣднее терпѣніе. Но теперь я уже и не могу даже сердиться. Чувства притупились... Да, все изнашивается со временемъ...

Братъ. Вамъ бы слѣдовало поступить куда-нибудь на мѣсто...

Кондитеръ. Меня никто не возьметъ.

Братъ. Почему? Развѣ вы уже пробовали?

Кондитеръ. Нѣтъ. Къ чему? Все равно изъ этого ничего не выйдетъ.

Братъ. Ахъ, вотъ какъ?..

(Въ верхнемъ этажѣ дома кто-то протяжно стонетъ: О-о!..)

Кондитеръ. Господи Иисусе! Что они тамъ дѣлаютъ наверху? Можно подумать, это они тамъ убиваютъ другъ друга...

Братъ. Эти новые и незнакомые люди, поселившіеся въ домѣ, мнѣ что-то не нравятся. Какое-то красное грозное облако обволакиваетъ ихъ... Что это за люди? Откуда они явились? Что имъ здѣсь нужно?

Кондитеръ. Вы знаете, какъ опасно вмѣшиваться въ чужія дѣла. Такъ легко можно попасть въ непріятное положеніе...

Братъ. И вы ничего не знаете объ нихъ?

Кондитеръ. Нѣтъ, я ничего не знаю...

Братъ. Слышите?.. Вотъ опять кричатъ у нихъ на лѣстницѣ...

Кондитеръ. (Прячась за дверь). Я не желаю принимать участія во всей этой исторіи.. (Уходитъ).

Герда, разведенная жена г-на X, выходитъ изъ дома съ непокрытой головой. Она сильно возбуждена, волосы ея растрепаны).

Братъ. (Идетъ къ ней).

(Они узнаютъ другъ друга. Она испуганно отступаетъ назадъ).

Братъ. Это ты? Ты бывшая жена моего брата?

Герда. Да.

Братъ. Зачѣмъ ты пришла въ этотъ домъ? Почему ты не пожалѣла покоя моего бѣднаго брата?

Герда. (Смущенно). Мнѣ назвали другое имя, и я думала, что онъ уже не живетъ больше въ этомъ домѣ. Я не виновата...

Братъ. Не бойся меня, Герда! Ты не должна меня бояться! Можетъ быть тебѣ нужна моя помощь? Что у васъ тамъ случилось наверху?

Герда. Онъ билъ меня...

Братъ. А дѣвочка твоя съ тобой?

Герда. Да.

Братъ. Значитъ, у нея есть вотчимъ?

Герда. Да.

Братъ. Поправь свою прическу и постарайся успокоиться, тогда мы съ тобой поговоримъ обо всемъ этомъ... Но, ради Бога, пощади моего брата...

Герда. Онъ, должно быть, ненавидитъ меня...

Братъ. Нѣтъ. Посмотри, какъ онъ ухаживаетъ за твоими цвѣтами на этихъ клумбахъ. Ты помнишь, какъ онъ самъ приносилъ тебѣ землю въ корзинѣ? Развѣ ты не узнаешь свои цвѣты? Вотъ твоя голубая горчанка, вотъ резеда, здѣсь твои розы,—помнишь?—онъ ихъ самъ прививалъ. Развѣ ты не видишь, какъ свято чтится здѣсь память о тебѣ и о твоёмъ ребенкѣ?

ГЕРДА. А гдѣ онъ самъ сейчасъ?

БРАТЪ. Онъ тамъ, въ аллеѣ. Онъ сейчасъ придетъ сюда съ вечерней газетой. Если онъ придетъ съ лѣвой стороны, то пройдетъ въ квартиру дворомъ, сядетъ вонъ тамъ, въ залѣ, и будетъ читать... Стой смирно, тогда онъ тебя не замѣтитъ... Но тебѣ, должно быть, уже пора вернуться къ своимъ...

ГЕРДА. Нѣтъ, не могу... Я не могу больше вернуться къ этому человѣку!

БРАТЪ. Кто онъ такой? Чѣмъ онъ занимается?

ГЕРДА. Онъ былъ пѣвцомъ...

БРАТЪ. А теперь?... Просто искатель приключеній?

ГЕРДА. Да.

БРАТЪ. Онъ содержитъ игорный домъ?

ГЕРДА. Да.

БРАТЪ. А твоя дочь? Она служитъ приманкой?

ГЕРДА. Не говори такъ!

БРАТЪ. Это ужасно!

ГЕРДА. Зачѣмъ употреблять такія сильныя выраженія?

БРАТЪ. По твоему грязь нельзя называть ея настоящимъ именемъ? Ты знаешь, что можно самыя хорошія поступки замарать грязью? Зачѣмъ тебѣ понадобилось порочить его честь? Зачѣмъ ты старалась сдѣлать меня своимъ сообщникомъ? Я былъ настолько наивенъ, что повѣрилъ тебѣ, и я защищалъ твое неправое дѣло!

ГЕРДА. Но ты забываешь, что онъ былъ слишкомъ старъ.

БРАТЪ. Нѣтъ, тогда онъ еще не былъ слишкомъ старъ, потому что у васъ скоро родился ребенокъ. Ты же помнишь, что, когда онъ былъ твоимъ женихомъ, онъ спросилъ тебя, хочешь ли ты имѣть отъ него ребенка. И онъ тогда же общалъ тебѣ, что въ тотъ день, когда онъ уви-

дять, что его возрастъ служить препятствіемъ къ твоему счастью,—онъ дастъ тебѣ свободу.

ГЕРДА. Да, но онъ самъ ушелъ отъ меня, онъ этимъ нанесъ мнѣ оскорбленіе.

БРАТЪ. Это не могло быть оскорбленіемъ для тебя! Твой возрастъ защищалъ тебя... онъ служилъ лучшимъ доказательствомъ въ твою пользу.

ГЕРДА. Онъ долженъ былъ дать мнѣ уйти отъ него...

БРАТЪ. Зачѣмъ? Это было бы позоромъ для него...

ГЕРДА. Все равно, на кого-нибудь изъ насъ долженъ былъ лечь этотъ позоръ.

БРАТЪ. У тебя удивительно странная логика!.. Ты опозорила его доброе имя, и ты хотѣла и меня заставить сдѣлать то же... Я теперь не знаю, какъ можно возстановить его честь?

ГЕРДА. Нѣтъ, нѣтъ! Его честь можно возстановить только на мой счетъ!

БРАТЪ. Я не могу согласиться съ тобой, потому что въ тебѣ говоритъ одна ненависть. Но оставимъ въ покоѣ его честь. Займемся лучше спасеніемъ твоей дочери, которой угрожаетъ гибель. Что намъ дѣлать?

Г-нъ X выходитъ слѣва съ газетою въ рукахъ. Онъ задумчиво проходитъ черезъ сцену и идетъ къ двери, ведущей во дворъ. Въ это время Братъ и Герда стоятъ молча за угломъ у подъѣзда. Когда г-нъ X исчезаетъ за дверью, Братъ и Герда выходятъ на авансцену. Затѣмъ видно, какъ г-нъ X входитъ въ залу, садится въ кресло и читаетъ газету).

ГЕРДА. Неужели это онъ?

БРАТЪ. Подойди сюда и посмотри на свое прежнее жилище. Все здѣсь осталась въ томъ видѣ, какъ было при тебѣ, когда ты убирала квартиру по своему вкусу. Не бойся, онъ насъ не можетъ видѣть; здѣсь слишкомъ темно а свѣтъ отъ лампы слѣпитъ ему глаза.

ГЕРДА. Ахъ, какъ онъ меня обманулъ!

БРАТЪ. Какимъ образомъ?

ГЕРДА. Да онъ совсѣмъ не постарѣлъ съ тѣхъ поръ! Я просто ему надоѣла тогда,—вотъ и все. Смотрите, какіе у него воротнички! Вонъ и галстукъ завязанъ по самой послѣдней модѣ! Теперь я увѣрена, что у него есть любовница!

БРАТЪ. Да. И ты можешь видѣть ея портретъ. Вонъ онъ тамъ стоитъ на каминѣ между двумя канделябрами.

ГЕРДА. Но вѣдь это мой портретъ съ ребенкомъ! Неужели онъ любитъ меня до сихъ поръ?

БРАТЪ. Онъ любитъ свои воспоминанія о тебѣ.

ГЕРДА. Какъ это странно!

(Г-нъ X перестаетъ читать и смотритъ въ окно).

ГЕРДА. Онъ смотритъ на насъ!

БРАТЪ. Тише! Стой смирно...

ГЕРДА. Онъ смотритъ мнѣ прямо въ глаза!

БРАТЪ. Стой смирно! Онъ тебя не видитъ...

ГЕРДА. У него лицо, какъ у мертваго...

БРАТЪ. Ты, вѣдь, и на самомъ дѣлѣ убила его...

ГЕРДА. Зачѣмъ ты говоришь такіе вещи...

(Сильная молнія освѣщаетъ Герду и Брата).

Г-нъ X. Вздрагиваетъ и встаетъ).

ГЕРДА. (Прячется за уголъ дома у подъѣзда).

Г-нъ X. Карлъ Фридрихъ! (Подходитъ къ окну). Ты здѣсь одинъ? А я думалъ... Ты, въ самомъ дѣлѣ, одинъ?

БРАТЪ. Да, какъ видишь.

Г-нъ X. Сегодня вечеромъ ужасно душно, и отъ цвѣтовъ у меня разболѣлась голова... Но всетаки я дочитаю вечернюю газету... (Идетъ на свое прежнее мѣсто и садится читать газету).

Братъ. (Подходитъ къ Гердѣ). Ну, теперь я къ твоимъ услугамъ. Хочешь, я пойду съ тобой туда, навѣрхъ, если это нужно.

Герда. Тогда идемъ. Придется выдержать тяжелую борьбу...

Братъ. Что же дѣлать? Ребенка надо спасти. А потомъ, не забывай, что я представитель закона...

Герда. Да, ради ребенка... Идемъ!

(Уходятъ).

Г - нъ Х. (Изъ залы). Карлъ Фридрихъ! Давай сыграемъ въ шахматы. Карлъ Фридрихъ!

ЗАНАВѢСЪ.

Въ столовой.

У задней стѣны кафельная печь. Слева отъ нея дверь въ буфетъ. Справа открытая дверь въ прихожую. Налѣво у стѣны буфетъ, около него телефонъ; направо рояль и часы. Въ правой и лѣвой стѣнѣ по двери.

Луиза. (Входитъ).

Г-нъ Х. Ты не знаешь, куда ушелъ мой братъ?

Луиза. (Безпокойно). Я его только что видѣла здѣсь, около дома, онъ не могъ уйти далеко.

Г-нъ Х. Ужасно шумятъ сегодня тамъ наверху! Можно подумать, что они нарочно стучатъ ногами у меня надъ головой! Слышишь, они теперъ выдвигаютъ ящики изъ комодовъ,—какъ будто собираются укладываться въ дорогу; можетъ быть они просто рѣшили бѣжать... Какъ жаль, что ты не умѣешь играть въ шахматы, Луиза!

Луиза. Я играю, но только очень плохо...

Г-нъ Х. Если ты знаешь, какъ надо ходить фигурами, то все остальное придетъ само собой. Ну, садись же, дѣтка!

(Устанавливаетъ фигуры).

Г-нъ Х. Смотри, они тамъ наверху такъ топчутъ, что королева трясется... А снизу еще этотъ кондитеръ подтапливаетъ... Нѣтъ, положительно надо съѣзжать съ этой квартиры...

Луиза. По моему, вамъ бы уже давно слѣдовало это сдѣлать...

Г-нъ Х. Ты говоришь, уже давно?

Луиза. Да. Никогда не слѣдуетъ жить долго среди старыхъ воспоминаній...

Г-нъ Х. Почему? Когда жизнь уже прожита, всѣ воспоминанія хороши...

Луиза. Вы проживете еще двадцать лѣтъ, а это черезчуръ длинный срокъ для того, чтобы его можно было прожить среди воспоминаній, которыя, все равно, должны померкнуть или, можетъ быть, въ одинъ прекрасный день предстать въ совсѣмъ другомъ цвѣтѣ.

Г-нъ Х. Дитя мое, сколько въ тебѣ знанія жизни! Твой ходъ. Ну, возьми же пѣшку... Нѣтъ, только не эту, а то я тебѣ въ два хода сдѣлаю мать...

Луиза. Я лучше пойду конемъ.

Г-нъ Х. Это очень рискованный ходъ.

Луиза. Ничего, а я всетаки пойду конемъ.

Г-нъ Х. Хорошо. Тогда мнѣ придется пустить въ ходъ своего офицера...

Кондитеръ. (Входитъ изъ прихожей съ подносомъ въ рукахъ).

Луиза. А, это г-нъ Старкъ съ вечерними булочками. Онъ всегда крадется, какъ мышь. (Встаетъ, идетъ въ прихожую, беретъ у кондитера подносъ и уходитъ съ нимъ въ буфетъ).

Г-нъ Х. Ну-съ, г-нъ Старкъ, какъ поживаетъ ваша старушка?

Кондитеръ. Благодарю. Вотъ глаза только у нея болятъ... какъ всегда...

Г-нъ Х. Кстати, вы не видѣли тамъ моего брата?

Кондитеръ. Онъ вѣроятно пошелъ прогуляться...

Г-нъ Х. Развѣ онъ встрѣтилъ какихъ нибудь знакомыхъ?

Кондитеръ. Нѣтъ, едва ли...

Г-нъ X. Г-нъ Старкъ, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы въ первый разъ увидали эту квартиру?

Кондитеръ. Это было ровно десять лѣтъ тому назадъ...

Г-нъ X. Когда вы приносили мнѣ свадебный тортъ. ...А какъ, по вашему, обстановка съ тѣхъ поръ измѣнилась?

Кондитеръ. Ничуть... Вотъ развѣ только пальмы выросли... А все остальное совсѣмъ какъ тогда...

Г-нъ X. И такъ все и останется вплоть до того дня, когда вы войдете сюда съ похороннымъ тортомъ. Когда приходитъ извѣстный возрастъ, ничто въ жизни не мѣняется... жизнь останавливается... нѣтъ, она скользитъ назадъ, какъ сани съ горы...

Кондитеръ. Да, ничего не подѣлаешь...

Г-нъ X. И такъ гораздо покойнѣе... Нѣтъ уже ни любви, ни радости, близкіе люди только помогаютъ тебѣ переносить твое одиночество; и всѣ люди для тебя становятся просто людьми, они уже не могутъ предъявлять къ тебѣ своихъ правъ на любовь и сочувствіе. А потомъ понемногу отдѣляешься отъ всѣхъ, какъ старый зубъ, и выпадаешь, не причиняя никому ни боли, ни огорченія. Луиза, напримѣръ,—красивая и молодая дѣвушка,—а я смотрю на нее съ такимъ же наслажденіемъ, какъ на прекрасное произведеніе искусства, которымъ мнѣ даже не хочется обладать. И это создаетъ между нами совсѣмъ особенныя хорошія отношенія. Съ бра- томъ мы живемъ, какъ два старыхъ джентльмена, мы никогда не подходимъ слишкомъ близко другъ къ другу и не пускаемся въ излишнюю откровенность. Если занимаешь среди людей такое, такъ сказать, нейтральное положеніе, то этимъ уже устанавливается извѣстное разстояніе между

людьми и тобой; ну, а на разстояніи, какъ оказывается, мы гораздо лучше относимся другъ къ другу. Однимъ словомъ, я доволенъ старостью и ея покоемъ.... (Зоветь). Луиза!

Луиза. (Входитъ въ лѣвую дверь. Ласково, какъ и раньше). Прачка принесла бѣлье, надо его сосчитать...

Г-нъ Х. Ну, посидите и поболтайте со мной, г-нъ Старкъ... Можетъ быть, вы играете въ шахматы?

Кондитеръ. Къ сожалѣнію, я не могу надолго уходить отъ своихъ горшковъ... А въ одиннадцать часовъ надо затапливать уже заднюю печь... Очень благодаренъ за любезное приглашеніе...

Г-нъ Х. Если вы тамъ увидите моего брата, то попросите его притти сюда и составить мнѣ компанію...

Кондитеръ. Съ удовольствіемъ. (Уходитъ).

Г-нъ Х. (Одинъ. Нѣкоторое время молча передвигаетъ фигуры на шахматной доскѣ, потомъ встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ). Да, да, спокойствіе старости! (Садится за рояль и беретъ нѣсколько аккордовъ. Потомъ встаетъ и снова ходитъ по комнатѣ). Луиза! Нельзя ли отложить счетъ этого бѣлья.

Луиза. (За дверью). Это невозможно. Прачка здѣсь дожидается, а дома у нея мужъ и ребенокъ.

Г-нъ Х. Гм... да... это вѣрно. (Садится и барабанитъ пальцами по столу. Потомъ пытается читать газету, но это ему надоѣдаетъ. Зажигаетъ спички и тушитъ ихъ. Смотритъ на часы).
(Какой-то стукъ въ прихожей).

Г-нъ Х. Карлъ-Фридрихъ, это ты?

Почтальонъ. (Входитъ). Нѣтъ, это почтальонъ. Простите, что я такъ вошелъ, но двери были открыты!

Г-нъ Х. Мнѣ есть письмо?

Почтальонъ. Нѣтъ, только открытка. (Отдаетъ ему открытое письмо и уходитъ).

Г-нъ Х. (Читаетъ). Опять этотъ Фишеръ! Бостонклубъ?

Это вонъ тамъ, у меня надъ головой! Это онъ и есть, господинъ съ бѣлыми руками. Зачѣмъ онъ извѣщаетъ меня? Какая подлость! Положительно надо переѣхать на другую квартиру! Какой-то Фишеръ!... (Рветъ письмо).

(Стукъ въ прихожей).

Г - нъ Х. Это ты, Карлъ-Фридрихъ?

Служащій изъ ледовничества. Это я, я привезъ вамъ ледъ.

Г - нъ Х. Какъ хорошо, что можно получать ледъ въ такую жару. Только, пожалуйста, будьте осторожны съ посудой въ комнатномъ ледникѣ. Будьте добры, положите кусокъ льда ближе къ краю... когда онъ начнетъ таять, я буду слушать, какъ вода стекаетъ по каплямъ... этимъ я буду измѣрять время... это мои водяные часы... Послушайте, откуда вы берете ледъ?... Онъ уже ушелъ... Всѣ они спѣшать домой... у всѣхъ есть съ кѣмъ поговорить и провести вечеръ...

(Пауза).

Г - нъ Х. Карлъ-Фридрихъ, это ты?

(Наверху кто-то играетъ на рояли первую часть «Fantasie Impromptu, Opus 66, Шопена).

Г - нъ Х. (Удивленно смотритъ на потолокъ, затѣмъ начинаетъ слушать). Кто это тамъ играетъ? Это мое Impromptu! (Закрываетъ рукою глаза и слушаетъ).

БРАТЪ. (Входитъ изъ передней).

Г - нъ Х. Это ты, Карлъ-Фридрихъ?

(Наверху сразу перестаютъ играть).

БРАТЪ. Вотъ и я!

Г - нъ Х. Гдѣ ты былъ такъ долго?

БРАТЪ. Надо было устроить одно дѣло. А ты все время просидѣлъ одинъ?

Г - нъ Х. Ну, конечно. Садись, давай сыграемъ въ шахматы.

БРАТЪ. Нѣтъ, давай лучше поболтаемъ. Надо же тебѣ слышать свой собственный голосъ.

Г - нъ Х. Да, ты правъ. Но дѣло въ томъ, что, разговаривая, мы такъ легко возвращаемся къ прошлому...

БРАТЪ. При этомъ легче забыть о настоящемъ...

Г - нъ Х. Для меня нѣтъ настоящаго. То, что я переживаю теперь,—это небытіе... Мнѣ все равно, итти ли впередъ или назадъ; впрочемъ, нѣтъ, лучше впередъ,—впереди, по крайней мѣрѣ, хоть есть надежда!

БРАТЪ. (У стола). Надежда на что?

Г - нъ Х. Надежда на какую-нибудь перемѣну!

БРАТЪ. Это хорошо! Другими словами, съ тебя довольно спокойствія старости.

Г - нъ Х. Можетъ быть.

БРАТЪ. Не можетъ быть, а навѣрно! И если бы ты могъ въ эту минуту сдѣлать выборъ между прошлымъ и настоящимъ...

Г - нъ Х. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, безъ привидѣній!

БРАТЪ. Почему же привидѣнія? Вѣдь это твои собственные воспоминанія.

Г - нъ Х. Въ моихъ воспоминаніяхъ нѣтъ ничего страшнаго. Это просто извѣстныя событія моей жизни, украшенные флѣромъ поэзіи. Но если бы мертвецы вдругъ взяли да и ожили, то это были бы привидѣнія.

БРАТЪ. А скажи откровенно, кто изъ двухъ,—жена или ребенокъ,—представляютъ тебѣ дороже и ближе въ твоихъ воспоминаніяхъ?

Г - нъ Х. Обѣ! Я не раздѣляю ихъ другъ отъ друга. Вотъ почему я и не пытался оставить при себѣ дочь.

БРАТЪ. И ты полагаешь, что поступилъ правильно, не

взявъ себѣ ребенка? Неужели ты ни разу не подумалъ о томъ, что у твоей дочери можетъ быть вотчимъ...

Г-нъ Х. Въ то время я не думалъ объ этомъ. Но потомъ... потомъ эта мысль часто приходила мнѣ въ голову, и я не разъ думалъ...

БРАТЪ. Что у твоего ребенка можетъ быть вотчимъ, который будетъ дурно съ нимъ обращаться, можетъ быть, даже унижать твоего ребенка...

Г-нъ Х. Тише!

БРАТЪ. Что такое?

Г-нъ Х. Ты не слышишь? Мнѣ вдругъ послышался тамъ, въ коридорѣ, топотъ ея ноженокъ; такъ, бывало, она топала ими, когда искала меня по дому. Нѣтъ, пожалуй, ребенокъ былъ мнѣ всего дороже. Какъ хорошо было смотрѣть на это маленькое, неспорченное существо, которое еще ничего не боялось, которое еще не имѣло понятія о той лжи, которая наполняетъ всю нашу жизнь, у котораго не было еще ни отъ кого никакихъ тайнъ. Ты знаешь, какъ она въ первый разъ узнала о людской злобѣ? Разъ она увидала внизу, въ паркѣ, красиваго ребенка и пошла къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями. А красивый ребенокъ отвѣтилъ на ея ласку тѣмъ, что укусилъ ее въ щеку и высунулъ ей языкъ. Вотъ ты посмотрилъ бы тогда на мою крошку Анну-Шарлотту! Она просто окаменѣла, не отъ боли, нѣтъ, а отъ ужаса передъ той бездонной пропастью, которая открылась ея глазамъ, отъ ужаса передъ пропастью, созданной въ жизни людскою злобою. Мнѣ разъ самому пришлось видѣть, какъ однажды позади самыхъ дивныхъ глазъ на свѣтѣ притаились чьи то чужіе глаза, похожіе на глаза какого-то дикаго звѣря. И ты знаешь, я тогда вдругъ почувствовалъ настоящій страхъ и старался заглянуть, не стоитъ ли

у нея за спиной кто-то чужой и неизвѣстный и смотреть на меня черезъ ея лицо, которое въ эту минуту было похоже на маску. Но я не понимаю, къ чему мы теперь говоримъ объ этихъ вещахъ. Это вѣроятно жара и надвигающаяся гроза наводятъ на такія мысли.

БРАТЪ. Нѣтъ, это одиночество влечетъ за собой тяжелыя мысли, и поэтому тебѣ необходимо бывать почаще въ обществѣ. Это лѣто, которое ты провелъ въ полномъ одиноществѣ, сидя здѣсь въ городѣ, окончательно подорвало твои силы.

Г-нъ Х. Нѣтъ, это только вотъ эти двѣ послѣднія недѣли. Знаешь, этотъ больной тифомъ и этотъ покойникъ въ домѣ на меня подѣйствовали ужасно. Мнѣ даже начало казаться, что все это случилось со мной самимъ. Кромѣ того и заботы и горести кондитера стали моими заботами и моими горестями. Меня тоже волнуютъ неурядицы въ его хозяйствѣ и болѣзнь его жены; я даже со страхомъ думаю о его будущемъ... А вотъ эти послѣдніе дни мнѣ все снится моя маленькая Анна-Шарлотта. Я вижу во снѣ, что она подвергается какой-то опасности, какой-то страшной, но неопредѣленной опасности... И каждый разъ передъ самымъ сномъ, когда слухъ становится особенно чуткимъ, я слышу топотъ ея ножекъ. Однажды я какъ-то даже слышалъ ея голосъ.

БРАТЪ. А ты не знаешь, гдѣ она теперь?

Г-нъ Х. Да,—гдѣ она?

БРАТЪ. Что, если ты вдругъ встрѣтишь ее на улицѣ?

Г-нъ Х. Мнѣ кажется, что я бы или лишился разсудка или упалъ бы безъ чувствъ. ...Я долго путешествовалъ за границей, а моя сестренка тѣмъ временемъ подросла дома. Черезъ много лѣтъ, когда я вернулся домой, на пароходной пристани ко мнѣ подошла барышня и бро-

силась мнѣ на шею. И меня тогда поразило, какъ настойчиво проникали въ мою душу ея глаза, напуганные тѣмъ, что я не сразу ее узналъ... И ей пришлось много, много разъ повторить мнѣ: «вѣдь это я!» прежде чѣмъ я узналъ въ этой чужой барышнѣ свою сестру. И такой же, приблизительно, представляется мнѣ моя встрѣча и съ дочерью. За пять лѣтъ въ ея возрастѣ можно такъ измѣниться! Ты только подумай: я могу самъ не узнать своего ребенка! Нѣтъ, ужъ лучше пусть у меня остается моя четырехлѣтняя дочурка вонъ тамъ, на моемъ семейномъ алтарѣ,— другой мнѣ не надо.

(Пауза).

Г-нъ X. Луиза вѣроятно открыла бѣльеваго шкафа и складываетъ въ него бѣлье. Ты чувствуешь, какъ сейчасъ запахло свѣже выстираннымъ бѣльемъ, а это мнѣ всегда напоминаетъ... мать семейства у бѣльеваго шкафа... Этого ангела хранителя, который обо всемъ заботится и все обновляетъ... Мнѣ при этомъ всегда представляется хозяйка дома, которая съ утюгомъ въ рукахъ сглаживаетъ неровности и расправляетъ складки... да, эти складки...

(Пауза).

Г-нъ X. Теперь я на минуту уйду въ свою комнату и напишу письмо... Подожди меня здѣсь немного... я сейчасъ вернусь... (Уходитъ въ лѣвую дверь).

БРАТЪ. (Кашляетъ).

ГЕРДА. (Появляется въ дверяхъ прихожей). Ты одинъ. (Часы бьютъ). Боже мой,—все тотъ же бой часовъ!.. Цѣлыхъ десять лѣтъ звучитъ онъ у меня въ ушахъ... Эти часы никогда не шли вѣрно, но для меня они медленно отсчитывали длинные часы въ теченіе пяти лѣтъ, днемъ и ночью... (Оглядывается). Мой рояль... мои пальмы... большой столъ... За нимъ онъ особенно старательно ухаживалъ, и онъ бле-

ститъ какъ щитъ... А вотъ мой буфетъ... съ рыцаремъ и Евой... у Евы корзинка съ яблоками... Прежде въ правомъ ящикѣ лежалъ термометръ... (Пауза). Интересно, лежитъ ли онъ тамъ и теперь... (Идетъ къ буфету и выдвигаетъ правый ящикъ). Да, онъ попрежнему здѣсь!

БРАТЪ. Какое это можетъ имѣть значеніе?

ГЕРДА. Видишь ли, въ концѣ концовъ этотъ термометръ сталъ для насъ символомъ, воплощеніемъ непрочности нашихъ отношеній... Когда мы устраивали эту квартиру, про термометръ забыли... Мы хотѣли прибить его снаружи къ окну... и вотъ я обѣщала это сдѣлать—и забыла, потомъ онъ обѣщаль это сдѣлать—и забылъ. Мы попрекали другъ друга этимъ термометромъ и, наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ него какъ-нибудь, я засунула его въ этотъ ящикъ... Кончилось тѣмъ, что я возненавидѣла этотъ термометръ, и онъ тоже. И ты знаешь, почему все это случилось? Никто изъ насъ ни одной минуты не вѣрилъ въ прочность нашихъ отношеній,—мы съ перваго же дня сняли другъ передъ другомъ маски и перестали скрывать свои антипатіи. Первое время мы оба жили на чеку,—въ любую минуту каждый изъ насъ былъ готовъ къ бѣгству. Вотъ что значитъ этотъ термометръ, и ты видишь, онъ и до сихъ поръ лежитъ на своемъ мѣстѣ! Попрежнему онъ опускается и подымается, измѣняясь вмѣстѣ съ погодой...

(Кладетъ термометръ на мѣсто и подходитъ къ столу).

ГЕРДА. Мои шахматы... Онъ купилъ ихъ мнѣ, чтобы сократить длинные часы ожиданія передъ рожденіемъ ребенка... Съ кѣмъ онъ играетъ теперь?

БРАТЪ. Со мной.

ГЕРДА. Гдѣ онъ сейчасъ?

БРАТЪ. Ушелъ въ свою комнату написать какое-то письмо.

Герда. Гдѣ эта комната?

БРАТЪ. (Показывая налѣво). Тамъ.

Герда. И здѣсь онъ прожилъ цѣлыхъ пять лѣтъ?

БРАТЪ. Нѣтъ, десять. Пять съ тобой и пять безъ тебя.

Герда. Онъ, вѣроятно, любить одиночество?

БРАТЪ. Не думаю, онъ слишкомъ одинокъ.

Герда. Какъ ты думаешь, онъ прогнать меня?

БРАТЪ. Во всякомъ случаѣ, попробуй! Ты ничѣмъ не рискуешь, ты знаешь, что онъ прежде всего благовоспитанный человѣкъ. Впрочемъ, конечно, тебя должно смущать, что онъ спроситъ про ребенка...

Герда. Мнѣ это и нужно... Онъ долженъ мнѣ помочь найти моего ребенка...

БРАТЪ. И ты совсѣмъ не знаешь, куда могъ скрыться этотъ Фишеръ и какія у него дальнѣйшія намѣренія?...

Герда. Онъ говорилъ мнѣ, что ему необходимо поскорѣе бѣжать отсюда, отъ этого непріятнаго сосѣдства, и я потомъ приѣду къ нему... А ребенка онъ держитъ при себѣ, какъ заложницу; онъ хочетъ потомъ опредѣлить ее въ балетъ; къ этому у нея есть и способности и даже нѣкоторая склонность...

БРАТЪ. Въ балетъ? Ради Бога, не говори объ этомъ отцу, онъ презираетъ подмостки!

Герда. (Садится къ столу и машинально разставляетъ на доскѣ шахматныя фигуры). Подмостки?.. Я сама была на подмосткахъ...

БРАТЪ. Ты?

Герда. Да. Я ему аккомпанировала.

БРАТЪ. Бѣдная Герда!

Герда. Почему? Я сама любила эту жизнь. Когда я здѣсь сидѣла взаперти,—не мой тюремщикъ, а сама моя тюрьма была виною того, что я не выдержала...

БРАТЪ. И теперь съ тебя довольно?

ГЕРДА. Да, теперь я люблю покой и одиночество... но больше всего своего ребенка!

БРАТЪ. Тише!.. Онъ идетъ сюда...

ГЕРДА. (Встаетъ и хочетъ бѣжать, потомъ снова падаетъ безъ силъ на прежнее мѣсто). Ахъ!..

БРАТЪ. Ну, теперь я уйду и оставляю васъ однихъ! Не думай о томъ, что ты ему скажешь,—это придетъ само собой, какъ слѣдующій ходъ, когда играешь въ шахматы.

ГЕРДА. Я больше всего боюсь его перваго взгляда, потому что по нему я узнаю, измѣнилась ли я за эти пять лѣтъ къ лучшему или къ худшему... не стала ли я теперь совсѣмъ старой и некрасивой...

БРАТЪ. (Идетъ къ правой двери). Если онъ найдетъ, что ты постарѣла и подурнѣла, то онъ рѣшится подойти къ тебѣ... Но если онъ увидитъ, что ты попрежнему хороша и молода, у него не будетъ никакихъ надеждъ, и онъ будетъ къ тебѣ неумолимъ... Вотъ онъ!

Г-нъ Х. (Медленно выходитъ изъ лѣвой двери и идетъ черезъ комнату въ буфетъ. Въ рукахъ у него письмо. Видно, какъ онъ проходитъ черезъ переднюю и выходитъ въ наружную дверь.)

БРАТЪ. Онъ понесъ письмо въ почтовый ящикъ.

ГЕРДА. Нѣтъ, я этого не вынесу! Какъ я могу просить у него помощи?! Я должна бѣжать отсюда! Это было бы наглостью съ моей стороны!

БРАТЪ. Нѣтъ, нѣтъ, останься! Ты знаешь, какъ онъ безконечно добръ и отзывчивъ! Онъ поможетъ тебѣ ради ребенка...

ГЕРДА. Нѣтъ, нѣтъ, не надо...

БРАТЪ. Только онъ одинъ можетъ тебѣ помочь...

Г-нъ Х. (Входитъ изъ прихожей, ласково киваетъ Гердѣ, принимая ее, очевидно по близорукости, за Луизу, подходитъ къ

телефону и звонить. Въ то время, какъ онъ проходитъ мимо Герды онъ мимоходомъ говоритъ). Ты уже готова?.. Прекрасно, дитя мое... Луиза, поставь снова всѣ фигуры, мы съ тобой начнемъ игру сначала...

ГЕРДА. (Смотритъ съ удивленіемъ на него, ничего не понимая).

Г - нъ Х. (Поворачивается къ ней спиной и говоритъ по телефону). Алло! Алло! Это ты, мама?.. Добрый вечеръ... Благодарю, хорошо! Да... Луиза уже сидитъ за шахматами, но у нея сегодня было много работы, и она устала... Нѣтъ, слава Богу, все это прошло и дѣло кончено... Нѣтъ, сущіе пустяки... Тепло ли?—Да. У насъ тутъ была сегодня гроза. Она разразилась какъ разъ надъ нашими головами... но, слава Богу, никуда не ударило... Что ты говоришь?.. Я не могу слышать... Ахъ, Фишеры! Да, да, они, вѣроятно, собираются въ путешествіе... Нѣтъ, почему же?.. Кажется, ничего особеннаго, насколько мнѣ извѣстно... Вотъ какъ? Ага... Да, пароходъ уходитъ въ четверть седьмого... да, а приходитъ туда,—постой, я сейчасъ посмотрю,—въ восемь двадцать пять... И вамъ всѣмъ было весело?.. (Смѣется). Да, да, онъ такой забавный, когда веселится... А что сказала на это Марія?.. Какъ намъ жилось лѣтомъ? Мы съ Луизой развлекали другъ друга, какъ могли... Да, она всегда въ хорошемъ настроеніи... Она очень мила!.. Нѣтъ, нѣтъ, благодарю... отъ этого я отказываюсь.

ГЕРДА. (Что-то поняла. Встаетъ, возмущенная).

Г - нъ Х. Какъ мои глаза? Я сталъ совсѣмъ близорукимъ... Нѣтъ, ничего; я тоже говорю, какъ жена нашего кондитера: смотрѣть не на что. Иной разъ даже хочется быть и глухимъ, чтобы ничего не видѣть и не слышать. Квартиранты въ верхней квартирѣ опять ужасно стучали и шумѣли всю ночь... Да, какой то игорный притонъ... Ну

вотъ... разъединили зачѣмъ-то, вѣроятно хотѣли подслушать разговоръ... (Звонитъ въ телефонъ).

ЛУИЗА. (Выходитъ изъ прихожей, но г-нъ Х. ея не видитъ. Герда смотритъ на нее съ удивленіемъ и ненавистью. Луиза снова незамѣтно уходитъ).

Г - нъ Х. (У телефона). Это ты, мама? Да, да. Они вѣчно прерываютъ разговоръ, чтобы подслушать... Значитъ, завтра въ четверть седьмого... Обязательно... Благодарю... Конечно, конечно, съ большимъ удовольствіемъ! До свиданія, мама!

(Даетъ отбой).

(Герда стоитъ одна среди комнаты).

Г - нъ Х. (Оборачивается, видитъ Герду и постепенно начинаетъ ее узнавать). Боже мой! Значитъ, это была ты, а не Луиза?

ГЕРДА. (Молчитъ).

Г - нъ Х. (Устало). Какъ ты попала сюда?

ГЕРДА. Прости... Я здѣсь проѣздомъ... и вотъ... и вотъ, когда я проходила мимо, меня потянуло взглянуть на свой прежній домъ... окна были открыты...

(Пауза).

Г - нъ Х. Какъ, по твоему, здѣсь многое перемѣнилось?

ГЕРДА. Нѣтъ, все на старыхъ мѣстахъ... только здѣсь поселилось еще что-то новое...

Г - нъ Х. (Съ досадой). А ты довольна своей теперешней жизнью?

ГЕРДА. Да, да. Теперь я добилась того, чего хотѣла.

Г - нъ Х. А ребенокъ?

ГЕРДА. Наша дѣвочка растеть, крѣпнеть, — ей хорошо...

Г - нъ Х. Ну, тогда я больше ничего не хочу знать...

(Пауза).

Г-нъ Х. Тебѣ, можетъ быть, что - нибудь нужно отъ меня? Скажи, чѣмъ я могу тебѣ помочь?

Герда. Нѣтъ, нѣтъ, благодарю тебя... мнѣ тоже больше ничего не надо... послѣ того, какъ я увидала, что тебѣ хорошо живется.

(Пауза).

Герда. Хотѣлъ бы ты видѣть Анну Шарлотту?

(Пауза).

Г-нъ Х. Нѣтъ,—потому что я теперь знаю, что ей живется хорошо. Такъ трудно повторять то, что уже пережито,—это все равно, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда заставляли учить сызнава старый урокъ, который ты знаешь хорошо, хотя съ этимъ и не желаетъ согласиться учитель. Я былъ такъ далекъ отъ всего этого,—я старался не думать объ этомъ, и теперь я не могу вернуться къ прежнему.—Прости меня, мнѣ очень тяжело быть невѣжливымъ, но я нарочно не предлагаю тебѣ садиться... Ты—жена другого человѣка, и ты уже сама не та, какъ въ то время, когда мы съ тобою разстались...

Герда. Развѣ я такъ измѣнилась?..

Г-нъ Х. Да, все чужое: голосъ, взглядъ, манеры...

Герда. Я постарѣла?

Г-нъ Х. Не знаю... Говорять, что черезъ три года въ человѣческомъ тѣлѣ уже не остается ни одного атома изъ того, что было—значить, въ пять лѣтъ и подавно все измѣняется... Поэтому вы вотъ теперь стоите передо мной, но вы уже не та, которая прежде сидѣла на этомъ мѣстѣ и тосковала, вы уже не та, и мнѣ очень трудно заставить себя сказать вамъ ты... до того вы мнѣ чужды... И мнѣ кажется, что то-же чувство у меня будетъ и при встрѣчѣ съ моей дочерью!

ГЕРДА. Не говори такъ! Мнѣ было бы легче, если бы ты сердился на меня...

Г - нъ Х. За что же мнѣ на тебя сердиться?

ГЕРДА. За все то зло, которое я тебѣ причинила...

Г - нъ Х. Развѣ ты причинила мнѣ зло? Я этого не зналъ.

ГЕРДА. Ты не читалъ той жалобы, которую я на тебя подала?

Г - нъ Х. Нѣтъ. Я просто передалъ ее своему адвокату. (Садится).

ГЕРДА. А приговоръ.

Г - нъ Х. Его я тоже не читалъ. Мнѣ эта бумаженка не нужна, потому что я не собираюсь жениться.

(Пауза).

ГЕРДА. (Садится).

Г - нъ Х. Что же было написано въ этихъ бумагахъ. Вѣроятно, тамъ говорится о томъ, что я былъ слишкомъ старъ?

ГЕРДА. (Молча утвердительно киваетъ головой).

Г - нъ Х. Что-же? Это была сушая правда, тебѣ, слѣдовательно, не въ чемъ себя упрекать. Я самъ именно на это и ссылался въ своемъ отвѣтѣ суду на твою жалобу и просилъ на этомъ основаніи выдать тебѣ разводъ.

ГЕРДА. Это ты самъ написалъ? Ты?

Г - нъ Х. Да, я написалъ это; я не сказалъ, что я уже слишкомъ старъ, но что я становлюсь уже старикомъ именно для тебя.

ГЕРДА. (Задѣтая). Для меня?

Г - нъ Х. Да! Не могъ же я имъ сказать, что я былъ слишкомъ старъ уже тогда, когда на тебѣ женился, потому что тогда рожденіе нашего ребенка имѣло бы до-

вольно двусмысленное значеніе... А вѣдь это былъ нашъ ребенокъ, вѣдь правда?

ГЕРДА. Ты же знаешь... Но...

Г-нъ Х. У меня нѣтъ причинъ стыдиться своей старости... Если бы я вздумалъ танцовать и играть въ карты по ночамъ, то я, вѣроятно, очень скоро бы превратился въ калѣку или попалъ бы на операціонный столъ, и это было бы позорно...

ГЕРДА. У тебя такой здоровый видъ...

Г-нъ Х. А ты думала, что я умру отъ тоски по тебѣ?

ГЕРДА. (Молчить).

Г-нъ Х. Есть люди, которые утверждаютъ, что ты меня убила. Скажи, развѣ я похожъ на человѣка, убитаго горемъ.

ГЕРДА. (Чувствуетъ себя неловко).

Г-нъ Х. Твои друзья рисовали на меня карикатуры въ различныхъ листкахъ. Я никогда не видалъ этихъ газетъ, а онѣ теперь, черезъ пять лѣтъ, уже давно стали макулатурой... По моему, тебѣ не въ чемъ себя упрекать...

ГЕРДА. Зачѣмъ ты женился на мнѣ?

Г-нъ Х. Ты, кажется, сама знаешь, зачѣмъ люди женятся. Кромѣ того, ты лучше всякаго другого знаешь, что мнѣ не надо было вымалывать твоей любви. И ты, вѣроятно, помнишь, какъ мы съ тобой смѣялись надъ тѣми мудрыми совѣтчиками, которые предостерегали насъ отъ вступленія въ бракъ.—Для меня такъ и осталось непонятнымъ, зачѣмъ тебѣ тогда понадобилось увлекать меня... Послѣ вѣнца ты даже и не взглянула на меня и при этомъ ты вела себя такъ, какъ будто ты присутствуешь гостьей на чужой свадьбѣ. Мнѣ тогда показалось, что ты рѣшила во что бы то ни стало довести меня до отчаянія. Всѣ мои подчиненные ненавидѣли меня, потому что по должности

я былъ ихъ начальникомъ, а ты съ ними почему то сразу заключила союзъ. Стоило мнѣ съ кѣмъ -нибудь поссориться, чтобы этотъ человекъ сразу сталъ твоимъ другомъ. Тогда я долженъ былъ повторять тебѣ: «Ты не должна ненавидѣть своихъ враговъ, но ты не должна также и любить моихъ враговъ».—И вотъ, когда я ясно понялъ, что мнѣ предстоитъ, я сталъ укладывать свои вещи. Но прежде, чѣмъ уйти, я хотѣлъ имѣть вещественное доказательство того, что ты лгала на меня, поэтому я и дождался рожденія ребенка.

Герда. Я никогда не думала, что ты могъ быть такимъ двуличнымъ!

Г - нъ Х. Правда, я молчалъ, но я никогда не лгалъ тебѣ. Ты постепенно развращала всѣхъ моихъ друзей, ты даже хотѣла заставить моего родного брата поступить нечестно относительно меня. Но самое худшее то, что своей бессмысленной болтовней ты набросила тѣнь на самое рожденіе твоего ребенка.

Герда. Это я оговорила на судѣ.

Г - нъ Х. Разъ слово произнесено, его уже нельзя вернуть. И хуже всего въ этомъ дѣлѣ то, что эта сплетня дошла и до ребенка, и твоя дочь узнала, что ея мать...

Герда. Ну нѣтъ!

Г - нъ Х. Нѣтъ,—къ сожалѣнію это такъ. Ты построила на лжи цѣлую башню, и теперь вся эта башня валится тебѣ на голову...

Герда. Это не правда!

Г - нъ Х. Нѣтъ, это правда! Я только что видѣлъ Анну Шарлотту...

Герда. Ты ее видѣлъ?..

Г - нъ Х. Мы съ ней встрѣтились тамъ, на лѣстницѣ, и она назвала меня «дядей». Ты знаешь, что такое—«дядя».

Это старый другъ дома и матери. И я знаю, что и въ школѣ всѣ ея подруги считаютъ меня ея дядей. Для ребенка это ужасно!

Герда. Ты ее видѣлъ?..

Г-нъ Х. Да, но я имѣлъ право никому объ этомъ не сообщать. Развѣ я не имѣю права молчать? И потомъ эта встрѣча такъ взволновала меня, что я сейчасъ же вычеркнулъ ее изъ своей памяти, какъ будто этого никогда не было.

Герда. Скажи мнѣ, что мнѣ сдѣлать, чтобы возстановить твою честь?

Г-нъ Х. Ты? Ты не можешь возстановить моей чести, я одинъ могу это сдѣлать.

(Они долго и пристально смотрятъ другъ другу въ глаза).

Г-нъ Х. Иначе говоря, я уже возстановилъ свое доброе имя...

(Пауза).

Герда. Развѣ я не могу исправить прошлаго? Если я тебя попрошу забыть, простить...

Г-нъ Х. Что ты хочешь этимъ сказать?

Герда. Можетъ быть еще можно все поправить... вернуть старое...

Г-нъ Х. Ты хочешь вернуть старое, хочешь начать опять сначала? Ты хочешь опять вернуться хозяйкой въ мой домъ? Нѣтъ, благодарю покорно! Я этого совсѣмъ не желаю.

Герда. И мнѣ приходится это выслушивать отъ тебя!

Г-нъ Х. Да, да! Ты это пойми!

(Пауза).

Герда. Какая у тебя красивая скатерть.

Г-нъ Х. Да, не дурна...

ГЕРДА. Откуда она у тебя?

(Пауза).

ЛУИЗА. (Появляется въ дверяхъ буфета со счетомъ въ рукахъ).

Г - н ъ Х. (Поворачивается къ ней). Это что,—счетъ?

ГЕРДА. (Встаетъ и начинаетъ надѣвать перчатки съ такой поспѣшностью, что отрываются пуговицы).

Г - н ъ Х. (Достаетъ деньги и считаетъ). Восемь, семьдесятъ двѣ! Совершенно вѣрно!

ЛУИЗА. Можно мнѣ вамъ сказать два слова?

Г - н ъ Х. (Встаетъ и идетъ съ Луизой къ двери. Луиза ему что-то шепчетъ на ухо).

ЛУИЗА. (Уходитъ).

Г - н ъ Х. (Возвращаясь). Бѣдная Герда!

ГЕРДА. Ты, кажется, воображаешь, что я ревную тебя къ твоей прислугѣ?

Г - н ъ Х. Я и не думалъ объ этомъ.

ГЕРДА. Нѣтъ, не правда, ты думалъ объ этомъ и еще думалъ о томъ, что ты слишкомъ старъ для меня, а не для нея. Я понимаю, что ты этимъ хотѣлъ унижить меня... Правда, она очень красива, я этого не отрицаю... для прислуги она очень красива...

Г - н ъ Х. Бѣдная Герда!

ГЕРДА. Зачѣмъ ты это говоришь?

Г - н ъ Х. Потому что мнѣ жаль тебя. Ревновать къ моей прислугѣ—это, конечно, унижительно...

ГЕРДА. Кто тебѣ сказалъ, что я ревную?..

Г - н ъ Х. Въ такомъ случаѣ, что возмущаетъ тебя въ моей тихой и скромной родственницѣ.

ГЕРДА. Она для тебя больше, чѣмъ родственница...

Г - н ъ Х. Нѣтъ, дитя мое, я уже давно отказался отъ всего этого... и теперъ я счастливъ въ своемъ одиночествѣ...

(Звонитъ телефонъ. Г-нъ Х. подходитъ къ аппарату).

Г - нъ Х. Господинъ Фишеръ? Вы ошиблись, это не здѣсь!.. Ахъ, вотъ какъ?!.. Да, да, это я... Онъ убѣжалъ? Съ кѣмъ онъ убѣжалъ? Вотъ какъ? Съ дочерью кондитера Старка! О, Господи! Сколько ей было лѣтъ?.. Восемнадцать? Да, да,—единственный ребенокъ!..

Герда. Я уже раньше знала, что онъ бѣжалъ, но я не подозрѣвала, что онъ убѣжитъ съ женщиной. Теперь ты, конечно, злорадствуешь?

Г - нъ Х. Нѣтъ, я не злорадствую; хотя, правду сказать, это мнѣ облегчило мои страданія. Теперь я вижу, что на свѣтѣ есть таки справедливость. Жизнь идетъ быстро своимъ чередомъ, и въ эту минуту ты сидишь на томъ мѣстѣ, которое мнѣ пришлось такъ долго занимать...

Герда. Ей восемнадцать лѣтъ, а мнѣ уже двадцать девять—я стара, слишкомъ стара для него!

Г - нъ Х. Возрастъ, какъ и все въ жизни, вещь относительная... Но теперь о другомъ.—Гдѣ твой ребенокъ?

Герда. Ребенокъ? Я и забыла объ немъ! Милая моя дѣвочка! О, Господи! Послушай, помоги мнѣ! Онъ увезъ ребенка съ собою... Онъ любилъ Анну Шарлотту, какъ свою собственную дочь... Поѣдемъ со мной въ полицію!.. Поѣдемъ сейчасъ...

Г - нъ Х. Ты хочешь, чтобы я съ тобой ѣхалъ? Ты требуешь отъ меня слишкомъ много!

Герда. Помоги же мнѣ!

Г - нъ Х. (Идетъ къ правой двери). Карлъ-Фридрихъ! Возьми извозчика и съѣзди съ Гердой въ полицію. Ты можешь это сдѣлать?

Братъ. Конечно, конечно,—сейчасъ. Мы всѣ должны помогать другъ другу...

Г - нъ Х. Скорѣй, скорѣй! Только пока не говори ни-

чего кондитеру; можетъ быть все еще уладится. Вотъ бѣдняга! — И бѣдная, бѣдная Герда! Ну скорѣй, скорѣй же!

ГЕРДА. (Выглядываетъ въ окно). На дворѣ дождь... Одолжи мнѣ, пожалуйста, зонтикъ... Только восемнадцать лѣтъ— только восемнадцать лѣтъ! Ну скорѣй! (Быстро уходитъ съ братомъ).

Г - н ъ Х. (Одинъ). Вотъ онъ—покой старости! Мой ребенокъ теперь въ рукахъ какого-то проходимца! Онъ, можетъ быть, еще заставитъ ее танцевать въ какомъ-нибудь кафешантанѣ! Луиза!

Л У И З А. (Входитъ).

Г - н ъ Х. Давай сыграемъ въ шахматы.

Л У И З А. А гдѣ же господинъ консулъ?

Г - н ъ Х. Онъ поѣхалъ по одному дѣлу... Дождь все идетъ?

Л У И З А. Нѣтъ, кажется пересталъ...

Г - н ъ Х. Ну, тогда я пойду прогуляться на воздухъ. (Пауза). Послушай, Луиза, ты хорошая и благоразумная дѣвушка: знаешь ты дочь кондитера Старка?

Л У И З А. Очень мало. Я видѣла ее мелькомъ.

Г - н ъ Х. Она красива?

Л У И З А. Да, очень!

Г - н ъ Х. А ты видѣла господина изъ верхней квартиры?

Л У И З А. Я его никогда не видала.

Г - н ъ Х. Ты, кажется, уклоняешься отъ отвѣта.

Л У И З А. Нѣтъ, я просто научилась молчать въ этомъ домѣ.

Г - н ъ Х. Да, да, но теперь я сознаю, что такая намѣренная глухота, если она заходитъ слишкомъ далеко, можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Приготовь чай; я только немного пройду, чтобы освѣжиться... И вотъ еще что,

дита мое,—ты, конечно, видишь, что тутъ происходитъ,—
но тоже не спрашивай меня объ этомъ...

Луиза. Нѣтъ, нѣтъ. Вы вѣдь знаете, что я не любопытна...

Г - н ъ Х. Благодарю тебя.

З а н а в ѣ с ѣ .

Фасадъ дома, какъ въ первомъ дѣйстви. Изъ оконъ квартиры кондитера падаетъ свѣтъ. Въ верхнемъ этажѣ вся квартира освѣщена. Всѣ окна открыты, и шторы подняты.

КОНДИТЕРЪ. (У своей двери).

Г-нъ Х. (Сидитъ на зеленой скамейкѣ). Это хорошо, что прошелъ дождь.

КОНДИТЕРЪ. Да, чистое Божье благословеніе! Теперь и крыжовникъ скоро поспѣетъ...

Г-нъ Х. Вы тогда сварите нѣсколько литровъ и на мою долю... Мы перестали сами варить... домашнее вареніе изъ крыжовника всегда скисаетъ и покрывается плѣсенью...

КОНДИТЕРЪ. И не говорите, знаю, знаю... Просто бѣда! За этимъ вареніемъ надо ходить, какъ за малымъ ребенкомъ... Нѣкоторые теперь прибавляютъ салициловой кислоты, но это все такіе новые фокусы, которые мнѣ противны...

Г-нъ Х. Салициловая кислота... да, да... это, должно быть, хорошо предохраняетъ отъ плѣсени...

КОНДИТЕРЪ. Да, но это портитъ вкусъ варенія! А кромѣ того, это вѣдь фальсификація!

Г-нъ Х. Послушайте, что, у васъ въ квартирѣ есть телефонъ?

КОНДИТЕРЪ. Нѣтъ, у насъ нѣтъ телефона.

Г-нъ Х. Такъ, такъ.

Кондитеръ. А вы почему спросили объ этомъ?

Г-нъ Х. Я только что объ этомъ думалъ... Иной разъ прямо необходимо... имѣть телефонъ... Знаете, могутъ быть спѣшные заказы... важныя сообщенія...

Кондитеръ. Вы, конечно, правы... но иногда лучше не получать никакихъ извѣстій...

Г-нъ Х. Я это прекрасно понимаю. У меня всегда начинается сердцебіеніе, когда я слышу, какъ звонитъ телефонъ... никогда нельзя знать, какое извѣстіе тебѣ сообщать... А я такъ хочу покоя... прежде всего покоя...

Кондитеръ. И я тоже!

Г-нъ Х. (Смотритъ на часы). Скоро должны зажигать фонари...

Кондитеръ. Про насъ тутъ должно быть забыли. Вонъ, смотрите, въ аллеѣ уже зажгли всѣ фонари...

Г-нъ Х. Нѣтъ, фонарщикъ еще дойдетъ до насъ. Какъ хорошо будетъ, когда опять зажгутъ нашъ фонарь!

(Слышно, какъ въ залѣ звонитъ телефонъ. Видно, какъ Луиза проходитъ черезъ комнату и подходитъ къ аппарату. Г-нъ Х. встаетъ, хватается за сердце и прислушивается, но ему не слышно, что говоритъ Луиза).

(Пауза).

Луиза. (Выходитъ черезъ парадную дверь).

Г-нъ Х. (Тревожно). Ну... что новаго?

Луиза. Пока все безъ перемѣны.

Г-нъ Х. Съ тобою говорилъ мой братъ?

Луиза. Нѣтъ, говорила фру Герда.

Г-нъ Х. Что ей надо?

Луиза. Она хотѣла поговорить съ вами.

Г-нъ Х. Нѣтъ, я не хочу съ ней говорить. Неужели я еще долженъ утѣшать ее послѣ всего того, что она сдѣлала со мной. Довольно того, что я это дѣлалъ раньше,

теперь я больше не могу, я слишкомъ усталъ. Посмотри, тамъ въ верхней квартирѣ они забыли потушить огонь, а пустыя комнаты при полномъ освѣщеніи выглядятъ еще печальнѣе, чѣмъ въ темнотѣ... въ нихъ бродятъ призраки... (Понижая голосъ). А про Агнесъ кондитера... какъ ты думаешь, онъ уже знаетъ?

Луиза. Трудно сказать. Онъ никогда не говоритъ о своихъ заботахъ, и никто объ этомъ не говоритъ въ этомъ тихомъ домѣ...

Г-нъ Х. Слѣдовало бы ему сказать...

Луиза. Нѣтъ, ради Бога, не надо!...

Г-нъ Х. Вѣроятно, она уже не первый разъ доставляетъ ему огорченіе...

Луиза. Онъ никогда не говоритъ о ней.

Г-нъ Х. Это ужасно! Скорѣе бы все это кончилось!

(Въ залѣ опять звонитъ телефонъ).

Г-нъ Х. Опять телефонъ! Не ходи туда! Я больше не хочу ничего знать! Мой ребенокъ! Въ какую ужасную среду попалъ мой ребенокъ! Какой-то проходимецъ и потаскушка! Это ужасно! Бѣдная Герда!

Луиза. Нѣтъ, по моему лучше знать, что тамъ происходитъ... Я пойду къ телефону... Вамъ тоже надо что-нибудь предпринять...

Г-нъ Х. У меня даже нѣтъ силъ, чтобы двинуться съ мѣста. У меня нѣтъ больше силъ, чтобы отражать удары судьбы.

Луиза. Если человѣкъ старается избѣжать опасности, то она нападаетъ на него, и если нѣтъ силъ, чтобы сопротивляться ей, то она свалитъ его съ ногъ.

Г-нъ Х. Но если стоять въ сторонѣ и не вмѣшиваться, то можно избѣжать опасности.

Луиза. Избѣжать?

Г - нъ Х. Да, все въ жизни улаживается гораздо лучше, если не вмѣшиваться. Никто не можетъ требовать, чтобы я принималъ участіе въ дѣлѣ, въ которомъ задѣто столько человѣческихъ страстей. Я не въ силахъ успокоить эти страсти и не могу направить ихъ по другому пути.

Луиза. А какъ же ребенокъ?

Г - нъ Х. Я уже давно отказался отъ многого... и,—по правдѣ сказать,—это уже не такъ волнуетъ меня съ тѣхъ поръ, какъ она побывала здѣсь и испортила всѣ мои воспоминанія. Эти воспоминанія были такъ хороши, и я хранилъ ихъ такъ бережно,—а теперь у меня больше ничего не осталось...

Луиза. Значить, вы свободны теперь!

Г - нъ Х. Если бы ты знала, какая пустота кругомъ,—какъ въ квартирѣ, покинутой жильцами.—А тамъ наверху все имѣетъ такой видъ, какъ послѣ пожара...

Луиза. Кто-то идетъ...

Агнесъ (входитъ въ большомъ волненіи, у нея испуганный видъ. Старается овладѣть собой. Идетъ къ двери, ведущей во дворъ, у которой сидитъ кондитеръ).

Луиза. (Г - ну Х.). Это Агнесъ! Странно! Что же это значить?

Г - нъ Х. Агнесъ? Ну, значить дѣло пошло на ладъ.

Кондитеръ. (Спокойно). Добрый вечеръ, дитя мое! Гдѣ ты была такъ долго?

Агнесъ. Я ходила гулять.

Кондитеръ. Мать уже нѣсколько разъ спрашивала о тебѣ.

Агнесъ. Я сейчасъ пойду къ ней.

Кондитеръ. Хорошо. Пойди внизъ и помоги ей растопить маленькую печь.

Агнесъ. А что, она очень сердилась на меня?

Кондитеръ. Ты же знаешь, что она не можетъ на тебя сердиться.

Агнесъ. Нѣтъ, она сердится, только не говоритъ объ этомъ.

Кондитеръ. Ты, дитя мое, должна радоваться, что тебя не бранятъ...

Агнесъ (уходитъ внизъ).

Г-нъ Х. (Луизѣ). Какъ ты думаешь, онъ знаетъ или не знаетъ?

Луиза. Какъ было бы хорошо, если бы онъ ничего не зналъ!...

Г-нъ Х. Я не могу понять, что тамъ могло произойти. Почему ихъ побѣгъ не состоялся? (Кондитеру). Послушайте! Г-нъ Старкъ!

Кондитеръ. Что такое?

Г-нъ Х. Мнѣ казалось... Вы не видали, никто не выходилъ изъ нашего дома, пока вы тутъ сидѣли?

Кондитеръ. Нѣтъ. Привозили ледъ, потомъ приходилъ почтальонъ... Кажется, больше никого не было...

Г-нъ Х. (Луизѣ). Можетъ быть, тутъ была какая-нибудь ошибка... Возможно, что перепутали что-нибудь... Я ничего не понимаю... Можетъ быть, она обманула! Что тебѣ сказала фру Герда по телефону?

Луиза. Она хотѣла поговорить съ вами.

Г-нъ Х. Какой у нея былъ голосъ? Она была очень разстроена?

Луиза. Да!

Г-нъ Х. По моему, съ ея стороны, по меньшей мѣрѣ, безстыдно обращаться ко мнѣ въ подобномъ случаѣ...

Луиза. А ребенокъ!

Г-нъ Х. Я встрѣтилъ свою дочь на лѣстницѣ! Я ее спросилъ, узнаетъ ли она меня. А она назвала меня дядей

и сообщила мнѣ, что ея папа наверху у себя... Онъ ея вотчимъ, но у него всѣ права на нее... Меня они вычеркнули изъ своей жизни... они очернили меня...

Луиза. Слышите? Подъѣхалъ извозчикъ!

(Кондитеръ уходитъ къ себѣ).

Г-нъ Х. Лишь бы она только не возвращалась сюда! Съ меня довольно ея присутствія! Я больше не могу слышать, какъ моя дочь будетъ хвалить этого чужого чело-вѣка... А потомъ... эти безконечные вопросы: «Зачѣмъ ты тогда женился на мнѣ?»—«Ты это знаешь. А зачѣмъ ты увлекала меня?»—«Ты это знаешь». И такъ все одно и то же, до безконечности!

Луиза. Это консулъ! Онъ сюда идетъ.

Г-нъ Х. Какой у него видъ?

Луиза. Онъ не торопится сюда притти...

Г-нъ Х. Это онъ обдумываетъ, что сказать мнѣ... Какое у него выраженіе лица? Довольное?

Луиза. Нѣтъ, по моему, скорѣе задумчивое...

Г-нъ Х. Вотъ, вотъ... Такъ было всегда... Стоило ему побыть съ этой женщиной, и онъ становился неискреннимъ со мной... Она умѣла очаровать всѣхъ... кромѣ меня! Со мной она была рѣзкой, грубой, неряшливой, глупой... для другихъ она была милой, чуткой, красивой, образованной! Она собирала всю ту ненависть, которую возбуждала въ окружающихъ моя самостоятельность, и превращала ее въ сочувствіе къ себѣ, и этимъ всеобщимъ сочувствіемъ она пользовалась какъ оружіемъ противъ меня... Всѣ они старались черезъ нее овладѣть мной, подчинить меня, унижить и, когда это имъ не удавалось, уничтожить меня!

Луиза. Теперь я пойду въ комнаты и послушаю те-

лефонъ. Я увѣрена, что все теперь кончится благополучно...

Г-нъ Х. Люди не выносятъ ничьей самостоятельности!.. Они непременно хотятъ, чтобы имъ повиновались. Всѣ мои подчиненные, до курьера включительно, во что бы то ни стало хотѣли, чтобы я повиновался имъ. А когда они увидѣли, что я этого не желаю, они назвали меня деспотомъ! Прислуга въ домѣ желала, чтобы я ей подчинился и хотѣла меня заставить ѣсть разогрѣтый обѣдъ! Когда я не захотѣлъ этого терпѣть, онѣ пожаловались на меня барынѣ. А жена, та даже хотѣла, чтобы я повиновался своему собственному ребенку! Но такъ какъ я не желалъ имъ всѣмъ подчиняться, то они стали проклинать меня, говоря, что я тиранъ—только потому, что я шель въ жизни собственной дорогой. Иди скорѣе въ домъ, Луиза! Мы тогда безъ тебя сможемъ тутъ разрядить мину...

БРАТЪ (входитъ съ лѣвой стороны).

Г-нъ Х. Какой результатъ?—Подробностей мнѣ не надо!

БРАТЪ. Позволь мнѣ сначала сѣсть. Я немного усталъ...

Г-нъ Х. Скамейка вся мокрая отъ дождя...

БРАТЪ. Разъ ты на ней сидишь, можно, вѣроятно, сѣсть и мнѣ. Это не такъ ужъ опасно...

Г-нъ Х. Какъ знаешь!—Гдѣ мой ребенокъ?

БРАТЪ. Позволь мнѣ все рассказать тебѣ по порядку?

Г-нъ Х. Рассказывай!

БРАТЪ. (Не спѣша). Итакъ, мы съ Гердой приѣхали на вокзалъ и застали его съ Агнесъ у билетной кассы...

Г-нъ Х. Такъ, значитъ, Агнесъ дѣйствительно была съ нимъ?

БРАТЪ. Да. И твой ребенокъ былъ тоже съ ними. Герда осталась на перронѣ, а я подошелъ къ нимъ ближе.

Въ эту минуту онъ передавалъ Агнесь билеты. Когда она увидала, что онъ купилъ билеты третьяго класса, то швырнула ихъ ему въ лицо, выбѣжала на улицу, сѣла на извозчика и уѣхала!

Г - нъ Х. Фу!...

БРАТЪ. Послѣ этого я подошелъ къ нему и попросилъ у него объясненія, а Герда въ это время схватила ребенка и исчезла съ нимъ въ толпѣ...

Г - нъ Х. Что же онъ тебѣ сказалъ?

БРАТЪ. Видишь ли, если послушать другую сторону, то,—пожалуй...

Г - нъ Х. Поймай! Я хочу знать правду! Онъ оказался совсѣмъ не такимъ плохимъ, какъ мы его считали? Оказалось, что и у него были свои основанія...

БРАТЪ. Вотъ именно!

Г - нъ Х. Я такъ и зналъ! Но ты, конечно, не подумаешь заставить меня выслушивать хвалебныя рѣчи по адресу моего врага...

БРАТЪ. Не хвалебныя рѣчи, а только смягчающія вину обстоятельства...

Г - нъ Х. Развѣ ты выслушалъ меня тогда хоть одинъ разъ, хотя я и умолялъ тебя дать мнѣ объяснить тебѣ, какъ обстояли дѣла... Ты только молчалъ въ отвѣтъ или выслушивалъ меня съ такимъ выраженіемъ лица, будто бы зналъ заранѣе, что все, что бы я ни сказалъ тебѣ, будетъ ложью. Ты тогда все время былъ на сторонѣ лжи, и ты вѣрилъ только лжи, потому что ты самъ былъ влюбленъ въ Герду. Впрочемъ, у тебя была еще и другая причина...

БРАТЪ. Довольно, не говори больше ничего! Ты на все это смотришь только съ своей точки зрѣнія!

Г - нъ Х. Не могу же я смотрѣть на свое собственное

дѣло съ точки зрѣнія моего врага. Понятно, я не могу под-
нять на себя руку!

БРАТЪ. Я тебѣ не врагъ.

Г-нъ Х. Тѣмъ не менѣе, ты былъ съ тѣми, которые
причинили мнѣ зло.—Гдѣ мой ребенокъ?

БРАТЪ. Этого я не знаю.

Г-нъ Х. Чѣмъ же все это кончилось?

БРАТЪ. Фишеръ уѣхалъ одинъ на югъ.

Г-нъ Х. А тѣ двѣ?

БРАТЪ. Онѣ исчезли.

Г-нъ Х. Въ такомъ случаѣ онѣ, пожалуй, опять сюда
вернутся!

(Пауза).

Г-нъ Х. Ты навѣрно знаешь, что онѣ не уѣхали съ
нимъ.

БРАТЪ. Я видѣлъ, что онъ уѣхалъ одинъ.

Г-нъ Х. Ну, слава Богу, мы хоть отъ этого господина
отдѣлались. Теперь—второй вопросъ: какъ быть съ ма-
терью и ребенкомъ?

БРАТЪ. Почему свѣтъ въ верхней квартирѣ?

Г-нъ Х. Они просто забыли потушить лампы.

БРАТЪ. Надо пойти и потушить.

Г-нъ Х. Нѣтъ, не ходи туда! Я желаю только одно-
го,—чтобы онѣ больше не возвращались сюда! Это было
бы ужасно, пришлось бы опять все начинать сначала, какъ
школьнику...

БРАТЪ. Ничего. Половина бѣды уже улажена...

Г-нъ Х. Но самое скверное еще впереди! Какъ ты ду-
маешь, могутъ онѣ вернуться?

БРАТЪ. Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы она

вернулась сюда послѣ того, какъ ей пришлось извиняться передъ тобой въ присутствіи Луизы.

Г-нъ Х. Да, я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Она даже оказала мнѣ честь своею ревностью. Послѣ этого и я начинаю вѣрить, что на этомъ свѣтѣ есть еще справедливость.

Братъ. Ей было очень тяжело узнать, что Агнесъ мо- ложе ея.

Г-нъ Х. Бѣдная Герда! Но въ такихъ случаяхъ жизни нельзя говорить людямъ о томъ, что существуетъ на свѣ- тѣ справедливость, карающая справедливость... потому что люди не любятъ справедливости, это чистѣйшая ложь, будто они ее любятъ. И ихъ собственную грязь нельзя называть ея настоящимъ именемъ!—Немезида,—она для другихъ. (Пауза). Слышишь, звонить телефонъ! Этотъ звонъ напо- минаетъ мнѣ гремучую змѣю.

(Видно, какъ въ залѣ Луиза подходитъ къ телефону).

(Пауза).

Г-нъ Х. Ну, что? Змѣя ужалила?

Луиза (у окна). Можно вамъ сказать два слова?

Г-нъ Х. (идетъ къ окну). Хорошо.

Луиза. Фру Герда съ ребенкомъ уѣхала въ имѣніе къ своей матери въ горы и хочетъ тамъ поселиться.

Г-нъ Х. (брату). И мать и ребенокъ въ деревнѣ, въ хорошемъ, тихомъ домѣ! Ну, теперь все устроилось!

Луиза. Фру Герда просила меня пойти въ верхнюю квартиру и потушить лампы.

Г-нъ Х. Да, да! Сдѣлай это поскорѣе, Луиза, и опусти тамъ всѣ шторы, чтобы мы больше ничего не видѣли.

(Луиза отходитъ отъ окна).

КОНДИТЕРЪ (стоитъ на порогѣ своей двери и смотритъ на верхъ). Кажется, что гроза миновала.

Г - нъ Х. Да, въ самомъ дѣлѣ, будто бы прояснилось. Сейчасъ должна взойти луна.

БРАТЪ. А славный былъ дождикъ!

КОНДИТЕРЪ. Великолѣпный дождикъ!

Г - нъ Х. Вотъ, наконецъ, и фонащикъ!

(Фонащикъ зажигаетъ фонарь).

Г - нъ Х. Первый фонарь! Осень настала! Ну, старики, это наше стариковское время года! Начинаются сумерки, но приходитъ разсудокъ и освѣщаетъ дорогу, чтобы мы не сбились съ пути.

ЛУИЗА (проходитъ черезъ верхнюю квартиру и тушитъ огонь).

Г - нъ Х. Закрой окно и спусти шторы, тогда только смогутъ успокоиться воспоминанія... Покой старости!.. А осенью я переѣду изъ этого тихаго дома!

З А Н А В Ъ С Ъ .

Исторія одного супружества.

Переводъ А. Владиміровой.

Они уѣхали; они сбѣжали. Это теперь такъ часто повторяется, что почти стало въ порядкѣ вещей. Въ обществѣ раздался крикъ негодованія. Люди хватались за сердце, ужасались, сожалѣли, осуждали, кто во что гораздъ. Обсуждали разыгравшуюся грустную драму. Два растерзанныхъ сердца! Двѣ семьи, ставшія враждебными одна другой! Одинокій мужъ и покинутый ребенокъ! Осиротѣвшій семейный очагъ! Погибшая карьера! Разстроенныя дѣла! Расторгнутыя дружескія отношенія!

Въ ресторанѣ сидѣли два господина и перебирали все случившееся.

— Но почему же они сбѣжали? По моему, это некрасиво!

— Напротивъ! Я нахожу, что простая стыдливость требуетъ, чтобы они оставили ни въ чемъ неповиннаго супруга. Теперь онъ, по крайней мѣрѣ, гарантированъ отъ встрѣчъ съ ними на улицѣ. Кромѣ того, я нахожу, что честнѣе развестись, чѣмъ жить въ незаконной связи.

— Но почему бы имъ не сохранить супружескую вѣрность? Вѣдь вотъ, мы на всю жизнь даемъ клятву и въ радостяхъ и въ горѣ.

— Да! А какъ выгладитъ впослѣдствіи эта жизнь! Въ родѣ какъ старое птичье гнѣздо осенью. Другія времена, другіе нравы!

— Нѣтъ, это все-же ужасно!

— И не менѣе ужасно для убѣжавшей парочки! Теперь начнется потѣха! Онъ, взявшій на себя всѣ послѣдствія! Теперь онъ получить свое!

— А она свое!

* * *

Вотъ ихъ исторія.

Разѣхавшіеся теперь супруги встрѣтились три года тому назадъ на курортѣ и при довольно нормальныхъ обстоятельствахъ продѣлали всѣ стадіи влюбленности. Они открыли, какъ это всегда бываетъ, что они рождены были для того, чтобы встрѣтиться и пойти рука объ руку по жизненному пути. Онъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ ея, отбросилъ всѣ свои дурныя привычки и придалъ нѣкоторую изящность своей рѣчи и манерамъ. Онъ видѣлъ въ ней посланницу небесъ, которая раскрывала ему глаза и указывала на небо.

Онъ осилилъ обычныя препятствія при объявленіи о бракѣ, увѣренный въ томъ, что эти препятствія существуютъ лишь для того, чтобы дать ему возможность проявить свою рѣшимость и силу воли.

Они прочитывали вмѣстѣ позорныя анонимныя письма, обыкновенно сопровождающія помолвку, и бросали ихъ въ печку. Она одна поплакала по поводу людской злобы, онъ же увѣрялъ, что это должно было случиться для того, чтобы они могли испытать свою вѣрность. И они вѣрили другъ въ друга.

Все время жениховства было однимъ сплошнымъ угаромъ. Онъ увѣрялъ, что теперь ему уже нечего было пить, потому что одно ея присутствіе дѣлало его буквально пьянымъ. Одинъ только разъ почувствовали они одиночество,

образовавшееся вокруг нихъ, когда ихъ покинули друзья, пришедшіе къ заключенію, что они стали лишними.

— Почему люди чуждаются насъ?—спросила она однажды, когда они вечеромъ возвращались въ городъ.

— Потому что люди бѣгутъ,—отвѣтилъ онъ,—когда они видятъ счастье.

Они не замѣчали, что сами избѣгали всякихъ общеній со знакомыми. Онъ въ особенности выказывалъ поистинѣ боязнь встрѣчъ съ прежними товарищами и друзьями. Они казались ему врагами, и онъ замѣчалъ ихъ скептическую усмѣшку, которую не трудно было объяснить. «Смотри,—казалось, говорили они,—этотъ завязъ крѣпко! Удивительно, что такая старая шельма могла такъ легко попасться!» и т. д.

Товарищи были, какъ прежде, такъ и теперь, того мнѣнія, что любовь есть дьявольская продѣлка, которая рано или поздно должна кончиться разочарованіемъ.

Влюбленные же все больше разсуждали о предметахъ, стоящихъ выше мелочей повседневной жизни, и жили они, какъ справедливо говорится, не на землѣ.

Но вотъ пришло непріятное сознаніе одиночества, въ которомъ они очутились. Тогда они попробовали бывать на народѣ, отчасти изъ потребности показать свое счастье, отчасти чтобы не быть въ одиночествѣ. Когда же они однажды, выйдя изъ театра, отправились въ ресторанъ, и она, стоя въ передней передъ зеркаломъ, приводила въ порядокъ свои волосы, у него было чувство, будто она прихорашивается для «чужихъ мужчинъ». А когда они сѣли за столикъ, то онъ немедленно сдѣлался нѣмымъ, потому что ея лицо приняло незнакомое ему выраженіе. Ея глаза какъ бы отвѣчали взглядамъ «чужихъ мужчинъ». Они оба онѣмѣли, а на его лицѣ выразился страшный испугъ.

Ужинъ прошелъ грустно, и они скоро встали и ушли.

— Что ты сердишься на меня?—спросила она нѣсколько смущенно.

— Нѣтъ, мой другъ, я не могу сердиться на тебя! Но я въ душѣ кровью обливаюсь, когда вижу, какъ чужіе молодые люди оскверняютъ тебя своими взглядами.

Этимъ и кончилось посѣщеніе ресторана.

* * *

Послѣдніе недѣли передъ свадьбой прошли въ хлопотахъ по устройству новаго дома. Они заказывали ковры и драпировки; къ нимъ приходили мастеровые и посыльные изъ магазиновъ; и такимъ образомъ спустились они съ своихъ высотъ. Имъ захотѣлось освѣжиться.

Они пошли за городъ. Но шли они и чувствовали всю тяжесть молчанія, когда въ головѣ пусто и кажется, что кто-то чужой вамъ мѣшаетъ. Онъ попробовалъ снова вознестись въ надгорныя выси и поднять ее, но изъ этого ничего не вышло.

— Я тяжело легла на твою руку,—сказала она и вынула свою руку изъ-подъ его.

Онъ ничего не отвѣтилъ, потому что дѣйствительно почувствовалъ облегченіе.

Это оскорбило ее, и она отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. Разговоръ не клеился, и скоро они повернули домой и очутились у ея двери.

— Покойной ночи!—сказала она коротко.

— Покойной ночи!—отвѣтилъ онъ также коротко, и они разстались, видимо, къ обоюдному удовольствію. Въ воротахъ они не поцѣловались, и онъ не остался стоять у наружной стеклянной двери, чтобы увидѣть, какъ до перваго поворота поднималась вверхъ по лѣстницѣ ея стройная фигура.

Идя по улицѣ, онъ вздохнулъ свободно. Онъ освободился отъ чего-то давящаго, отъ того, что онъ три мѣсяца любилъ. Онъ сталъ размышлять, и прошедшее ясно и отчетливо представилось ему.

Онъ не сомнѣвался, что все кончено, но онъ не видѣлъ основанія, не чувствовалъ боли, стоялъ только передъ яснымъ фактомъ, который онъ принималъ какъ нѣчто непоправимое.

Подойдя къ своей квартирѣ, онъ встрѣтилъ пріятеля, котораго взялъ подъ руку и пригласилъ къ себѣ, разделить съ нимъ скромный ужинъ и поболтать. Пріятель удивленно посмотрѣлъ на него, но пошелъ къ нему.

Они до полуночи ѣли, пили, курили и болтали. Бесѣдовали они о всевозможныхъ вещахъ: о воспоминаніяхъ и разныхъ приключеніяхъ, о риксдагѣ, о хозяйствѣ. Ни единого слова, ни единого намека на жениховство и предстоящую свадьбу. Вечеръ прошелъ очень пріятно, и онъ какъ бы вернулся за три мѣсяца назадъ. Онъ замѣтилъ, что голосъ его снова принялъ болѣе мужественный тонъ, что онъ говоритъ прямо, какъ думаетъ, не стараясь смягчать болѣе жесткія выраженія, не подчеркивая одно и не стушевывая другое, изъ боязни оскорбить. Ему казалось, что онъ сталъ прежнимъ, сбросилъ съ себя смирительную рубаху, снялъ маску.

Онъ пошелъ провожать пріятеля внизъ, чтобы отворить наружную дверь.

— Ну-съ! такъ черезъ недѣлю ты женишься!—воскликнулъ пріятель, конечно, не безъ скептической усмѣшки.

Казалось, что онъ нажалъ кнопку, и въ отвѣтъ дверь захлопнулась за нимъ.

Когда онъ вернулся въ свою комнату, имъ овладѣло какое-то отвращеніе. Онъ убралъ со стола, все прибралъ,

отворилъ окно и—тутъ ему стало ясно, что онъ потерялъ.

Ему казалось, что онъ сталъ невѣренъ своей невѣстѣ, потому что онъ другому, будь то хотя мужчина, отдалъ свою душу! Онъ потерялъ что-то лучшее, чѣмъ то, что онъ, казалось, приобрѣлъ. И то, что онъ снова нашель, было не что иное, какъ его прежнее эгоистичное, никого не щадящее, удобное, всегдашнее «я», съ его рѣзкостью и нечистоплотностью, которую цѣнили пріятель, потому что оно согласовалось и съ его собственнымъ настроеніемъ.

Теперь все кончено! Все навсегда разорвано! Снова начнется вѣчное одиночество и гадкая холостая жизнь.

Ему и въ голову не приходило сѣсть и написать письмо, потому что онъ чувствовалъ, что это лишнее. Онъ попробовалъ утомить себя гимнастикой, чтобы заснуть, облился всего холодной водой и, не вытираясь, легъ въ постель.

* * *

Солнце ярко освѣщало комнату, когда онъ проснулся на слѣдующее утро. Настала для него неопишуемая душевная тишина, и ему казалось, что жизнь, какъ она есть, хороша и что сегодня вообще лучше, чѣмъ было вчера, потому что, послѣ долгаго отсутствія, душа его снова дома.

Онъ одѣлся и отправился въ свою контору. Тамъ онъ распечаталъ почту, прочелъ газету и чувствовалъ себя вполнѣ спокойно.

Но это необычное душевное спокойствіе начало, въ концѣ-концовъ, его тревожить. Онъ сталъ испытывать все возрастающій страхъ, и тѣло его стало горѣть. Внутренняя пустота снова начала овладѣвать его душой...

Его охватили всѣ прежнія воспоминанія, все прекрасное и великое, что они пережили, всѣ высокія чувства и великія мысли, ими вмѣстѣ передуманныя, весь тотъ волшебный

міръ, въ которомъ они жили, и который такъ мало походилъ на прозу, въ которую они теперь погрузились.

Придя въ отчаяніе и желая скрыть отъ самого себя свои чувства, принялся онъ за корреспонденцію и началъ спокойно, аккуратно и ясно отвѣчать на письма. Онъ выражалъ согласіе принять предложенія на такихъ-то и такихъ то условіяхъ, отклонялъ другія на такомъ-то и такомъ то основаніи. Онъ приводилъ въ порядокъ всѣ счета и векселя съ необывалой ясностью и рѣшительностью.

Конторщикъ передалъ ему письмо; онъ сразу увидѣлъ, что оно отъ нея.

— Посланный ждетъ отвѣта,—замѣтилъ конторщикъ.

— Скажите посланному, что отвѣта не будетъ,—сказалъ хозяинъ, не поднимая глазъ съ конторки.

Въ ту же минуту промелькнуло у него въ головѣ: «Объясненія, упреки, жалобы! Что мнѣ на это отвѣчать?» И письмо осталось лежать нераспечатаннымъ, пока продолжалась дѣловая корреспонденція.

* *
* *

Когда невѣста наканунѣ вечеромъ разсталась съ нимъ, первое чувство, охватившее ее, былъ гнѣвъ. Гнѣвъ за то, что онъ, оптовый торговецъ, какъ бы пренебрегалъ ею. Она принадлежала къ чиновничьей семьѣ и мечтала о томъ, чтобы играть роль въ обществѣ. Подъ влияніемъ его теплой, преданной любви это у нея понемногу изгладилось. А такъ какъ онъ никогда не прекращалъ твердить о томъ, что она имѣетъ на него облагораживающее влияніе, и такъ какъ она сама замѣчала, какъ онъ въ ея рукахъ дѣлался элегантнѣе и чище, то она чувствовала себя существомъ высшимъ. Его безпрестанное обожаніе возбуждало въ ней чувство собственного достоинства, и она цвѣла и развива-

лась подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, который распростра- няла его любовь. Когда же вдругъ этотъ свѣтъ померкъ, стало темно и холодно вокругъ нея, и она сразу погрузилась въ свое первоначальное ничтожество, вся съежилась и сократилась. Это открытіе, что она была жертвой заблужденія, и что его любовь была причиной ея новой жизни и возвышенія ея личности, возбудило ненависть къ нему, рѣшительно доказавшему ей, что такую, какую она была послѣднее время, она была только благодаря ему и его любви. А какъ только онъ пересталъ быть ею любимымъ, онъ сталъ лишь оптовымъ торговцемъ, котораго она ставила не высоко.

— Такого-то, который торгуетъ кофеемъ и сахаромъ,— говорила она сама себѣ, засыпая,—я могу свободно пере- мѣнить на лучшаго!

Когда же она проснулась на слѣдующее утро, то почувствовала весь позоръ быть покинутой. Расторгнутое жениховство послѣ второго оглашенія не могло не бросить на нее тѣнь и не сдѣлать затруднительнымъ поисковъ друго- го жениха.

Въ приливѣ злобы сѣла она писать письмо, въ кото- ромъ въ гордомъ и обиженномъ тонѣ требовала объясне- нія и тутъ же просила его прійти.

Когда же посланный вернулся и объявилъ, что отвѣта не дали, она пришла въ совершенное бѣшенство и пригото- вилась выйти. Она рѣшила итти къ нему въ контору, гдѣ она еще ни разу не бывала, и тамъ на глазахъ у слу- жащихъ швырнуть ему черезъ всю комнату кольцо (какъ обычно дѣлается въ такихъ случаяхъ) и показать ему, насколько она глубоко его презираетъ. Съ этимъ она вышла!

Она дошла до двери и постучалась. Такъ какъ никто

не отпиралъ и не отвѣчалъ, она вошла и очутилась въ передней. Черезъ внутреннюю стеклянную дверь увидѣла она жениха, склоненнаго надъ конторской книгой, съ напряженнымъ серьезнымъ лицомъ. Она еще никогда не видала его за работой; а за работой всякій человѣкъ, даже самый ничтожный, импонируетъ. Святой трудъ, дѣлающій человѣка тѣмъ, что онъ есть, придавалъ ему это особое достоинство сосредоточенной силы, и ею овладѣло чувство уваженія, которое она не могла въ себѣ подавить.

Онъ какъ разъ въ эту минуту пересматривалъ въ конторской книгѣ послѣдній расходъ на устройство квартиры. Это равнялось приблизительно его сбереженіямъ за десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ велъ самъ дѣла, и не будучи мелочнымъ, онъ все же съ грустью и съ горечью думалъ, что теперь все это напрасно брошенные деньги. Онъ вздохнулъ и отвелъ взоры отъ краснорѣчивыхъ цифръ. Въ это мгновеніе замѣтилъ онъ за стеклянной дверью, похожее на пастель въ рамкѣ, блѣдное лицо съ большими глазами, которые онъ хорошо зналъ, и изъ которыхъ свѣтилось горе и страданіе. Онъ приподнялся и остался стоять на мѣстѣ съ выраженіемъ большого мужественнаго нѣмого горя, какъ бы вопрошающее и трепещущее. Тутъ онъ прочелъ въ ея взорѣ, какъ возвращалась утраченная было любовь, и этимъ все было сказано!

Когда черезъ нѣсколько мгновеній они, счастливые, какъ никогда раньше, шли вмѣстѣ по улицѣ, онъ спросилъ:

— Что вчера сдѣлалось съ нами?

Онъ говорилъ—мы, чтобы не заводить рѣчи о томъ, кто виноватъ.

— Я не знаю; я этого объяснить себѣ не могу, но это было самое ужасное, что я когда-либо испытала! Мы этого никогда больше дѣлать не будемъ!

— Нѣтъ! Этого больше никогда не будетъ. И теперь, Эбба, это на всю жизнь! Ты да я!

Она прижалась къ нему, вполне увѣренная, что послѣ этого испытанія уже ничто на свѣтѣ ихъ не разъединитъ, насколько это будетъ зависѣть отъ нихъ самихъ.

* * *

Они обвѣнчались. вмѣсто того, чтобы затаить свое блаженство въ своемъ гнѣздышкѣ, они сѣли въ поѣздъ, среди чужихъ, равнодушныхъ, любопытныхъ или прямо таки враждебныхъ людей. Затѣмъ началось ихъ скитаніе изъ одного отеля въ другой. За табльдотомъ на нихъ пялили глаза; они бѣгали по музеямъ до головной боли, такъ что, когда наступалъ вечеръ, они усталые сидѣли молча, недовольные всякими неудачами.

Дѣятельному человѣку, оторванному отъ своей работы и своей среды, трудно было сосредоточиться. Когда помыслы его возвращались къ дѣлу, покинутому на чужія руки, онъ становился разсѣяннымъ и скучнымъ. Ихъ обоихъ тянуло домой, но имъ стыдно было раньше времени возвращаться, они боялись, что ихъ встрѣтятъ насмѣшками.

Первую недѣлю они провели въ томъ, что передавали другъ другу свои воспоминанія изъ времени жениховства; въ продолженіе второй недѣли они говорили о путевыхъ воспоминаніяхъ первой недѣли. Они, слѣдовательно, жили не настоящимъ, а только прошлымъ.

Когда наступали моменты скуки и молчанія, онъ, бывало, утѣшалъ ее тѣмъ, что отношенія ихъ станутъ легче, когда накопится у нихъ запасъ общихъ воспоминаній, и когда они привыкнутъ ко вкусамъ и привычкамъ другъ друга. Теперь же они, изъ вниманія одного къ другому, подавляли въ себѣ мелкія особенности, слабости, какъ дѣла-

ють люди благовоспитанные. Но это порождало нѣкоторое принужденіе, утомляющую бдительность, и наступило время большихъ неожиданностей. Владѣя въ большей степени самообладаніемъ, онъ остерегался сказать слишкомъ многое и понемногу скрывалъ свои склонности и привычки; она же раскрывалась во всю. Любя ее, онъ хотѣлъ быть ей пріятнымъ, и потому онъ научился молчать. И, въ концѣ концовъ, она втерлась въ его жизнь со всѣми привычками, странностями, особенностями и предразсудками не только своими, но и всей своей семьи, такъ что ему казалось, что онъ съежился, почти уничтожился.

Въ одинъ прекрасный вечеръ захотѣлось молодой женщинѣ во что бы то ни стало восхвалять свою сестру, возмутительную кокетку, которую молодой мужъ ненавидѣлъ за то, что она изъ корыстныхъ цѣлей старалась разстроить ихъ бракъ. Онъ слушалъ молча, иногда поддакивая еле внятнымъ мычаніемъ. Наконецъ, восхваленіе перешло въ какой-то дифирамбъ и, несмотря на то, что мужъ находилъ умилительной преданность жены ея родственникамъ, онъ все же не могъ глядѣть ея глазами. Поэтому онъ замолчалъ. Но такого рода молчаніе краснорѣчивѣе всякихъ словъ. При этомъ еще онъ прикусилъ себѣ губу, и его бросило въ потъ.

Молодая женщина не скрыла своего недовольства. Она позволила себѣ сдѣлать движеніе, которое вообще женщинѣ до поразительности не идетъ: она прищемила себѣ двумя пальцами носъ, какъ бы желая указать, что пахнетъ не хорошо. При этомъ она, какъ то вопросительно взглянула на присутствующихъ, какъ бы ища у нихъ поддержки.

Мужъ поблѣднѣлъ, всталъ изъ-за стола и ушелъ. Всѣ присутствующіе обратили вниманіе на эту дикую сцену.

Выйдя на улицу чужого города, онъ разстегнулъ пиджакъ и вздохнулъ полной грудью.

— Я становлюсь притворщикомъ отъ того, что церемонюсь съ ней,—подумалъ онъ.—Нагромождается цѣлая гора лжи, и въ одинъ прекрасный день все рухнетъ! Что за грубая женщина! А я-то воображалъ себѣ, что отъ нея могу научиться болѣе тонкому обращенію! Лицемеріе и обманъ! Вся ея любовь была лишь обманомъ, чтобы ослѣпить меня!

Затѣмъ онъ старался представить себѣ, что происходитъ въ столовой гостиницы. Она, само собой разумѣется, плачетъ и глазами взываетъ къ присутствующимъ, какъ бы спрашивая, не находятъ ли они ее достаточно несчастной съ такимъ мужемъ. Она всегда особенно вызывающе смотрѣла на гостей табльдота, и когда, бывало, онъ ожидалъ отъ нея отвѣта на вопросъ, она обыкновенно обращала взоры свои къ присутствующимъ, ожидая отъ нихъ поддержки противъ притѣснителя. Она всегда на него смотрѣла, какъ на тирана, несмотря на то, что онъ добровольно сдѣлался ея рабомъ.

Идя куда глаза глядятъ, очутился онъ у набережной, какъ разъ передъ купальнями... ему это-то и надо было. Въ одно мгновеніе раздѣлся онъ и бросился въ воду, нырнулъ съ головой, а затѣмъ поплылъ въ темнотѣ. Это освѣжило его уязвленную мелкими уколами душу, и онъ чувствовалъ, какъ онъ смывалъ съ себя грязь. Онъ легъ на спину и устремилъ взоры на усѣянный звѣздами небесный сводъ, но въ это самое мгновеніе онъ услышалъ за собой шипѣніе и плескъ. То шелъ на него большой пароходъ, и ему пришлось во что бы то ни стало отплыть въ сторону.

Онъ повернулъ къ окаймленному фонарями берегу, и освѣщенная гостинница бросилась ему въ глаза...

Когда онъ одѣлся, то испытывалъ на душѣ лишь безпредѣльную грусть, грусть объ утраченномъ раѣ. А горечь исчезла.

* * *

Въ такомъ настроеніи вошелъ онъ въ свою комнату и засталъ жену у письменнаго стола. Она встала и бросилась ему на шею, конечно, безъ единаго слова о прощеніи,— этого онъ и не требовалъ, и этого она сдѣлать не могла, такъ какъ не знала, что совершила дурной поступокъ.

Они сѣли и плакали вмѣстѣ объ утраченной любви, такъ какъ сомнѣваться въ томъ, что она погибла—было немыслимо. Но она исчезла помимо ихъ воли, и они вмѣстѣ плакали о ней, какъ о дорогомъ покойникѣ, котораго не они убили, но котораго и спасти они не могли. Они, казалось, стояли передъ фактомъ, надъ которымъ они власти не имѣли. Любовь, этотъ добрый геній, который увеличиваетъ все мелкое и дѣлаетъ молодымъ и прекраснымъ все старое и гадкое, покинула ихъ, и передъ ними раскрылась во всей наготѣ повседневность жизни.

Мысль, однако, о разлукѣ имъ не приходила. Напротивъ, эта общая грусть связывала ихъ. Но они также сошлись и на общемъ негодованіи на судьбу, обманувшую ихъ въ лучшихъ чувствахъ. Находясь въ полномъ сокрушеніи, они не могли проникнуться такимъ сильнымъ чувствомъ, какъ ненависть. Они преисполнены были лишь грустью и разочарованіемъ, и все сваливали на судьбу.

Еще никогда они не бывали такъ солидарны и близки; они стали ласковы и нѣжны, и оба пришли къ убѣжденію,

что имъ слѣдуетъ скорѣй вернуться и зажить своимъ домомъ.

Онъ говорилъ съ сердечной теплотой о домѣ, гдѣ можно было бы отдалить всякое злое вліяніе и зажить мирно и тихо.

Она нѣкоторое время говорила въ томъ же тонѣ, съ той же теплотой, пока въ нихъ обоихъ не сгладилось чувство грусти.

Когда же это чувство сгладилось, она снова улыбалась, какъ раньше, и вотъ снова вернулась любовь, которая, какъ оказалось, вовсе не исчезла: это было одно лишь заблужденіе!

* * *

Онъ достигъ осуществленія своей юношеской мечты о женѣ и о семейномъ очагѣ. Цѣлую недѣлю молодая женщина думала, что и ея мечты сбылись. Но на девятый день ей захотѣлось выйти.

— Куда?—спросилъ онъ.

— Скажи самъ, куда бы пойти!

Онъ предложилъ отправиться въ оперу. Но тамъ давали Вагнера, котораго она не выносила. Въ драму? Нѣтъ, тамъ ставили Метерлинка, а онъ скученъ. Въ оперетку онъ не хотѣлъ, потому что тамъ постоянно смѣялись надъ тѣмъ, что стало ему святымъ. То же и въ циркѣ: тамъ однѣ лошади и противныя женщины.

Долго вопросъ этотъ обсуждался, и они наткнулись на цѣлую массу различій во вкусахъ и во взглядахъ. Чтобы быть ей приятнымъ, онъ согласился все же итти въ оперетку; но она не хотѣла жертвы. Онъ предложилъ позвать гостей, но тутъ они замѣтили, что имъ позвать некого

такъ какъ они отдалились отъ друзей, а эти послѣдніе отъ нихъ.

Такъ и просидѣли они одни, пока еще въ полномъ согласіи, они вмѣстѣ обсуждали свою судьбу, но не дошли еще до взаимныхъ обвиненій.

Они остались дома и проскучали.

* * *

На слѣдующій день повторилось то же. Онъ понялъ, что дѣло шло о его счастіи и потому, оставивъ въ сторонѣ свои личныя предубѣжденія, сказалъ любезно и рѣшительно:
— Одѣвайся, мы отправимся въ оперетку.

Она просіяла, надѣла свое новое платье и скоро была готова.

Увидѣвъ ее такой радостной и красивой, онъ почувствовалъ уколъ въ сердце: теперь,—подумалъ онъ,—она ожила, когда можетъ разодѣться для другихъ, а не для меня. Когда же онъ повезъ ее въ театръ, ему казалось, что онъ провожаетъ чужую женщину, потому что всѣ ея помыслы были уже въ театрѣ, который былъ для нея подмостками, на которыхъ ей пріятно было выступить, не рискуя подвергнуться оскорбленію, потому что она находилась подъ покровительствомъ мужа.

Они проникли въ тайныя мысли одинъ другого, и потому это чувство отчужденности скоро обратилось во враждебность, и имъ захотѣлось скорѣй быть на мѣстѣ.

Когда они подошли къ кассѣ, то уже ни одного билета не было. Выраженіе ея лица измѣнилось, а когда она обернулась къ нему и замѣтила въ немъ искру радости, то не выдержала:

— Это радуешь тебя!—воскликнула она.

Онъ хотѣлъ было отрицать, но не сумѣлъ, такъ какъ это была правда.

Теперь, пустившись въ обратный путь, у него было чувство, что онъ тянетъ за собой трупъ мертвеца, да еще къ тому же враждебнаго.

Его до глубины души, какъ грубое насиліе, оскорбляло то, что она поняла его весьма естественную, но заглушенную желаніемъ принести жертву, мысль, потому что, по его мнѣнію, никто не имѣетъ права карать другого за его тайную мысль. Ему было бы легче, если бы она обвинила его въ томъ, что они не нашли билетовъ: онъ уже привыкъ быть для нея козломъ отпущенія. Теперь же онъ былъ огорченъ утратой своего счастья и тѣмъ, что не сумѣлъ доставить ей пріятное времяпрепровожденіе.

Убѣдившись, что онъ не сердится, а только грустенъ, она почувствовала къ нему презрѣніе.

Молча вернулись они домой. Она прямо прошла въ свою спальню и заперла за собою дверь.

Онъ прошелъ въ залъ и зажегъ всѣ лампы, потому что у него было такое чувство, будто его окружаетъ толпа.

Вдругъ донесся до него изъ спальни крикъ, дѣтскій крикъ взрослого ребенка. Войдя въ комнату, онъ увидалъ лицо, выраженіе котораго растерзало его сердце. Она стояла на колѣняхъ, простерла къ нему руки и обливалась слезами.

— Не сердись на меня,—взывала она къ нему,—не будь жестокъ, ты убиваешь во мнѣ все свѣтлое, ты душишь меня своей строгостью; я ребенокъ, вѣрующій въ жизнь и жаждущій солнца...

Онъ не зналъ, что ей отвѣтить, потому что она говорила искренно. Онъ не могъ оправдываться, потому что это значило бы ее обвинять, а этого онъ дѣлать не могъ.

Молча и въ полномъ отчаяніи ушелъ онъ въ свою комнату и почувствовалъ себя уничтоженнымъ. Онъ укралъ ея юность, онъ заперъ ее, онъ съ корнями вырвалъ ея юношескій цвѣтъ. Въ немъ не было того свѣта, котораго требовалъ этотъ нѣжный цвѣтокъ, и она блекла въ его рукахъ. Эти упреки, которые онъ себѣ дѣлалъ, разрушали въ немъ всю увѣренность въ себя. Онъ считалъ себя недостойнымъ ея любви, любви всякой женщины и глядѣлъ на себя, какъ на убійцу, убившаго ея счастье.

Выстрадавъ всевозможныя угрызенія совѣсти, онъ началъ успокаивать себя разсужденіями. Что я такое сдѣлалъ?—спрашивалъ онъ себя.—Что я ей сдѣлалъ?—Все лучшее, на что я способенъ. Я во всемъ исполнялъ ея желанія. Возвращаясь домой послѣ трудового дня, я бы не хотѣлъ выходить. Я не желалъ видѣть оперетку. Но оперетка была для меня вещь безразличной, теперь же она мнѣ противна. Какое безуміе: я представлялъ себѣ, что она вытягиваетъ меня изъ грязи, но, вѣдь, въ дѣйствительности—она тянетъ меня внизъ, и все время она тащила меня внизъ. Не она тянетъ кверху, а моя любовь, потому что вѣдь существуетъ же низъ и верхъ. Да, правъ тотъ старикъ, который говорилъ: «Мужчина женится, чтобы имѣть домашній очагъ, а женщина выходитъ замужъ, чтобы имѣть свободный выходъ изъ дому». Домашній очагъ не для женщины, а для мужчины и для ребенка. Всѣ жены жалуются на то, что ихъ запираютъ; точно также и моя, хотя она весь день гуляетъ по гостямъ и по магазинамъ.

Онъ волновался и не чувствовалъ вины за собой, но потомъ вдругъ снова представлялъ себѣ душераздирающую картину молодой женщины, стоящей на колѣняхъ и умоляющей его, чтобы онъ своей жестокостью не убивалъ радости ея молодости. Не будучи самъ способенъ играть

комедию, онъ не могъ представить, чтобы и она разыграла ее, и онъ снова почувствовалъ себя преступникомъ и ему хотѣлось лишить себя жизни, потому что онъ разрушалъ ея счастье уже однимъ тѣмъ, что существовалъ.

Но потомъ пробудилось чувство справедливости: онъ не имѣлъ права брать на себя не существующую вину. Онъ не былъ жестокъ, но онъ былъ человѣкомъ серьезнымъ, и именно эта серьезность произвела на молодую дѣвушку самое сильное впечатлѣніе и убѣдила ее дать ему предпочтеніе передъ другими легкомысленными молодыми людьми. Онъ и не думалъ убивать ея радости; напротивъ, онъ все сдѣлалъ, чтобы приготовить женѣ тихую радость семейной жизни. Онъ даже не пожелалъ лишить ее двусмысленнаго удовольствія быть въ опереткѣ, а принесъ себя въ жертву и отправился съ ней въ театръ. Значить, все, что она говорила, не имѣло смысла! А все же ея горе было такъ сильно и чистосердечно. Какъ же это объяснить?..

Отвѣтъ нашелся! Это было разставаніе молодой дѣвушки съ молодостью, разставаніе, которое должно было наступить. Это отчаяніе передъ тѣмъ, что такъ коротка весна, столь же естественно, сколь прекрасно. Но вины въ этомъ на немъ не было, и если женѣ его, быть можетъ, черезъ какой нибудь годъ суждено стать матерью, то пора ей теперь прощаться съ радостями юности, чтобы приготовить себя къ болѣе возвышеннымъ радостямъ материнства.

Итакъ, онъ ни въ чемъ не могъ себя упрекнуть, и все же онъ чувствовалъ себя виноватымъ! Наконецъ, онъ внезапно прервалъ свои размышленія и пошелъ къ женѣ съ твердой рѣшимостью не говорить ни слова въ свое оправданіе, потому что это значило бы разбить ея любовь, а просто безъ разговоровъ привести ее къ примиренію.

Онъ засталъ жену въ ту минуту, когда ей наскучило одиночество, и когда она съ радостью встрѣтила бы всякаго, даже мужа, лишь бы не оставаться дольше одной.

Тогда они пришли къ заключенію, что слѣдовало бы имъ устроить вечеръ и пригласить его и ея друзей. Они такъ въ этотъ вечеръ были обоюдно склонны къ миру, что легко пришли къ заключенію по поводу того, кого пригласить.

Они завершили этотъ день тѣмъ, что выпили бутылку шампанскаго. Шипучій напитокъ развязалъ имъ языки, и она воспользовалась случаемъ, чтобы свести съ нимъ счеты и упрекнуть его въ эгоизмъ и недобромъ отношеніи къ ней. Она казалась такой красивой, когда встала во весь ростъ передъ нимъ, и настолько возвысилась и облагородилась, когда сбросила свою вину на него, что ему стало жаль возражать ей, и поэтому онъ пошелъ спать, нагрузивъ на себя всѣ провинности.

Проснувшись на слѣдующее утро довольно рано, онъ остался спокойно лежать, раздумывая о происшествіяхъ истекшаго вечера. И онъ сталъ упрекать себя за то, что молчалъ и не защищался. Теперь ему стало ясно, что вся ихъ совмѣстная жизнь заключается въ его молчаніи и въ уничтоженіи его личности. Потому что, еслибы онъ накануне прервалъ молчаніе, она ушла бы—она всегда собиралась уходить къ матери въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дурно съ ней обращался, а она называла дурно обращаться, когда ему наскучивало дѣлать себя хуже, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. На ложной почвѣ зиждилось все, и когда-нибудь все должно было рухнуть. Обожать, почитать, вѣчно повиноваться—это составляло плату за любовь; онъ долженъ былъ уплатить или отказаться отъ любви.

Вечеръ состоялся. Мужъ, какъ хорошій хозяинъ, сдѣлалъ все, чтобы самому стушеваться и выставить жену. Его друзья, все люди порядочные и воспитанные, поочереды занимали жену со всѣмъ почтеніемъ, которое они считали своей обязанностью выказать молодой женщинѣ.

Послѣ ужина было предложено заняться музыкой. Въ домѣ былъ рояль, но жена не умѣла играть, а мужъ не согласился. Молодой врачъ вызвался играть и такъ какъ ему былъ представленъ выборъ программы, то онъ избралъ Вагнера. Жена не знала, что именно онъ играетъ, но почувствовала скуку отъ серьезной музыки. Когда прекратились громовые звуки, мужу было не по себѣ, потому что онъ могъ представить себѣ, что теперь могло произойти.

И произошло.

Какъ любезная хозяйка, она должна была что нибудь сказать. Просто поблагодарить казалось ей черезчуръ коротко; она спросила, что онъ сыгралъ.

— Вагнеръ!

Тутъ направился по адресу мужа тотъ взглядъ, котораго онъ со страхомъ ожидалъ, и которымъ она хотѣла сказать ему, что онъ измѣнникъ и предатель, который, пользуясь ея невѣдѣніемъ, хотѣлъ заставить ее похвалить самое отвратительное, что она когда-либо слышала. Во время жениховства выслушивала она со вниманіемъ пространныя рѣчи жениха о музыкѣ Вагнера; но сейчасъ же послѣ свадьбы она объявила категорически, что она его не выносить. Поэтому то никогда мужъ ей ничего не игралъ, и она притворялась, что не знаетъ, что онъ умѣетъ играть.

Теперь же, не зная, что было передъ ней исполнено,

она была поставлена въ неловкое положеніе, и мужъ долженъ былъ по ея взгляду понять, что его ожидало.

Гости разошлись, и хозяева остались вдвоемъ. Мужъ былъ приученъ еще въ родительскомъ домѣ никогда не говорить дурно о только что ушедшихъ гостяхъ; лучше молчать. И она слышала когда-то о такихъ же правилахъ, но въ данный моментъ нечего было стѣсняться.

И вотъ разразилась критика на его друзей. Они были, просто говоря, удивительно скучны.

Онъ молча покуривалъ сигару, потому что не стоило спорить о вкусахъ и склонностяхъ.

Она находила ихъ не только скучными, но и не любезными. Она привыкла считать, что молодые люди должны говорить любезности...

— Развѣ кто-нибудь сказалъ что-либо непріятное?— спросилъ онъ, испугавшись, что кто-нибудь могъ забыть въ присутствіи жены.

— Нѣтъ.

Тутъ разразился цѣлый ливень мелкихъ нападокъ на неправильно завязанные галстуки, на черезчуръ длинные носы, на тягучія интонаціи голоса, а, въ концѣ концовъ относительно того, который играетъ Вагнера.

— Ты нелюбезна!—замѣтилъ мужъ робко, желая заступиться за друзей.

— А это друзья твои, которымъ ты вѣришь! Ты бы послушалъ, что я слышала! Какія замѣчанія! Какіе взгляды, Они не искренніе друзья твои...

Онъ замолчалъ, продолжая курить, но думалъ о томъ, на сколько онъ ничтоженъ, что не защищаетъ даже старыхъ испытанныхъ друзей. Какъ онъ былъ жалокъ, когда взглядами просилъ о прощеніи за то, что сыграли Вагнера!

— Ты презираешь моихъ друзей,— думалъ онъ про себя!

пока она продолжала свои колкія замѣчанія,—потому что они не ухаживаютъ за женой ихъ друга, не дѣлаютъ ей комплиментовъ по поводу ея внѣшности и туалета, и ты не любишь ихъ за то, что чувствуешь, какъ крѣпнеть моя сила отъ окружающей меня симпатіи друзей. Ты ихъ не любишь, какъ не любишь меня и какъ не любила бы всякаго, кто былъ бы твоимъ мужемъ.

Она, видимо, почувствовала на себѣ тайное вліяніе его мыслей, потому что вдругъ сократилась ея словоохотливость, и, взглянувъ въ ея сторону, онъ замѣтилъ, что она какъ-то съежилась. Вслѣдъ за тѣмъ она встала подъ предлогомъ, что ей холодно. Дѣйствительно, она вздрагивала, а на щекахъ появились красныя пятна.

* * *

Въ эту ночь онъ впервые обратилъ вниманіе на то, что рядомъ съ нимъ лежитъ старая, некрасивая женщина, которая покрыла лицо блестящей помадой, а волосы заплела въ колечки.

Она не старалась быть для него красивой; напротивъ, она цинично и безо всякаго стѣсненія открывала ему все неизящныя тайны туалета.

Это на нѣкоторое время вывело его изъ очарованія, и онъ сталъ думать о бѣгствѣ и думалъ такъ, пока сонъ не сомкнулъ его глазъ.

* * *

Прошло нѣсколько недѣль при глухомъ молчаніи. Звать гостей было теперь немислимо, потому что она оттолкнула его друзей, а ея собственные ей надоѣли. Они пробовали выходить каждый въ свою сторону, но снова возвращались домой.

— Тебѣ, несмотря на все, трудно быть вдали отъ меня!—
Замѣчала она.

— А тебѣ?—спрашивалъ онъ.

Она бывала иногда въ хорошемъ настроеніи или, скорѣй, въ равнодушномъ, и не сердилась, такъ что они могли разговаривать, т.-е. онъ рѣшался ей отвѣчать.

— Мой тюремщикъ!—говорила она.

— Кто заключенъ въ тюрьму, ты или я?—спрашивалъ онъ.

Убѣдившись, что они узники одинъ другого, они смѣялись надъ такими отношеніями и старались вспомнить, какъ все это случилось. Они вспоминали жениховство, свадебную поѣздку, переживали снова прошедшее, опять не жили настоящимъ.

Тутъ наступилъ великій моментъ, котораго онъ ожидалъ, великій моментъ, когда стало имъ ясно, что она беременна, что ея стремленіямъ намѣчена цѣль, и что имъ можно теперь смотрѣть впередъ, вмѣсто того, чтобы оглядываться назадъ. Но и тутъ таилось разочарованіе.

Она напустилась на него за то, что поблекнетъ ея красота; не помогали и его увѣренія, что она отъ этого помолодѣетъ и будетъ потомъ красивѣе и что ее ожидаетъ самое великое счастье. Она же считала его чуть-ли не своимъ убійцей, не могла его видѣть, выносить его присутствія. Онъ даже поговорилъ по этому поводу съ домашнимъ врачомъ. Тотъ улыбнулся и объяснилъ, что во время беременности у женщинъ сплошь и рядомъ замѣчаются странности.

Черезъ нѣкоторое время наступила въ ея настроеніи нѣкоторая тишина, которой онъ слишкомъ поторопился обрадоваться. Увѣренный въ томъ, что теперь жена останется у него дома, онъ не скрывалъ своей радости и благодарности. Этого не слѣдовало ему выказывать, такъ какъ она взглянула на это съ своей точки зрѣнія.

— Такъ-такъ!—заявила она, ты думаешь, что поймалъ меня! Но подожди только!—дай выздоровлю!

Взглядъ, сопровождавшій эту угрозу, далъ ему ясно понять, чего онъ могъ ожидать впослѣдствіи. И вотъ поднялась въ немъ борьба: онъ не зналъ, ждатель ли ему, пока родится ребенокъ, или уйти отъ жены раньше этого, чтобы избѣгнуть горечи разставанія съ ребенкомъ.

Супруги успѣли настолько сблизиться, что каждый понималъ мысли другого, такъ что онъ не могъ имѣть отъ нея тайнъ и она, понявъ его, выразила его мысль по своему.

— Я знаю, что ты насъ бросишь...

— Это странно,—замѣтилъ онъ.—Вѣдь не ты-ли все время грозишь, что уйдешь отъ меня съ ребенкомъ, какъ только онъ родится! Что я ни дѣлай, все выходитъ плохо! Если я останусь, то ты уйдешь, и я буду и несчастенъ, и смѣшонъ; если я уйду, то ты станешь жертвой, и я буду несчастенъ и жалокъ! Вотъ какъ бываетъ, если свяжешься съ женщиной!

Онъ не могъ себѣ представить, какъ пройдутъ эти девять мѣсяцевъ; но въ послѣднее время стало гораздо сноснѣе, потому что она начала любить ожидаемаго ребенка, а съ любовью пришла и красота, но красота возвышенная, и онъ не переставалъ ее увѣрять, что она для него стала лучше, чѣмъ когда бы то не было. Она же считала, что онъ говоритъ ей неправду, и какъ только замѣчала, что онъ радуется этой переменѣ, она снова рѣзко восклицала:

— Ты думаешь, что держишь меня!

— Другъ мой, я думалъ, когда мы обѣщались стать супругами, что я буду тебѣ принадлежать, а ты мнѣ, и думалъ, что мы такъ тѣсно будемъ связаны, что ребенокъ нашъ родится въ семейномъ очагѣ и будетъ воспитанъ отцомъ и матерью...

И такъ дальше, до безконечности!

Ребенокъ родился, и счастье матери было безгранично. Скука исчезла, и мужъ вздохнулъ свободно, но это слѣдовало бы ему дѣлать болѣе скрытно. А то два острыхъ глаза глядѣли на него, и два пронзительныхъ взгляда говорили: «Ты думаешь, я связана ребенкомъ?»

На третій день дѣвочка потеряла прелести новизны, и она была передана нянкѣ. А затѣмъ были призваны портнихи. Теперь онъ зналъ, чего ожидать...

Съ той минуты ходилъ онъ, какъ приговоренный къ смерти и ожидалъ своей казни. Онъ приготовилъ и уложилъ два чемодана, которые скрылъ въ своемъ платяномъ шкафу, готовый уѣхать при первомъ знакѣ.

Знакъ былъ поданъ черезъ два дня послѣ того, какъ жена встала. Она одѣлась въ платье новѣйшаго покроя и яркаго цвѣта. Онъ вышелъ съ ней, чтобы покатать ее, и страдалъ безгранично, когда видѣлъ, что та, которую онъ любитъ, привлекаетъ на себя вниманіе, оскорбляющее его. Даже уличные мальчики указывали пальцами на разодѣтую даму...

Съ того дня онъ больше не ѣздилъ кататься съ женой. Онъ оставался дома съ ребенкомъ и грустилъ, что его жена такъ странно себя ведетъ.

Слѣдующій шагъ ея по пути къ свободѣ былъ направленъ въ манежъ. Черезъ конюшни открываются двери въ общество. Черезъ лошадей тамъ, въ высшихъ сферахъ, завязываются знакомства. Лошади и собаки служатъ переходной ступеню въ тотъ свѣтъ, съ котораго смотришь внизъ на идущихъ по пыльной дорогѣ пѣшеходовъ. Кто сидитъ на спинѣ у лошади, становится вдвое выше и выглядитъ такъ, какъ будто онъ требуетъ, чтобы прохожій возносилъ къ нему свои очи.

Итакъ, черезъ конюшни къ барону и лейтенанту...

Сердца ихъ соединились, и такъ какъ баронъ былъ человекомъ благороднымъ и чистымъ, то онъ рѣшительно отказался отъ званія гостя и друга дома. Поэтому-то они и рѣшили вмѣстѣ уѣхать, т.-е. бѣжали.

Мужъ остался съ ребенкомъ.

* * *

Баронъ вскочилъ въ Цёдертелѣ въ Стокгольмскій курьерскій поѣздъ, въ которомъ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ ней.

Все было такъ хорошо рассчитано, что они, наконецъ, должны были остаться вдвоемъ, но судьба рѣшила иначе. И когда баронъ вошелъ въ вагонъ, то увидѣлъ свою возлюбленную среди чужихъ дамъ и господъ въ такой тѣснотѣ, что для него не было мѣста. Взглянувъ въ сосѣдніе купэ, онъ убѣдился, что вездѣ полно, и ему пришлось стоять въ коридорѣ.

Бѣшенство исказило его лицо, и желая ей любезно улыбнуться, онъ могъ только выставить свои глазные зубы, которыхъ она раньше никогда не видала. Что еще больше портило его, такъ это то, что онъ, не желая быть узаннымъ, одѣлся въ штатское платье. Она его еще такимъ не видала, и такъ какъ весеннее его пальто было прошлогоднее, то выглядѣло полинявшимъ. Оно выцвѣло. Въ немъ плечи его казались отвисшими; шея какъ бы продолжалась до рукъ и нѣсколько напоминала горлышко бутылки. Онъ весь вспотѣлъ отъ гнѣва, а на кончикъ носа прицѣпилась черная крупинка каменнаго угля. Она готова была вскочить, выдать свое инкогнито и стереть кружевнымъ платкомъ черную пылинку, но не рѣшалась этого сдѣлать. Онъ не рѣшался глядѣть на нее, боясь ей не понравиться, и про-

должалъ стоять въ коридорѣ, повернувшись къ ней спиной.

Когда они доѣхали до Катринегольмъ, то пора было обѣдать, если они не хотѣли голодать до вечера. Тутъ долженъ былъ мужчина и герой показать себя и выдержать испытаніе, или погибнуть въ ея глазахъ.

Весь сконфуженный и взволнованный, пошелъ онъ за дамой изъ вагона и направился къ вокзалу черезъ шпалы. Проходя черезъ нихъ, онъ споткнулся и шляпа его соскользнула на затылокъ, да такъ и осталась, такъ какъ онъ привыкъ такъ носить форменную фуражку. Но что было недурно для фуражки, выглядѣло некрасиво для котелка. Словомъ, день былъ для него несчастливъ.

Когда они вошли въ залъ, можно было подумать, что они поссорились, что они стыдились другъ друга, и что они рады были бы отдѣлаться одинъ отъ другого.

Нервы его были Богъ знаетъ въ какомъ состояніи, и онъ окончательно не могъ владѣть собой. Не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ толкнулъ ее къ столу и промолвилъ:

— Торопись!

Столъ обступили пассажиры и стояли въ такой тѣснотѣ, что трудно было двинуть рукой. Барону, наконецъ, удалось схватить тарелку, но когда онъ потянулся за вилкой, рука его коснулась другой руки, принадлежавшей чело-вѣку, котораго онъ теперь какъ разъ всего меньше желалъ встрѣтить! Это былъ его начальникъ, маіоръ...

Въ это же самое мгновеніе шопотъ пронесся среди ча-сти пассажировъ...

Ихъ узнали! Онъ стоялъ какъ бы обнаженный; его шея вздулась и побагровѣла. Онъ раньше никогда не думалъ, что людскіе взоры могли производить впечатлѣніе оружей-ныхъ выстрѣловъ. Онъ буквально почувствовалъ себя раз-стрѣляннымъ.

О дамѣ своей онъ и думать пересталъ. Онъ думалъ лишь о маіорѣ и о томъ, что тотъ можетъ погубить его будущность...

Но дама все видѣла и поняла; она всему и всѣмъ повернула спину, вышла и попала не въ свое купэ, но зато въ пустое. Онъ шелъ за ней, и они, наконецъ, оказались одни.

— Этого не доставало! — произнесъ онъ, ударяя себя по лбу.

— Чтобы я попалъ въ такую исторію! Главное, маіоръ! Теперь конецъ моей карьерѣ!

На эту тему разглагольствовалъ онъ на всѣ лады до Линкёнинга. Они стали сильно ощущать голодъ и жажду. Настроеніе было убійственное.

Послѣ Линкёнинга они почувствовали, что еще зло на душѣ накопилось и надо было на комъ-нибудь его сорвать. Въ самую надлежащую минуту подвернулось воспоминаніе о мужѣ, и они оба набросились на него. Онъ всему виновникъ, онъ тиранъ, идіотъ, само собой разумѣется, чловѣкъ, «который играетъ Вагнера»... Онъ далъ знать маіору, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія...

— Да, я этому вѣрю,—замѣтила молодая женщина съ полной увѣренностью.

— Ты вѣришь? А я знаю это! Они встрѣчаются на биржѣ, гдѣ вмѣстѣ спекулируютъ на акціяхъ... И знаешь ли, въ чемъ я теперь начинаю убѣждаться? Да, твой злополучный мужъ, какъ мы его называемъ, никогда тебя не любилъ!

Молодая женщина задумалась: или любовь мужа была дѣйствительно внѣ всякаго сомнѣнія, или просто ей удобнѣе было для всей этой исторіи допустить, что онъ ее любилъ; къ тому же она такъ мила, что трудно ее не любить.

— Нѣтъ! Ты на этотъ разъ несправедливъ, — заявила она послѣ минутнаго раздумья.

Она почувствовала себя нѣсколько вознесенной сознаниемъ, что она сказала о противникѣ доброе слово, но баронъ принялъ это за упрекъ себѣ.

— Онъ тебя любилъ? Онъ, запиравшій тебя и даже не соглашавшійся сопровождать тебя въ манежъ? Онъ...

Громоотводъ былъ, наконецъ, въ достаточной степени использованъ, и возбужденъ былъ другой вопросъ: вопросъ объ обѣдѣ. Этотъ послѣдній былъ волей - неволей очень скоро исчерпанъ, потому что раньше Незво обѣдать нельзя было, а до Незво оставалось еще полдня пути.

Молодая женщина мимоходомъ задала вопросъ о томъ, что теперь подѣлываетъ ея ребенокъ. Баронъ отвѣтилъ такимъ зѣваніемъ, что лицо его расколосось на-двое, какъ большое красное яблоко, причемъ показался рядъ темныхъ коренныхъ зубовъ. Затѣмъ онъ сѣлъ глубже на диванъ, незамѣтно приподнялъ ноги и растянулся. Вспомнивъ, что при этомъ слѣдовало бы сказать что-нибудь, онъ промолвилъ съ новымъ зѣвкомъ: «Извини, но я засыпаю».

Онъ моментально заснулъ и черезъ мгновение уже храпѣлъ. Переставши находиться подъ вліяніемъ его взглядовъ и словъ, она пришла къ ясному сознанию положенія, увидѣла, что за человѣкъ ея спутникъ и невольно навертывалось сравненіе.

Такъ никогда съ нею не поступалъ ея мужъ; онъ, въ сравненіи съ этимъ, былъ деликатенъ и всегда изящно одѣтъ.

Баронъ, выпившій наканунѣ изрядное количество пунша, началъ потѣть, и отъ него запахло уксусомъ. Конюшней отъ него пахло всегда...

Она вышла въ коридоръ, отворила окно и, какъ бы очнувшись отъ очарованія, она увидѣла ясно всю величину

своей ошибки, все отчаяніе своего положенія. Мимо нея проносился весенній ландшафтъ, промелькнуло маленькое озеро съ ольхами и домикомъ, и она вспомнила, какъ мечтала о лѣтней прохладѣ въ деревнѣ съ ребенкомъ.. Она разрыдалась... хотѣла броситься за окно, но что-то удержало ее...

Она долго простояла у окна, подымаясь на кончики пальцевъ, какъ бы желая остановить поѣздъ, повернуть его обратно...

Въ это время изъ купэ все доносился храпъ, какъ изъ загона для свиней во время кормленья... И ради этого... болвана покинула она свой домъ, ребенка и мужа..?

Храпѣніе замолкло, и баронъ воспользовался тѣмъ, что отдохнулъ, чтобы со свѣжими мыслями обдумать свое положеніе. Онъ не могъ быть грустнымъ, но зато разсердился. Увидавъ платокъ передъ глазами молодой женщины, онъ пришелъ въ негодованіе и усмотрѣлъ въ этомъ личную обиду. Но ругаться было непріятно и скучно и поэтому, принявъ жокейскій тонъ, онъ съ чисто кавалерійской лаской ущипнулъ свою спутницу въ затылокъ и крикнулъ:

— Ну, развеселись, Майя!

Трудно себѣ представить два болѣе различныя настроенія. Послѣдствіемъ этого было наступившее гробовое молчаніе. Это уже не было одно цѣлое, а два безповоротно различныхъ существа, которыя не могли сочетаться во едино.

Еще полдня скуки и темная ночь съ пересадкой, и, наконецъ, они достигли Копенгагена.

Тамъ ихъ никто не зналъ, и они почувствовали себя свободнѣе. Когда же они усѣлись въ ресторанѣ, то она начала «играть глазами», какъ онъ называлъ, т. е. оглядывать всѣхъ присутствующихъ, такъ что когда баронъ съ ней говорилъ, то онъ видѣлъ только ея профиль. Въ концѣ

концовъ, онъ разсердился и подь столомъ ударилъ ее ногой. Тогда она совсѣмъ отвернулась и какъ бы зывала глазами къ присутствующимъ. Его она видѣть не могла, такъ какъ онъ казался ей отвратительнымъ.

Когда же они пошли наверхъ въ занятую ими комнату, то тамъ разыгралась цѣлая сцена. Они дошли до обоюдныхъ упрековъ. Она виновата въ его разбитой будущности... Ради него оставила она домъ и ребенка...

Они ругались далеко за полночь, когда, наконецъ, устали и заснули.

* * *

На слѣдующее утро сидѣли они, грустные, за кофе. Она вспоминала свое свадебное путешествіе и то же приблизительно положеніе. Имъ не о чемъ было говорить, и онъ былъ такъ же скученъ, какъ и мужъ.

Они чувствовали, что ненавидятъ другъ друга, и отравляли другъ другу настроеніе.

Наконецъ, явился избавитель. Пришелъ кельнеръ и передалъ барону телеграмму.

Тотъ распечаталъ ее и въ одинъ мигъ прочелъ. Онъ на одно мгновеніе задумался, какъ бы что-то соображая, потомъ, взглянувъ на своего противника, промолвилъ:

— Меня вызываетъ начальство.

— Ты думаешь меня здѣсь оставить?

Прошла секунда, и онъ уже измѣнилъ свое намѣреніе.

— Нѣтъ, мы вернемся вмѣстѣ.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Ландскронъ,—продолжалъ онъ еще черезъ мгновеніе.—Тамъ никто тебя не знаетъ, и тамъ ты меня подождешь.

Эта внезапная поѣздка моремъ до Ландскрона имѣла

видъ интереснаго приключенія. Она воодушевилась, воодушевила его, и они быстро собрались.

То, что онъ могъ разстаться съ ней, если не навсегда, то хотя бы не надолго, вернуло ему бодрость. Черезъ нѣсколько часовъ усѣлся онъ на наемной парусной лодкѣ, возлюбленную свою усадилъ къ фокшкоту и отчалилъ, какъ морской разбойникъ съ своей невѣстой, важно, съ трескомъ.

Желая утаить планъ компаніи, онъ объяснилъ владѣльцу лодки, что беретъ ее лишь для катанья по Зунду; самъ же рѣшилъ телеграфировать изъ Ландскронъ и оттуда выслать обратно лодку на буксирѣ парохода.

Когда они отчаливали отъ берега, тутъ же стоялъ и глядѣлъ на нихъ владѣлецъ лодки. Когда же послѣдній замѣтилъ, что они держатъ курсъ къ острову Хвенъ, онъ крикнулъ:

— Только подальше отъ Хвена!

Крикнулъ еще что-то, что было унесено вѣтромъ.

— Почему не къ Хвену?—спросилъ баронъ.—Тамъ берегъ отлогій, рифовъ нѣтъ!

— Да, но если онъ это говоритъ, то, вѣроятно, какое нибудь основаніе есть!—замѣтила молодая женщина.

— Не болтай! Гляди за фокомъ!

Вѣтеръ свѣжѣлъ, и такъ какъ отъ фока до руля разстояніе было довольно значительное, то разговаривать нельзя было, и это было барону особенно пріятно.

Курсъ лежалъ къ юго-восточной конечности Хвена, но сначала путешественники этого не замѣтили. Когда же, наконецъ, молодая женщина увидѣла, куда ихъ несло, она крикнула:

— Не держи къ Хвену!

— Оставь...—отвѣтилъ баронъ.

Черезъ часъ времени они достигли высоты бѣлаго острова, и легкій поворотъ руля направилъ штевень къ виднѣвшемуся на сѣверѣ Ландскрону.

— Спасены!—крикнулъ рулевой и закурилъ папироску.

Въ то же мгновеніе маленькій пароходикъ отчалилъ отъ Хвена и понесся прямо на нихъ.

— Что это за пароходъ?—спросила молодая женщина.

— Это таможенный пароходъ!—отвѣтилъ баронъ, чувствовавшій себя на морѣ, какъ дома.

Но вотъ взвился на пароходѣ желтый флагъ и раздался свистокъ.

— Это не намъ!—замѣтилъ баронъ, все придерживаясь прежняго направленія.

Но пароходъ шелъ на нихъ, производилъ сигналы, испускалъ частые, короткіе свистки. Онъ быстро приближался къ нимъ.

Вдругъ баронъ вскочилъ съ мѣста, какъ бы готовый броситься въ море. Онъ внезапно вспомнилъ о разразившейся въ Гамбургѣ холерѣ.

— Это карантинный пароходъ!—закричалъ онъ.—Три дня! Мы погибли!

Черезъ мгновеніе усѣлся онъ снова на прежнее мѣсто и, забирая большой шкотъ, повернулъ лодку назадъ къ Зунду.

Началась погоня, но скоро пароходъ сталъ передъ штевнемъ парусника, оказавшимся пойманнымъ.

* * *

Весь хорошо обдуманый планъ, имѣвшій цѣлью не попадаться взглядамъ любопытныхъ, провалился, и когда лодка на буксирѣ достигла пристани Хвена, тысячная толпа привѣтствовала несчастныхъ криками и насмѣшками, не зная,

однако, кто они. Но испытаніе пойманныхъ было сильнѣй чѣмъ можно было предположить, потому что имъ казалось, что насмѣшки эти относятся къ ихъ неудавшемуся любовному приключенію.

Къ довершенію горя, баронъ обидѣлъ начальника карантина, выругавъ его. Поэтому они не могли рассчитывать ни на какое снисхожденіе и съ ними поступили, какъ со всѣми, прибывающими изъ холерной мѣстности.

Они съ минуты на минуту ожидали, что откроется ихъ инкогнито.

Трудно описать всѣ мученія этихъ трехъ дней. Весь первый день она проплакала о ребенкѣ, а онъ гулялъ по острову. Во второй день она стала превозносить рѣдкостныя качества мужа въ сравненіи съ невыносимымъ любовникомъ. На третій день она проклинала его за то, что онъ ее обольстилъ. Когда же, наконецъ, она назвала его идіотомъ за то, что онъ не послушался совѣтовъ лодочника и ея и не держался вдали отъ Хвена, онъ далъ ей пощечину...

На четвертый день, когда дѣйствительно ихъ признали и пришли газеты съ описаніемъ всей исторіи, они ушли въ горы, чтобы скрыться отъ позора.

Когда же, наконецъ, пришли два парохода и можно было покинуть Хвенъ, они сѣли на различные пароходы и уѣхали.

Съ того дня они другъ друга никогда больше не видели и прекратили всякое знакомство.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Колдунья.. .. .	1
Отець	87
Подъ облаками	153
Зарницы	179
Исторія одного супружества	233
